

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ПОХИЩЕННЫЙ

KIDNAPPED

Переводъ О. В. Ротштейнъ

Съ 21 рисункомъ

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

ПОХИЩЕННЫЙ

ЗАПИСКИ О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ ДАВИДА БАЛЬФУРА ВЪ 1751 ГОДУ, О ТОМЪ КАКЪ ОНЪ БЫЛЪ ПОХИЩЕНЪ И ПОТЕРПѢЛЪ КРУШЕНІЕ; О ЕГО СТРАДАНІЯХЪ НА ПУСТЫННОМЪ ОСТРОВѢ; О ЕГО СТРАНСТВОВАНІИ ПО ДИКИМЪ ГОРАМЪ; О ЕГО ЗНАКОМСТВѢ СЪ АЛАНОМЪ БРЕКОМЪ СТЮАРТОМЪ И ДРУГИМИ ВЫДАЮЩИМИСЯ ЯКОБИТАМИ ШОТЛАНДСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ; И ОБО ВСЕМЪ, ЧТО ОНЪ ПРЕТЕРПѢЛЪ ОТЪ РУКЪ ДЯДИ СВОЕГО ЭБЕНЕЗЕРА БАЛЬФУРА, ЛОЖНО ИМЕНОВАВШАГОСЯ ВЛАДѢЛЬЦЕМЪ ШООСА, ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ И НЫНѢ ИЗДАННЫЯ

РОБЕРТОМЪ ЛЬЮИСОМЪ СТИВЕНСОНОМЪ

Предисловіе къ русскому переводу.

Говоря о творчествѣ Стивенсона и, въ частности, о его романахъ: «Островъ Сокровищъ» и «Похищенный», Конанъ Дойль (1890 г.) проводитъ параллель между ихъ авторомъ и Даніелемъ Дефо. «Обѣ повѣсти, говоритъ онъ, прекрасны, какъ образцы англійскаго языка. Хорошо задуманныя и хорошо разсказанныя, онѣ на каждой страницѣ поражаютъ читателя какимъ-нибудь новымъ положеніемъ, какимъ-нибудь новымъ сочетаніемъ словъ, безукоризненно вѣрно передающимъ смыслъ изображеннаго момента. Какъ разсказъ, «Островъ Сокровищъ», быть можетъ, стоитъ на первомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ «Похищенному» суждено дольше запечатлѣться въ нашей памяти, потому что въ этой повѣсти мы находимъ превосходный и живой очеркъ состоянія горной Шотландіи послѣ послѣдняго якобитскаго возстанія».

Якобитами назывались приверженцы развѣнчаннаго короля Іакова II и его преемниковъ-претендентовъ на англійскій престолъ. Династія Стюартовъ, особенно въ лицѣ послѣднихъ двухъ своихъ представителей—Карла II и Іакова II, была такъ деспотична, вѣроломна и такъ притѣсняла религіозную и политическую жизнь страны, что вооружила противъ себя народъ, и въ 1688 году Англія привѣтствовала Вильгельма III (принца Оранскаго), какъ своего освободителя. Нельзя того же сказать про Шотландію: католики, преимущественно въ горныхъ областяхъ, и сторонники епископальной церкви съ епископомъ во главѣ были попрежнему приверженцами изгнаннаго Іакова II и образовали якобитскую или легитимистскую партію, которая еще въ теченіе полувѣка боролась противъ новой династіи. Пресвитеріанцы же или ковенантеры, партія наиболѣе

сильная и составлявшая большинство, — поддерживала новый порядокъ, который впервые даровалъ странѣ конституціонную или ограниченную монархію.

Во всякомъ случаѣ правительство Вильгельма III не было популярно въ Шотландіи. При рѣшеніи вопросовъ промышленности и въ торговомъ законодательствѣ король слишкомъ часто интересы Шотландіи приносилъ въ жертву интересамъ Англіи. Съ другой стороны знаменитое избіеніе въ Гленко (1692) враждебнаго новой династіи клана Макдональдовъ, совершенное Кемпбеллемъ изъ Гленлайона, съ согласія короля, желавшаго терроризовать шотландскихъ горцевъ,—вызвало всеобщее негодованіе и склонило къ якобитской партіи значительное число людей, принадлежавшихъ раньше къ нейтральному лагерю.

Въ 1707 г. при королевѣ Аннѣ (1702—1714 г.) сліяніемъ двухъ парламентовъ было окончательно укрѣплено политическое единство Англіи и Шотландіи. Съ этого года шотландскій парламентъ потерялъ свою независимость, и депутаты Шотландіи составляли въ англійской законодательной палатѣ ничтожное меньшинство, жалкую партію, съ которой почти не приходилось считаться. Связь дворянства съ народомъ была потеряна съ тѣхъ поръ, какъ лорды Шотландіи лишились законодательной власти у себя на родинѣ и, такимъ образомъ, указъ 1707 г. объ уничтоженіи шотландской автономіи прежде всего нанесъ ударъ аристократіи и явился добавочной силой въ ряду тѣхъ общихъ причинъ, которыя въ XVIII в. расшатывали престижъ и власть дворянства почти во всѣхъ странахъ Европы.

Но, несмотря на утрату автономіи, Шотландія еще не умерла, какъ отдѣльная нація, и продолжала имѣть свою исторію. Характеръ народный еще сохранился. Въ Шотландіи оставалась отдѣльная церковь и отдѣльное духовенство. Независимость судебныхъ учрежденій и болѣе космополитическая система права открывали молодымъ силамъ доступъ къ свободнымъ профессіямъ и къ общественному образованію. Шотландецъ съ давнихъ поръ питалъ большую склонность къ путешествіямъ, къ переселенію, къ колонизаціи, чѣмъ англичанинъ, не потому, чтобъ онъ менѣе горячо любилъ свою родину, но потому, что сравнительно скудная почва заставляла многихъ искать счастья въ другихъ странахъ. Еще въ концѣ XVIII столѣтія въ Шотландіи возникло особенно настойчивое стремленіе къ торговлѣ, и значительное число силъ страны потекло по этому новому руслу. Съ другой стороны, если считать войну необходимымъ признакомъ самостоятельнаго существованія народа, то и этотъ признакъ былъ иногда на лицо, и два возстанія (1715 и 1745 г.)

свидѣтельствовали о вѣрнопреданности многихъ шотландскихъ клановъ, католиковъ и приверженцевъ епископальной церкви, все еще готовыхъ защищать потомковъ Стюарта.

Джэмсъ Эдуардъ Стюартъ (сынъ Іакова II), родившійся за нѣсколько дней до переворота 1688 года, жилъ при французскомъ дворѣ; послѣ смерти его отца (1701 г.) Людовикъ XIV призналъ его королемъ Великобританіи подъ именемъ Іакова III. Претендентъ надѣялся, что королева Анна назначитъ его своимъ наслѣдникомъ, и якобиты долго еще не оставляли попытокъ возвести его на престолъ.

Якобитское возстаніе 1715 г. было подавлено очень быстро; сраженіе при Шериффъ-Морѣ, сразу разсѣяло кланы, которые собрались было подъ знаменемъ графа Мара. Тридцать лѣтъ спустя романическое возстаніе шотландскихъ горцевъ подъ предводительствомъ «младшаго претендента» (принца Чарльза Эдуарда) застало правительство врасплохъ. Пораженіе генерала Копа при Престонпансѣ, быстрое наступленіе шотландской арміи, съ примкнувшими къ ней католиками изъ графствъ сѣверной и средней Англіи,—все это привело Лондонъ въ трепетъ. Непріятель надвигался такъ энергично, что приблизившись къ Дэрби, онъ тѣмъ самымъ успѣлъ отрѣзать отъ столицы войска герцога Ньюкэстля. Но разногласіе мнѣній, отсутствіе талантливыхъ главарей и численная незначительность заставили ихъ отказаться отъ дерзкаго плана нападенія на Лондонъ—къ чему хотѣлъ ихъ склонить самъ принцъ Чарли. Было рѣшено отступить. Отступленіе было совершено въ полномъ порядкѣ, и 26-го декабря маленькая армія, прибыла въ Глазгоу. Здѣсь ихъ ожидала недоброжелательная встрѣча,—юго-западъ Шотландіи менѣе чѣмъ какая-либо другая область склонялся въ пользу Стюартовъ. Повстанцы тогда продвинулись къ Стирлингу, чтобы поддержать осаду города, которую грозилъ снять генералъ Хоулей. Побѣда надъ нимъ при Фолкиркѣ была послѣднимъ успѣхомъ якобитовъ. Противъ нихъ были отправлены королевскія войска подъ начальствомъ герцога Кумберленда, и Чарльзъ Эдуардъ, прекративъ осаду Стирлинга, отступилъ къ Инвернессу. Герцогъ преслѣдовалъ его по пятамъ, и пораженіе, которое претендентъ потерпѣлъ при Куллоденѣ (16-го апр. 1746 г.), разсѣяло его приверженцевъ и заставило его искать спасенія въ бѣгствѣ; только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитаній, ему удалось пробраться во Францію. Послѣднее якобитское возстаніе было подавлено самыми суровыми мѣрами. Кого захватывали съ оружіемъ въ рукахъ, того не щадили, хотя бы онъ былъ раненъ. Главныхъ начальниковъ предали суду и казнили въ разныхъ мѣстахъ сѣ-

верной Англіи. Хитрый лордъ Ловатъ (отецъ Симона Фразера, дѣйствующаго въ «Катріонѣ»), который не взялся за оружіе, хоть и былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ возстанія, понесъ наказаніе послѣднимъ. Онъ обращался къ королю съ просьбой о помилованіи, но главнымъ образомъ, просилъ за своего сына, которому и была дарована жизнь. Указъ о частичной амнистіи былъ изданъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ казни Ловата, но приняты были крутыя мѣры къ предотвращенію новаго возстанія. Помѣстья и титулы всѣхъ участниковъ мятежа подверглись конфискаціи. Былъ опубликованъ законъ, запрещавшій употребленіе оружія и ношеніе шотландскаго національнаго костюма. Были уничтожены всѣ остатки феодальной власти дворянъ и старшинъ клановъ, между прочимъ, отмѣнено наслѣдственное право суда, которымъ пользовались до тѣхъ поръ нѣкоторыя дворянскія фамиліи. Эти перемѣны въ законодательствѣ были встрѣчены сочувствіемъ городского населенія Шотландіи, нерѣдко страдавшаго отъ хищническаго и буйнаго права горцевъ. Прошло нѣкоторое время, и воспоминанія о Гленко и Куллоденѣ поблѣднѣли и стерлись послѣ общихъ побѣдъ британскихъ войскъ въ Индіи, въ Испаніи и при Ватерлоо. Въ одномъ только отношеніи якобитское движеніе пережило свою неудачу. Поэзія воспользовалась романтичностью событій этого движенія. идеализировала молодого принца, который пытался завоевать корону своему отцу, и нарекла патріотизмомъ якобитскую лояльность. Самопожертвованіе и преданность якобы правому дѣлу—но обреченному на неудачу,—придаютъ якобитамъ черты чего-то рыцарски благороднаго, и якобитскія баллады по праву занимаютъ мѣсто въ литературѣ, какъ замирающій отзвукъ средневѣковой эпопеи.

Романъ «Похищенный» былъ напечатанъ въ журналѣ для юношества «Young Folks Paper» въ 1886 г. Стивенсонъ жилъ тогда въ Бурнемутѣ, гдѣ у него былъ домъ, подарокъ отца, получившій названіе Скерриворъ въ честь знаменитаго Скерриворскаго маяка, построеннаго дядей писателя, Аланомъ Стивенсономъ, и находящагося къ югу отъ Гебридскихъ острововъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Давидъ Бальфуръ былъ выброшенъ на безлюдный берегъ.

Давидъ Бальфуръ пережилъ немало приключеній — и въ Эдинбургѣ, и на кораблѣ, и, въ особенности, въ горной Шотландіи. Дѣйствіе разсказа относится къ 1751 году. Жизнь страны

еще не вошла въ свою колею послѣ якобитскаго возстанія. Вся область еще находилась какъ бы на положеніи усиленной охраны, и ни къ чему непричастный человѣкъ могъ малѣйшей неосторожностью навлечь на себя опасность и лишиться, если не жизни, то, во всякомъ случаѣ, свободы. Судьба сталкиваетъ Давида Бальфура съ Аланомъ Брекомъ, когда-то служившимъ въ правительственныхъ войскахъ, подъ начальствомъ генерала Копа, а теперь—однимъ изъ самыхъ ревностныхъ якобитовъ. На Алана Брека вскорѣ падаетъ обвиненіе въ убійствѣ Колина Кемпбелля, короннаго сборщика податей, и имъ обоимъ приходится скрываться. Другой обвиняемый, Джемсъ Стюартъ, сразу же попадаетъ въ руки правительства, и его впослѣдствіи приговариваютъ къ смерти, не столько на основаніи уликъ, сколько въ виду опасной его популярности среди горцевъ; это былъ человѣкъ, котораго правительству надо было «устранить» во что бы то ни стало. Убійство Колина Кемпбелля является въ романѣ центральнымъ моментомъ; это—роковая сила, отъ которой зависятъ всѣ дальнѣйшія похожденія Давида Бальфура. Побуждаемый чувствомъ справедливости, онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы спасти несчастнаго Джемса Стюарта, невиновность котораго для него очевидна. Въ повѣсти «Катріона» подробно описано столкновеніе человѣколюбивыхъ замысловъ Давида Бальфура съ холодно разсчетливой политикой правительственнаго сановника, лорда-адвоката Шотландіи, столкновеніе идеи справедливости съ заботами о государственной безопасности.

«Судебное слѣдствіе объ этомъ убійствѣ умалчиваетъ вовсе о Давидѣ Бальфурѣ», признается авторъ. Другими словами, его герой—лицо вымышленное. Вопросъ о томъ, кто былъ убійца, такъ и остался открытымъ. Во всякомъ случаѣ, историческій матеріалъ объ этомъ дѣлѣ давалъ Стивенсону право создать именно ту версію аппинскаго убійства, которую читатель найдетъ въ настоящемъ романѣ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Дорогой мой Чарльзъ Бакстеръ. Если вы когда-нибудь прочитаете этотъ разсказъ, то, вѣроятно, зададите себѣ больше вопросовъ, нежели я могъ бы дать отвѣтовъ. Такъ, напр., вы спросите—какимъ образомъ убійство въ Аппинѣ пало на 1751 г.; какимъ образомъ Торренскія скалы придвинулись такъ близко къ Иррейду, или почему опубликованный отчетъ объ этомъ дѣлѣ совсѣмъ ничего не говоритъ обо всемъ, что касается Давида Бальфура? Всѣ эти орѣхи мнѣ не по зубамъ. Но если вы меня спросите о томъ, виновенъ ли Аланъ или невиненъ, то я полагаю, что могу постоять за свой разсказъ. Вы могли бы сами убѣдиться въ томъ, что мѣстное преданіе въ Аппинѣ и доднесь явно высказывается въ пользу Алана. Если вы наведете справки, то можете узнать, что потомки «другого человѣка», того, что стрѣлялъ, и теперь еще существуютъ въ той мѣстности. Но можете спрашивать сколько угодно, а имени этого «другого» вы не услышите; горцы свято соблюдаютъ эту тайну, уважая вообще всякія тайны, и свои собственныя и своихъ сородичей. Я могу съ успѣхомъ оправдывать одинъ пунктъ, но долженъ признать другой неоправдываемымъ; лучше ужъ признаться сразу, какъ мало интересуетъ меня желаніе быть точнымъ. Я пишу книгу не для школьной библіотеки, а книгу для чтенія зимними вечерами, когда занятія въ классахъ уже покончены и приближается время сна. Честный Аланъ, который въ свое время былъ старымъ шарлатаномъ, въ этомъ своемъ новомъ перерожденіи выведенъ мною не съ какимъ-либо особымъ злодѣйскимъ умысломъ, а только затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе какого-нибудь юнаго джентльмена отъ

его Овидія, обратить его на нѣкоторое время въ горную Шотландію и въ минувшее столѣтіе, и отпустить его въ постель въ такомъ настроеніи, чтобъ къ его снамъ припутались кое-какіе заманчивые образы.

Отъ васъ, мой дорогой Чарльзъ, я не могу и требовать, чтобъ этотъ разсказъ вамъ пришелся по вкусу. Но онъ, можетъ быть, понравится вашему сыну, когда онъ подрастетъ; ему будетъ пріятно найти имя своего отца на листѣ бумаги. Въ тоже время мнѣ отрадно начертать его здѣсь, въ воспоминаніе о многихъ дняхъ, большею частью счастливыхъ, хотя иногда и грустныхъ, но о которыхъ теперь съ интересомъ вспоминаешь. Если для меня такъ удивительно бросить взглядъ назадъ сквозь двойное разстояніе времени и пространства, на приключенія нашей юности, то для васъ это, быть можетъ, еще удивительнѣе какъ для человѣка, идущаго по тѣмъ же самымъ улицамъ, могущаго завтра же отворить дверь старой залы, гдѣ мы начали свое ознакомленіе съ Скоттомъ и Робертомъ Умметомъ и съ нашимъ возлюбленнымъ, но такъ мало извѣстнымъ Мекбиномъ,—или пройти въ тотъ уголокъ, гдѣ собирались митинги великаго общества I. J. R., гдѣ мы пили свое пиво, и сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ когда-то сиживалъ Борисъ съ своими товарищами. Мнѣ кажется, что я вижу васъ, какъ вы движетесь по этимъ мѣстамъ среди бѣлаго дня, видите ихъ своими натуральными глазами, тогда какъ для вашего товарища все это можетъ быть только предметомъ сновидѣній. Какъ прошлое звучитъ въ памяти во время перерывовъ среди текущихъ дѣлъ и занятій! Пусть же это эхо чаще звучитъ для васъ и будитъ въ васъ мысли о вашемъ другѣ

Р. Л. С.

Скерриворъ,
Бурнемутъ.

I. Я отправляюсь въ Шоосъ-гаузъ.

Разсказъ о моихъ приключеніяхъ я начну съ іюньскаго утра 1751 года, когда въ послѣдній разъ я заперъ за собою дверь отчаго дома. Пока я спускался по дорогѣ, солнце начинало освѣщать вершины холмовъ, а когда дошелъ до дома священника, въ сирени уже свистали дрозды, и туманъ, висѣвшій надъ долиной во время разсвѣта, начиналъ подниматься и исчезать.

Добрѣйшій иссендинскій священникъ, м-ръ Кемпбелль, ждалъ меня у садовой калитки. Онъ спросилъ, позавтракалъ ли я, и, услыхавъ, что мнѣ ничего не нужно, послѣ дружескаго рукопожатія ласково взялъ меня подъ руку.

— Ну, Дэви,—сказалъ онъ, — я провожу тебя до брода, чтобъ указать тебѣ дорогу.

И мы молча двинулись въ путь.

— Жалко тебѣ покидать Иссендинъ?—спросилъ онъ немного погодя.

— Я могъ бы вамъ отвѣтить, если бы зналъ, куда иду и что случится со мной,—сказалъ я.—Иссендинъ хорошее мѣстечко, и я былъ очень счастливъ тутъ; но вѣдь я ничего болѣе и не видалъ. Отецъ мой и мать умерли, и, оставаясь въ Иссендинѣ, я не былъ бы къ нимъ ближе, чѣмъ хотя бы въ Венгріи. Откровенно говоря, я уходилъ бы очень охотно, если бы только зналъ, что на новомъ мѣстѣ положеніе мое улучшится.

— Да!—сказалъ м-ръ Кемпбелль.—Прекрасно, Дэви. Значитъ мнѣ слѣдуетъ открыть тебѣ твое будущее, насколько это въ моей власти. Когда твоя мать умерла, а отецъ (достойный христіанинъ!) почувствовалъ приближеніе смерти, онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе письмо, говоря, что оно—твое наслѣдство. «Какъ только я умру,—говорилъ онъ,—и домъ будетъ приведенъ въ порядокъ, а имущество продано (все это сдѣлано, Дэви),

дайте моему сыну въ руки это письмо и отправьте его въ Шоосъ-гаузъ, недалеко отъ Крамонда. Я самъ пришелъ оттуда,—говорилъ онъ,—и туда же подобаетъ возвратиться моему сыну. Онъ смѣлый мальчикъ и хорошій ходокъ и я не сомнѣваюсь, что онъ благополучно доберется до мѣста и сумѣетъ тамъ заслужить расположеніе».

— Въ Шоосъ-гаузъ! — воскликнулъ я. — Какое отношеніе имѣлъ отецъ къ Шоосъ-гаузу?

— Никто не знаетъ этого достовѣрно,—сказалъ м-ръ Кемпбелль.—Но имя владѣльцевъ этого имѣнія то же, какъ и у тебя, Дэви. Бальфуры изъ Шоосъ, старинная, честная, уважаемая семья, случайно пришедшая въ упадокъ въ послѣднее время. Твой отецъ тоже получилъ образованіе, соотвѣтствовавшее его имени; никто такъ хорошо не руководилъ школой, какъ онъ, и разговоръ его не былъ похожъ на разговоръ простого школьнаго учителя; напротивъ (ты самъ помнишь), я любилъ, чтобы онъ бывалъ у меня, когда я принималъ образованныхъ людей; и даже мои родственники, Кемпбелли изъ Кильренета, Кемпбелли изъ Денсвайра, Кемпбелли изъ Минча и другіе, все очень знающіе люди, находили удовольствіе въ его обществѣ. А въ довершеніе всего сказаннаго, вотъ тебѣ завѣщанное письмо, надписанное собственой рукой покойнаго.

Онъ далъ мнѣ письмо, адресованное слѣдующимъ образомъ: «Ебенезеру Бальфуру, изъ Шооса, эсквайру, въ Шоосъ-гаузъ. Письмо это будетъ передано моимъ сыномъ, Давидомъ Бальфуромъ, въ собственныя руки». Сердце мое усиленно забилось при мысли о блестящей будущности, внезапно открывавшейся предо мной, шестнадцатилѣтнимъ сыномъ бѣднаго сельскаго учителя въ Эттрикскомъ лѣсу.

— М-ръ Кемпбелль, — спросилъ я прерывающимся голосомъ,—пошли бы вы туда, если бы были на моемъ мѣстѣ?

— Разумѣется,—отвѣчалъ священникъ,—и даже не медля. Такой большой мальчикъ, какъ ты, дойдетъ до Крамонда (недалеко отъ Эдинбурга) въ два дня. Въ крайнемъ случаѣ, если бы твои знатные родственники (а я предполагаю, что эти Бальфуры тебѣ сродни) и не приняли тебя, ты можешь черезъ два дня вернуться обратно и постучать въ дверь моего дома. Но я надѣюсь, что тебя примутъ хорошо, какъ ожидалъ твой отецъ, и что ты со временемъ будешь важнымъ лицомъ. А затѣмъ, Дэви,

мой мальчикъ,—закончилъ онъ,—я считаю своей обязанностью воспользоваться минутой разставанія и предостеречь тебя отъ опасностей, которыя ты можешь встрѣтить въ свѣтѣ.

При этихъ словахъ онъ подумалъ, какъ бы поудобнѣе сѣсть, опустился на большой камень подъ березой около дороги, серьезно оттопырилъ верхнюю губу, накрылъ носовымъ платкомъ свою треугольную шляпу, такъ какъ солнце теперь свѣтило на насъ изъ-за двухъ вершинъ. Затѣмъ, поднявъ указательный палецъ, онъ предостерегъ меня сперва отъ многочисленныхъ ерсей, которыя нисколько не соблазняли меня, и убѣждалъ не пренебрегать молитвой и чтеніемъ Библіи. Потомъ онъ описалъ мнѣ знатный домъ, куда я направлялся, и какъ я долженъ вести себя съ его обитателями.

— Будь уступчивъ, Дэви, въ несущественномъ,—говорилъ онъ,—помни, что хотя ты и благороднаго происхожденія, но воспитанъ въ деревнѣ. Не посрами насъ, Дэви! Будь обходителенъ въ этомъ большомъ, многолюдномъ домѣ, гдѣ такъ много служащихъ. Старайся быть осмотрительнымъ, сообразительнымъ и сдержаннымъ не хуже другихъ. Что же касается владѣльца, помни, что онъ—лэрдъ *). Скажу тебѣ только: воздай всякому должное. Пріятно подчиняться лэрду или должно было бы быть пріятно для юноши.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ я.—Обѣщаю вамъ, что буду стараться слѣдовать вашему совѣту.

— Прекрасный отвѣтъ,—возразилъ м-ръ Кемпбелль задушевно.—А теперь обратимся къ самому важному или къ не матеріальному. Вотъ пакетецъ, въ которомъ четыре вещи.—Говоря это, онъ съ большимъ усиліемъ вытащилъ его изъ бокового кармана.—Изъ этихъ четырехъ вещей первая принадлежитъ тебѣ по закону: это небольшая сумма отъ продажи книгъ и домашняго скарба твоего отца, которые я купилъ (какъ и объяснилъ съ самаго начала) съ цѣлью перепродать ихъ съ выгодой новому школьному учителю. Остальныя три—подарки отъ мистриссъ Кемпбелль и отъ меня, и ты доставишь намъ большое удовольствіе, если примешь ихъ. Первая—кругла и сначала, вѣроятно, больше всего понравится тебѣ; но, Дэви, это только капля въ морѣ; она облегчитъ тебѣ только одинъ шагъ и исчезнетъ, какъ утренній туманъ. Вторая, плоская, четыреугольная,

---

*) Laird—въ Шотландіи почти то же, что лордъ въ Англіи.

исписанная, будетъ помогать тебѣ въ жизни, какъ хорошій посохъ въ дорогѣ и какъ подушка подъ головой во время болѣзни. А послѣдняя. кубическая, пусть укажетъ тебѣ путь въ лучшій міръ—я буду молиться объ этомъ.

Съ этими словами онъ всталъ, снялъ шляпу и нѣкоторое время въ трогательныхъ выраженіяхъ громко молился за юношу, отправляющагося въ міръ, потомъ внезапно обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ; затѣмъ отстранилъ и, не выпуская изъ рукъ, долго глядѣлъ на меня, и лицо его было омрачено глубокою скорбью; наконецъ, повернулся, закричалъ мнѣ «прощай» и почти бѣгомъ пустился обратно по дорогѣ, которою мы только что шли. Другому это показалось бы смѣшнымъ, но мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Я слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду; онъ все продолжалъ торопиться и ни разу не оглянулся назадъ. Мнѣ стало ясно, что причиной всего была разлука со мной, и совѣсть стала сильно упрекать меня; самъ я былъ очень счастливъ, уходя изъ этой тихой деревенской глуши въ большой шумный домъ, гдѣ жили богатые и уважаемые дворяне одного со мной рода и имени.

«Дэви, Дэви,—думалъ я,—видана ли гдѣ такая черная неблагодарность? Неужели при одномъ намекѣ на знатность ты можешь забыть старыхъ друзей и ихъ расположеніе? Стыдно, Дэви, стыдно!»

Я сѣлъ на камень, съ котораго только что всталъ добрый священникъ, и открылъ пакетъ, чтобы посмотрѣть подарки. Я догадывался, что м-ръ Кемпбелль называлъ кубической вещью—это, разумѣется, была карманная Библія. То, что онъ называлъ круглымъ, оказалось шиллингомъ; а третій предметъ, который долженъ былъ такъ замѣчательно помогать мнѣ, здоровому и больному, былъ запиской красными чернилами на грубой желтой бумагѣ и слѣдующаго содержанія:

«Какъ приготовлять ландышевую воду.— Возьми хересъ и настой его на ландышевомъ цвѣтѣ и принимай при случаѣ ложку или двѣ. Эта настойка возвращаетъ даръ слова тѣмъ, у кого отнялся языкъ; она помогаетъ при подагрѣ, укрѣпляетъ сердце и память. Цвѣты же положи въ плотно закупоренную банку и поставь ее на мѣсяцъ въ муравейникъ, затѣмъ выпь и тогда увидишь въ банкѣ выдѣленную цвѣтами жид-

кость, которую и храни въ пузырькѣ; она полезна для здоровыхъ и больныхъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ».

Внизу была приписка рукой священника: «Также при вывихѣ слѣдуетъ втирать; а при коликахъ принимать каждый часъ по столовой ложкѣ».

Я, разумѣется, посмѣялся надъ этимъ, но то былъ скорѣе нервный смѣхъ. Поскорѣе повѣсивъ свой узелъ на конецъ палки,

— Вотъ пакетецъ, въ которомъ четыре вещи...

я перешелъ бродъ и сталъ подниматься на холмъ по другую сторону рѣчки. Наконецъ, я добрался до зеленой дороги, тянущейся среди вереска, и кинулъ послѣднiй взглядъ на Иссендинскую церковь, на деревья вокругъ дома священника и на кладбище, гдѣ покоились мои родители.

II. Я достигаю мѣста назначенiя.

На утро второго дня, достигнувъ вершины холма, я увидѣлъ передъ собой всю расположенную на склонѣ страну до самаго

моря; а посреди этого склона, на длинномъ горномъ кряжѣ, Эдинбургъ, дымившій, какъ калильная печь. На замкѣ развѣвался флагъ, а въ заливѣ плавали или стояли на якоряхъ суда. Несмотря на очень далекое разстояніе, я могъ все ясно разглядѣть, и мое деревенское сердце отъ радости готово было выпрыгнуть изъ груди.

Вскорѣ затѣмъ я проходилъ мимо дома пастуха, гдѣ мнѣ довольно грубо указали, какъ добраться до Крамонда; и такъ, спрашивая то одного, то другого, я шелъ мимо Колинтона все къ западу отъ столицы, пока не вышелъ на дорогу, ведущую въ Глазго. А на ней, къ моему великому удовольствію и удивленію, я увидѣлъ полкъ, маршировавшій подъ звуки флейтъ; впереди на сѣрой лошади ѣхалъ старый генералъ съ багровымъ лицомъ, а сзади шла рота гренадеръ въ шапкахъ, похожихъ на папскую тіару. Во мнѣ зашевелилось чувство гордости при видѣ этихъ солдатъ и при звукѣ ихъ веселой музыки.

Еще немного далѣе мнѣ объявили, что я въ Крамондскомъ приходѣ. Тогда я сталъ освѣдомляться о Шоосъ-гаузѣ. Казалось, что это очень удивляло всѣхъ. Сперва я думалъ, что моя простая деревенская одежда, запыленная въ дорогѣ, плохо согласовалась съ величіемъ этого мѣста. Но послѣ того, какъ двое или трое, одинаково взглянувъ на меня, дали тотъ же самый отвѣтъ, мнѣ начало приходить въ голову, что въ самомъ Шоосъ-гаузѣ есть что-то странное.

Чтобы разсѣять свои опасенія, я перемѣнилъ форму вопросовъ, и, увидѣвъ честнаго малаго, ѣхавшаго по проселку, стоя на оглоблѣ телѣги, я спросилъ, слыхалъ ли онъ когда-нибудь про Шоосъ-гаузъ.

Онъ остановилъ телѣгу и посмотрѣлъ на меня такъ же, какъ и другіе.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—А что?

— Это большая усадьба?—спросилъ я.

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ.—Домъ очень большой

— Ну,—спросилъ я,—а что за люди живутъ тамъ?

— Люди!—воскликнулъ онъ. — Съ ума вы сошли! Тамъ нѣтъ людей.

— А м-ръ Эбенезеръ?—спросилъ я.

— О, да!—сказалъ онъ.—Если вамъ надо лэрда, то онъ тамъ. Какое у васъ къ нему дѣло, любезный?

— Мнѣ сказали, что могу найти у него мѣсто,—сказалъ я, стараясь казаться какъ можно скромнѣе.

— Что?—закричалъ человѣкъ такъ громко, что даже лошадь вздрогнула.—Вотъ что, любезный,—продолжалъ онъ,—это, конечно, не мое дѣло, но вы кажетесь мнѣ порядочнымъ малымъ; послушайтесь-ка моего совѣта и держитесь подальше отъ Шоосъ-гауза.

Послѣ этого я встрѣтилъ юркаго человѣка въ прекрасномъ бѣломъ парикѣ и понялъ, что это цырюльникъ, дѣлающій свой обходъ. Такъ какъ я зналъ, что всѣ цырюльники большіе болтуны, то прямо спросилъ его, что за человѣкъ м-ръ Бальфуръ изъ Шоосъ-гауза.

— О,—сказалъ цырюльникъ,—онъ очень мало похожъ на человѣка—и началъ хитро разспрашивать, что мнѣ нужно; но я былъ еще хитрѣе, и онъ пошелъ къ своему слѣдующему кліенту, не узнавъ ничего.

Не могу описать, какой ударъ это нанесло моимъ ожиданіямъ. Чѣмъ туманнѣе были обвиненія, тѣмъ они мнѣ меньше нравились, такъ какъ оставляли обширное поле для воображенія. Что это былъ за большой домъ, когда одинъ вопросъ о томъ, гдѣ онъ находится, заставлялъ весь приходъ вздрагивать и таращить глаза? И что это былъ за лэрдъ, когда дурная слава о немъ бѣжала по большимъ дорогамъ? Если бы послѣ часовой ходьбы я могъ очутиться въ Иссендинѣ, то бросилъ бы свое предпріятіе и вернулся бы къ м-ру Кемпбеллю. Но я забрался уже такъ далеко, что самолюбіе не позволяло мнѣ отступить, не провѣривъ въ чемъ дѣло; изъ одного только самоуваженія я долженъ былъ довести его до конца; и хотя мнѣ очень не нравилось все, что я слышалъ, я все-таки, хотя и замедляя шаги, продолжалъ спрашивать дорогу и итти впередъ.

День близился къ закату, когда я встрѣтилъ крѣпкую, смуглую, угрюмую женщину, спускавшуюся съ холма. Когда я обратился къ ней съ моимъ обычнымъ вопросомъ, она круто повернула назадъ, проводила меня до вершины, съ которой только что спустилась, и показала мнѣ на громадное строеніе, стоявшее совершенно открыто на лужайкѣ въ глубинѣ ближайшей долины. Мѣстность вокругъ была очень красива. Небольшіе холмы были покрыты лѣсомъ и богато орошены, а поля, на мой взглядъ обѣщали необыкновенный урожай. Но самый домъ казался ка-

кой-то развалиной; къ нему не вело дороги; ни изъ одной трубы не шло дыма, а вокругъ не было ничего похожаго на паркъ. У меня упало сердце.

— Какъ!.. Это!—воскликнулъ я.

Глаза женщины враждебно сверкнули.

— Это Шоосъ-гаузъ!—закричала она.—Кровь строила его, кровь остановила его постройку, кровь разрушитъ его. Смотрите,—воскликнула она, снова—я плюю на землю и призываю на него проклятіе! Пусть онъ гнусно погибнетъ! Если вы увидите лэрда, передайте ему мои слова; скажите ему, что Дженетъ Клоустонъ въ тысяча двѣсти девятнадцатый разъ призываетъ проклятіе на него и его домъ, на хлѣвъ и конюшню, на слугу, гостя, хозяина, жену, любовницу, ребенка, — да будетъ ужасна ихъ гибель!

И женщина, голосъ которой поднялся до какого-то вѣщаго заклинанія, внезапно подпрыгнувъ, повернулась и исчезла. Я продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ и волосы мои поднимались дыбомъ. Въ тѣ времена люди еще вѣрили въ вѣдьмъ и боялись проклятій; проклятіе же этой женщины, явившееся какъ бы предостереженіемъ, чтобы остановить меня, пока еще было время, совершенно лишило меня силъ.

Я присѣлъ и сталъ смотрѣть на Шоосъ-гаузъ. Чѣмъ болѣе смотрѣлъ я, тѣмъ мѣстность казалась красивѣе. Все кругомъ было покрыто цвѣтущимъ боярышникомъ. Луга пестрѣли овцами. Въ небѣ красиво пролетали грачи. Во всемъ сказывалось богатство почвы и благотворность климата, и только домъ совсѣмъ не нравился мнѣ.

Пока я сидѣлъ такъ около канавы, крестьяне стали возвращаться съ полей, но я былъ въ такомъ унынiи, что даже не пожелалъ имъ добраго вечера. Наконецъ, солнце сѣло, и я увидѣлъ струю дыма, поднимавшуюся прямо на фонѣ желтаго неба. Хотя струйка эта и была очень тонка, но все-таки служила доказательствомъ, что въ домѣ былъ огонь и тепло, и ужинъ, и какое-нибудь живое существо. Эта мысль замѣчательно ободрила меня, болѣе, я увѣренъ, чѣмъ цѣлая фляжка ландышевой воды, которой мистриссъ Кемпбелль придавала такое значеніе.

И я пошелъ впередъ по едва замѣтной въ травѣ тропинкѣ, ведшей по направленію къ дому. Она казалась слишкомъ незамѣтной, чтобы вести къ обитаемому мѣсту; но другой я не ви-

дѣлъ. Тропинка привела меня къ каменой аркѣ; рядомъ съ ней былъ домикъ безъ крыши, а наверху—слѣды герба. Ясно, что тутъ предполагался главный входъ, который не былъ оконченъ; вмѣсто воротъ изъ кованаго чугуна двѣ деревянныя рѣшетчатыя дверцы были связаны соломеннымъ жгутомъ; не было ни садовой ограды, ни малѣйшаго признака подъѣздной дороги, но тропинка, по которой я шелъ, обогнула арку съ правой стороны и, извиваясь, направилась къ дому.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ нему, тѣмъ угрюмѣе онъ казался. Это былъ, должно быть, только одинъ флигель недостроеннаго дома. Во внутренней части его верхній этажъ былъ не достроенъ и въ небѣ вырисовывались его неоконченные уступы и лѣстницы. Во многихъ окнахъ не хватало стеколъ, и летучія мыши влетали и вылетали, какъ голуби изъ голубятни.

Когда я подошелъ близко, ночь начинала спускаться и въ трехъ нижнихъ окнахъ, расположенныхъ высоко надъ землей, очень узкихъ и хорошо загороженныхъ, замерцалъ дрожащій свѣтъ маленькаго огонька.

Такъ вотъ тотъ дворецъ, куда я шелъ! Вотъ тѣ стѣны, въ которыхъ я долженъ искать новыхъ друзей и начать блестящую карьеру! Тамъ, въ Иссенъ-Уотерсайдѣ, въ домѣ моего отца, яркій огонь свѣтилъ на милю вокругъ, и дверь отворялась для каждаго нищаго.

Я осторожно подходилъ, прислушиваясь, и до меня донесся шумъ передвигаемой посуды и пароксизмы сухого, сильнаго кашля; но не было слышно ни разговора, ни даже лая собаки.

Дверь, насколько я могъ видѣть при тусколмъ свѣтѣ, была большая деревянная, вся обитая гвоздями, и я съ робкимъ сердцемъ поднялъ руку и постучалъ одинъ разъ. Потомъ сталъ ждать. Въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Прошла цѣлая минута, и ничего не двигалось, кромѣ летучихъ мышей надъ моей головой. Я снова постучалъ, снова сталъ слушать. Теперь мои уши такъ привыкли къ тишинѣ, что я слышалъ, какъ часы внутри дома медленно отсчитывали секунды; но тотъ, кто былъ въ домѣ, хранилъ мертвое молчаніе и, должно быть, задерживалъ дыханіе.

Я уже думалъ, не убѣжать ли мнѣ, но гнѣвъ пересилилъ; я сталъ руками и ногами колотить въ дверь и громко звать м-ра Бальфура. Только что войдя въ азартъ, я услышалъ какъ разъ надъ собой кашель. Отскочивъ отъ двери и взглянувъ наверхъ,

я въ одномъ изъ оконъ перваго этажа увидалъ человѣка въ высокомъ ночномъ колпакѣ и расширенное къ концу дуло мушкетона.

— Онъ заряженъ,—сказалъ голосъ.

— Я принесъ письмо м-ру Эбенезеру Бальфуру изъ Шооса,—сказалъ я.—Здѣсь онъ?

— Отъ кого?—спросилъ человѣкъ съ мушкетономъ.

— Это васъ не касается, — сказалъ я, начиная раздражаться.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ, — можете положить его на порогъ и убираться.

— Ужъ этого-то я не сдѣлаю!—воскликнулъ я.—Я отдамъ его м-ру Бальфуру въ собственныя руки, какъ мнѣ велѣно. Это рекомендательное письмо.

— Что такое?—рѣзко крикнулъ голосъ.

Я повторилъ свои слова.

— Кто же вы сами?—былъ слѣдующій вопросъ послѣ значительной паузы.

— Я не стыжусь своего имени,—сказалъ я.—Меня зовутъ Давидъ Бальфуръ.

Я убѣжденъ, что при этихъ словахъ человѣкъ вздрогнулъ, потому что слышалъ, какъ мушкетонъ брякнулъ о подоконникъ. Слѣдующій вопросъ былъ заданъ послѣ долгой паузы и странно измѣнившимся голосомъ:

— Вашъ отецъ умеръ?

Я такъ этому удивился, что не могъ отвѣчать, а изумленно смотрѣлъ на него.

— Да,—сказалъ человѣкъ,—навѣрное онъ умеръ, и вотъ почему вы ломаете мои двери.—Опять пауза, а затѣмъ онъ сказалъ вызывающе:—Что же, я впущу васъ,—и исчезъ изъ окна.

III. Я знакомлюсь со своимъ дядей.

Вскорѣ послышался страшный шумъ цѣпей и отодвигаемыхъ засововъ, дверь была осторожно пріотворена и немедленно закрыта за мной.

— Ступайте на кухню и не трогайте ничего,—сказалъ голосъ; и пока человѣкъ, жившій въ домѣ, снова укрѣплялъ затворы, я ощупью добрался до кухни.

Огонь ярко разгорался и освѣщалъ комнату съ такимъ бѣднымъ убранствомъ, какого я никогда и не видѣлъ. Съ полдюжины мисокъ и блюдъ стояло на полкахъ; на столѣ былъ накрытъ ужинъ: миска съ похлебкой, роговая ложка и стаканъ слабаго пива. Больше ничего не было въ этой большой, оштукатуренной, пустой комнатѣ, кромѣ нѣсколькихъ закрытыхъ на ключъ сундуковъ, стоявшихъ вдоль стѣны, и посуднаго шкапа съ висячимъ замкомъ въ углу.

Закрѣпивъ послѣднюю цѣпь, человѣкъ вернулся ко мнѣ. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ, съ узкими плечами и землянымъ цвѣтомъ лица; ему могло быть отъ пятидесяти до семидесяти лѣтъ. На немъ былъ фланелевый ночной колпакъ и такой же халатъ, надѣтый сверхъ истрепанной рубашки и замѣнявшій ему и жилетъ, и кафтанъ. Онъ, очевидно, давно не брился. Но болѣе всего тревожило и даже страшило меня то, что онъ все время не спускалъ съ меня глазъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни разу не взглянулъ мнѣ прямо въ лицо. Я никакъ не могъ догадаться, кто онъ по рожденію или по занятію; болѣе всего онъ былъ похожъ на стараго, ненужнаго слугу, котораго за харчи приставили смотрѣть за этимъ большимъ домомъ.

— Вы проголодались?—спросилъ онъ, и взглядъ его бѣгалъ на уровнѣ моего колѣна.—Можете съѣсть этотъ супъ.

Я сказалъ, что это, вѣроятно, его собственный ужинъ.

— О,—сказалъ онъ,—я могу отлично обойтись безъ него. Но я выпью эль, потому что онъ смягчаетъ мой кашель.—Онъ выпилъ около полустакана, все время не спуская съ меня глазъ; затѣмъ быстро протянулъ руку. — Покажите письмо, — сказалъ онъ.

Я сказалъ, что письмо было адресовано не ему, а м-ру Бальфуру.

— А за кого же вы меня принимаете?—спросилъ онъ.—Дайте мнѣ письмо Александра!

— Вы знаете, какъ звали моего отца?

— Было бы странно, если бы я этого не зналъ,—отвѣчалъ онъ,—такъ какъ онъ былъ мнѣ роднымъ братомъ, и хотя вамъ, кажется, очень не по вкусу и я самъ, и мой домъ, и мой прекрасный супъ, я все-таки вашъ родной дядя, мой милый, а вы—мой родной племянникъ. А потому отдайте письмо, а сами пока ѣшьте.

Если бы я былъ моложе на нѣсколько лѣтъ, я, вѣроятно, расплакался бы отъ стыда, отвращенія и разочарованія. Теперь же я не могъ произнести ни слова, но молча отдалъ ему письмо и сталъ ѣсть супъ такъ неохотно, насколько это возможно для здороваго юноши.

Въ это время дядя мой, наклонясь къ огню, вертѣлъ письмо въ рукахъ.

— Знаете вы, что въ немъ?—внезапно спросилъ онъ.

— Вы сами видите, сэръ, — сказалъ я, — что печать не сломана.

— Гм...—сказалъ онъ,—что же васъ привело сюда?

— Я хотѣлъ отдать письмо,—сказалъ я.

— Ну, — сказалъ онъ съ хитрымъ видомъ, — вѣдь у васъ были, вѣроятно, какія-нибудь надежды?

— Сознаюсь, сэръ,—отвѣчалъ я,—узнавъ, что у меня есть достаточные родственники, я дѣйствительно надѣялся найти у нихъ помощь. Но я не нищій, я не прошу у васъ милостыни и не прошу ничего, что дается неохотно. Хотя я и кажусь бѣднымъ, но у меня есть друзья, которые будутъ рады помочь мнѣ.

— Ну, ну, — сказалъ дядя Эбенезеръ, — нечего вамъ обижаться на меня. Мы еще отлично сойдемся. А затѣмъ, Дэви, если вы не хотите этого супа, то я доѣмъ его самъ. Да,—продолжалъ онъ, когда завладѣлъ моимъ супомъ и ложкой,—супъ славная, здоровая пища, важная пища.—Онъ вполголоса пробормоталъ молитву и принялся за супъ.—Вашъ отецъ очень любилъ поѣсть, я помню; можно было назвать его если не большимъ, то, по крайней мѣрѣ, усерднымъ ѣдокомъ. Что же касается меня, то я всегда только притрогивался къ пищѣ.—Онъ глотнулъ пива и это, вѣроятно, напомнило ему объ обязанностяхъ гостепріимства, потому что слѣдующими его словами были:—Если вы хотите пить, то найдете воду за дверью.

На это я ничего не отвѣтилъ, но упорно продолжалъ стоять и глядѣлъ на моего дядю съ большимъ гнѣвомъ. Онъ, съ своей стороны, продолжалъ торопливо ѣсть и бросалъ быстрые взгляды то на мои башмаки, то на чулки домашняго вязанья. Только разъ, когда онъ рѣшился взглянуть немного выше, глаза наши встрѣтились, и даже на лицѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не могло отразиться столько страха. Это заставило меня призадуматься надъ тѣмъ, не происходитъ ли его боязли-

вость отъ непривычки къ людскому обществу, не пройдетъ ли она послѣ маленькаго опыта и не станетъ ли мой дядя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Меня пробудилъ его рѣзкій голосъ.

— Вашъ отецъ давно умеръ?—спросилъ онъ.

— Уже три недѣли, сэръ,—отвѣчалъ я.

— Александръ былъ скрытный человѣкъ, скрытный, молчаливый человѣкъ,—продолжалъ онъ.—Онъ и въ молодости мало разговаривалъ. Онъ говорилъ что-нибудь обо мнѣ?

— Пока вы сами мнѣ не сказали, сэръ, я и не зналъ, что у него былъ братъ.

— О, Господи! — сказалъ Эбенезеръ. — Вѣрно, онъ и о Шоосѣ не говорилъ?

— Никогда даже не называлъ его,—сказалъ

— Подумайте только!—сказалъ онъ.—Странный человѣкъ. Несмотря на то, онъ казался чрезвычайно довольнымъ,—самимъ ли собою или мной, или поведеніемъ моего отца, этого я не могъ угадать. Во всякомъ случаѣ, у него, должно быть, прошло то чувство отвращенія или недоброжелательства, которое онъ сначала почувствовалъ ко мнѣ, потому что онъ вдругъ вскочилъ, прошелъ по комнатѣ за моей спиной и хлопнулъ меня по плечу.

— Мы еще отлично сойдемся!—воскликнулъ онъ.—Я положительно радъ, что впустилъ васъ. А теперь пойдемте спать.

Къ моему великому удивленію, онъ не зажегъ ни лампы, ни свѣчи, а ощупью пошелъ въ темный проходъ, ощупью же, тяжело дыша, поднялся нѣсколько ступенекъ, остановился передъ какой-то дверью и отомкнулъ ее. Я спотыкался, стараясь слѣдовать за нимъ, и теперь стоялъ рядомъ; онъ предложилъ мнѣ войти, такъ какъ это и была моя комната. Я послушался, но послѣ нѣсколькихъ шаговъ остановился и попросилъ себѣ свѣчку.

— Ну, ну,—проговорилъ дядя Эбенезеръ,—сегодня чудная лунная ночь.

— Сегодня нѣтъ ни луны, ни звѣздъ, сэръ, и тьма кромѣшная,—сказалъ я.—Я не могу найти постель.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—я не люблю, чтобы въ домѣ былъ свѣтъ. Я страшно боюсь пожара. Спокойной ночи, Дэви, мой милый.—И не успѣлъ я изъявить новый протестъ, какъ онъ захлопнулъ дверь и я услышалъ, что онъ запиралъ меня снаружи.

Я не зналъ, плакать ли мнѣ или смѣяться. Въ комнатѣ было холодно, какъ въ колодцѣ, а когда я, наконецъ, нашелъ постель,

она оказалась мокрой, какъ торфяное болото. Но я, къ счастью, захватилъ съ собой узелъ и пледъ; завернувшись въ послѣдній, улегся на полу около большой кровати и быстро заснулъ.

При первомъ проблескѣ дня я открылъ глаза и увидѣлъ, что нахожусь въ большой комнатѣ, обитой тисненой кожей, уставленной дорогой вышитой мебелью и освѣщаемой тремя прекрасными окнами. Лѣтъ десять, а, можетъ быть, и двадцать тому назадъ нельзя было бы желать лучшей комнаты для сна или пробужденія; но съ тѣхъ поръ сырость, грязь, необитаемость, мыши и пауки сдѣлали свое дѣло. Кромѣ того, нѣкоторыя оконныя рамы были сломаны; но въ Шоосъ-гаузѣ это было обычнымъ явленіемъ, точно моему дядѣ приходилось когда-нибудь выдерживать осаду своихъ возмущенныхъ сосѣдей — можетъ быть, съ Дженетъ Клоустонъ во главѣ.

Между тѣмъ, на дворѣ свѣтило солнце, и я такъ замерзъ въ этой печальной комнатѣ, что началъ стучать и кричать, пока не пришелъ мой тюремщикъ и не выпустилъ меня. Онъ повелъ меня за домъ, гдѣ былъ колодезь съ бадьей, и сказалъ, что «если мнѣ нужно, я могу вымыть тутъ лицо». Я вымылся и поспѣшилъ въ кухню, гдѣ онъ развелъ огонь и стряпалъ похлебку. На столѣ стояли двѣ чашки съ двумя роговыми ложками, но тотъ же одинъ стаканъ легкаго пива. Вѣроятно, я посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и мой дядя замѣтилъ это, потому что, какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль, онъ спросилъ, не хочу ли я выпить элю,—такъ онъ называлъ свое пиво.

Я сказалъ ему, что хотя привыкъ къ этому, но не желаю его безпокоить.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—я не отказываю вамъ въ томъ, что благоразумно.

Онъ снялъ съ полки другой стаканъ, но, къ моему великому изумленію, вмѣсто того, чтобы налить еще пива, перелилъ ровно половину изъ одного стакана въ другой. Въ этомъ было какое-то благородство, отъ котораго у меня захватило духъ; хотя мой дядя безспорно былъ скрягой, но принадлежалъ къ той высшей породѣ скупцовъ, которые могутъ заставить уважать свой порокъ.

Когда мы кончили завтракъ, мой дядя открылъ сундукъ и вынулъ изъ него глиняную трубку и пачку табаку, отъ которой отрѣзалъ ровно столько, чтобы набить одну трубку, а остальное

заперъ снова. Затѣмъ онъ усѣлся на солнцѣ у одного изъ окопъ и сталъ молча курить. Отъ времени до времени глаза его останавливались на мнѣ, и онъ выпаливалъ какой-нибудь вопросъ. Разъ онъ спросилъ:

— А ваша мать? — и когда я сказалъ, что и она также умерла, онъ прибавилъ: — Красивая была дѣвушка! — Потомъ опять послѣ длинной паузы:—А кто такіе эти ваши друзья?

Я сказалъ ему, что то были различные джентльмэны, носящіе фамилію Кемпбелль, хотя на самомъ дѣлѣ только одинъ изъ нихъ, а именно священникъ, когда-либо обращалъ на меня вниманіе. Но я начиналъ думать, что дядя слишкомъ легко относится къ моему общественному положенію, и желалъ доказать ему, что хотя я съ нимъ теперь и одинъ, но у меня есть защитники.

Онъ, казалось, раздумывалъ о моихъ словахъ.

— Дэви,—сказалъ онъ потомъ,—вы хорошо сдѣлали, что пришли къ своему дядѣ Эбенезеру. Я высоко ставлю нашу фамильную честь и исполню свой долгъ относительно васъ; но пока я соображаю, куда бы лучше васъ пристроить: сдѣлать ли васъ дипломатомъ или юристомъ, или, можетъ быть, военнымъ, что молодежь любитъ болѣе всего; я не хотѣлъ бы, чтобы Бальфуръ унижался передъ сѣверными Кемпбеллями, и потому прошу васъ держать языкъ за зубами. Чтобы не было никакихъ писемъ, никакихъ посланій, ни слова никому, иначе—вотъ моя дверь.

— Дядя Эбенезеръ,—отвѣчалъ я,—у меня нѣтъ основанія предполагать, что вы желаете мнѣ дурное. Но, несмотря на то, я желалъ бы убѣдить васъ, что и у меня есть самолюбіе. Я отыскалъ васъ не по своей волѣ; и если вы еще разъ укажете мнѣ на дверь, я поймаю васъ на словѣ.

Онъ казался сильно смущеннымъ.

— Ну, ну, — сказалъ онъ, — нельзя же такъ, мой милый, нельзя. Потерпите день или два. Я не колдунъ, чтобы найти карьеру на днѣ суповой миски. Но дайте мнѣ день или два и не говорите никому ни слова, и, честное слово, я исполню свой долгъ относительно васъ.

— Хорошо,—сказалъ я,—этого довольно. Если вы хотите помочь мнѣ, то я, безъ сомнѣнія, буду очень радъ и очень благодаренъ.

Мнѣ стало казаться (немного рано), что я бралъ верхъ надъ

моимъ дядей, и я началъ говорить, что надо провѣтрить мою постель и постельное бѣлье и просушить ихъ на солнцѣ, потому что я ни за что не стану спать въ такомъ непріятномъ мѣстѣ.

— Кто здѣсь хозяинъ, вы или я?—сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, но вдругъ сразу удержался.—Ну, ну,—прибавилъ онъ,—я не то хотѣлъ сказать. Что мое, то и ваше, Дэви, а что ваше, то и мое. Вѣдь кровь не вода, и на свѣтѣ только мы двое носимъ имя Бальфуровъ.—И онъ началъ безсвязно разсказывать о нашей семьѣ и ея быломъ величіи, о своемъ отцѣ, начавшемъ перестраивать домъ, о себѣ, какъ онъ остановилъ перестройку, считая это преступной растратой; это навело меня на мысль передать ему слова Дженетъ Клоустонъ.

— Ахъ, негодяйка!—закричалъ онъ.—Тысячу двѣсти пятнадцать, это значитъ каждый день съ тѣхъ поръ, какъ я продалъ ея имущество. Я бы хотѣлъ видѣть ее поджаренной на горячихъ угольяхъ, прежде чѣмъ это случится! Вѣдьма, настоящая вѣдьма! Я пойду переговорить съ секретаремъ суда.

Съ этими словами онъ открылъ сундукъ и вынулъ изъ него очень старый, но хорошо сохранившійся синій кафтанъ, жилетъ и довольно хорошую касторовую шляпу, то и другое безъ галуна. Онъ кое-какъ надѣлъ ихъ и, взявъ изъ шкапа палку, опять заперъ все на ключъ и собирался уже итти, какъ вдругъ новая мысль остановила его.

— Я не могу оставить васъ одного въ домѣ,—сказалъ онъ.— Мнѣ придется запереть его отъ васъ.

Кровь прилила мнѣ къ лицу.

— Если вы выгоните меня изъ дому, то ужъ больше не увидите,—сказалъ я.

Онъ страшно поблѣднѣлъ и вытянулъ губы.

— Это плохой способъ, — сказалъ онъ, злобно глядя въ уголъ, — это плохой способъ добиться моего расположенія, Давидъ.

— Сэръ,—сказалъ я,—хотя я и питаю подобающее уваженіе къ вашимъ лѣтамъ и нашему роду, но мало цѣню ваше расположеніе; меня учили уважать себя, и если бы вы олицетворяли собой всѣхъ моихъ дядей и весь родъ, я все-таки не сталъ бы покупать ваше расположеніе такой цѣной.

Дядя Эбенезеръ подошелъ къ окну и нѣкоторое время глядѣлъ въ него. Я видѣлъ, что онъ весь дрожалъ и корчился, словно

въ судорогѣ. Но когда онъ обернулся, на лицѣ его играла улыбка.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—надо терпѣть и щадить. Я не уйду, и довольно объ этомъ.

— Дядя,—сказалъ я,—я ничего не понимаю. Вы обращаетась со мной, какъ съ воромъ; вамъ непріятно, что я въ этомъ домѣ, вы даете мнѣ это понять ежеминутно и на каждомъ словѣ; невозможно, чтобы вы могли полюбить меня; я, съ своей стороны, говорилъ съ вами такъ, какъ ни съ кѣмъ никогда не предполагалъ говорить. Зачѣмъ же вы хотите задержать меня? Отпустите меня обратно къ моимъ друзьямъ!

— Ну, ну, ну, — сказалъ онъ серьезно. — Я васъ очень люблю, мы еще отлично сойдемся; и честь дома не позволяетъ мнѣ отпустить васъ туда, откуда вы пришли. Поживите здѣсь спокойно, будьте умникомъ, побудьте нѣкоторое время со мной, и вы увидите, что мы сойдемся.

— Хорошо, сэръ,—сказалъ я, подумавъ,—я немного поживу здѣсь.—Конечно, справедливѣе получать помощь отъ родственника, чѣмъ отъ чужихъ, и если мы не сойдемся, то, надѣюсь, что это будетъ не по моей винѣ.

IV. Я подвергаюсь большой опасности въ Шоосъ-гаузѣ.

День, начавшійся такъ дурно, прошелъ, сверхъ ожиданія, довольно хорошо. Въ двѣнадцать часовъ мы опять ѣли холодную похлебку, а вечеромъ горячую; похлебка и легкое пиво составляли весь столъ моего дяди. Онъ разговаривалъ мало и, также какъ и прежде, послѣ долгаго молчанія задавалъ мнѣ вопросъ; а когда я захотѣлъ навести его на разговоръ о моемъ будущемъ, онъ снова увернулся. Въ комнатѣ рядомъ съ кухней, куда онъ позволилъ мнѣ пойти, я нашелъ множество латинскихъ и англійскихъ книгъ, чтеніемъ которыхъ съ большимъ удовольствіемъ занялся до вечера. Время прошло такъ незамѣтно въ этомъ пріятномъ обществѣ, что я сталъ почти примиряться съ моимъ пребываніемъ въ Шоосъ-гаузѣ, и только видъ моего дяди и глаза его, какъ бы игравшіе въ прятки съ моими глазами, будили мое недовѣріе.

Я открылъ нѣчто, возбудившее во мнѣ сомнѣнія. Это была надпись на первой страничкѣ брошюры Патрика Уокера, сдѣланная, очевидно, рукой моего отца и гласящая: «Моему брату

Эбенезеру въ пятую годовщину его рожденія». Меня сбивало вотъ что: такъ какъ мой отецъ, очевидно, былъ младшимъ, или онъ сдѣлалъ странную ошибку, или еще до пяти лѣтъ писалъ прекраснымъ, яснымъ, твердымъ почеркомъ.

Я старался выкинуть это изъ головы; но хотя затѣмъ и просмотрѣлъ много интересныхъ книгъ, старыхъ и новыхъ, исторію, стихи и романы, мысль о почеркѣ моего отца не покидала меня; и когда я, наконецъ, вернулся въ кухню и снова усѣлся за похлебку и пиво, я первымъ дѣломъ спросилъ дядю Эбенезера, былъ ли мой отецъ очень способенъ къ ученію.

— Александръ? Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ.—Я былъ гораздо способнѣе; я въ дѣтствѣ былъ умнымъ мальчикомъ и научился читать одновременно съ нимъ.

Это озадачило меня еще больше; мнѣ пришло на мысль, не были ли они близнецами, и я спросилъ его объ этомъ.

Онъ вскочилъ со стула, и роговая ложка выпала изъ его рукъ прямо на полъ.

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?—спросилъ онъ, схвативъ меня за бортъ и глядя мнѣ въ то же время прямо въ лицо; а глаза его, небольшіе, свѣтлые и блестящіе, какъ у птицы, какъ-то странно мигали и прищуривались.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я спокойно. Я былъ значительно сильнѣе его, и меня не легко было испугать.—Оставьте мою куртку. Такъ нельзя обращаться.

Мнѣ показалось, что дядя мой сдѣлалъ надъ собой большое усиліе.

— Слушайте, Давидъ,—сказалъ онъ,—вы не должны говорить со мной о вашемъ отцѣ. Въ этомъ все дѣло.—Онъ просидѣлъ нѣкоторое время, дрожа и щурясь на тарелку.—У меня, кромѣ него, не было братьевъ,—прибавилъ онъ, но совершенно безчувственнымъ голосомъ, затѣмъ поднялъ ложку и принялся за ужинъ, все еще продолжая дрожать.

Эти послѣдніе поступки, когда онъ поднялъ на меня руку и неожиданно признался въ любви къ моему отцу, были выше моего пониманія и возбудили во мнѣ одновременно и страхъ, и надежду. Съ одной стороны, я начиналъ думать, что мой дядя, пожалуй, сумасшедшій и можетъ быть опасенъ. Съ другой стороны (совершенно противъ моей воли), въ умѣ моемъ стала слагаться исторія въ родѣ слышанныхъ когда-то народныхъ балладъ о бѣдномъ юношѣ, законномъ наслѣдникѣ и о зломъ родствен-

никѣ, старавшемся лишить его собственности. Если бы мой дядя въ глубинѣ души не имѣлъ причины бояться меня, то зачѣмъ ему было играть комедію съ пришедшимъ къ нему бѣднымъ, почти нищимъ родственникомъ?

Хотя я самъ не признавался въ этой мысли, она, тѣмъ не менѣе, прочно укрѣпилась въ моей головѣ, и я, по примѣру дяди, сталъ украдкой слѣдить за нимъ; такъ мы сидѣли за столомъ, какъ кошка съ мышью, пристально наблюдая другъ за другомъ. Онъ больше не говорилъ мнѣ ни слова, но что-то усердно соображалъ; и чѣмъ дольше я наблюдалъ за нимъ, тѣмъ мнѣ становилось яснѣе, что онъ замышляетъ что-то враждебное мнѣ.

Убравъ посуду, онъ досталъ табаку на одну трубку, такъ же, какъ и утромъ, повернулъ стулъ къ очагу и курилъ нѣкоторое время, сидя спиной ко мнѣ.

— Дэви,—сказалъ онъ, наконецъ,—я вотъ о чемъ думаю,— онъ остановился и потомъ повторилъ свои слова.—У меня есть немного денегъ, почти обѣщанныхъ вамъ еще до вашего рожденія,—продолжалъ онъ,—я обѣщалъ это вашему отцу. О, безъ всякихъ формальностей, понимаете; просто въ разговорѣ за стаканомъ вина. Ну, вотъ, я эти деньги держалъ отдѣльно; это было очень невыгодно, но что дѣлать, обѣщалъ, такъ обѣщалъ, и теперь эта сумма возросла ровно до...—тутъ онъ остановился и запнулся,—ровно до сорока фунтовъ! — Онъ произнесъ это, взглядывая на меня черезъ плечо, и въ слѣдующую минуту прибавилъ почти съ воплемъ:—шотландскихъ!

Такъ какъ шотландскій фунтъ равняется англійскому шиллингу, то разница отъ этой оговорки получилась значительная; кромѣ того, я видѣлъ, что вся эта исторія была ложью, выдуманною съ какою-то цѣлью, которую я затруднялся угадать. Поэтому я не пытался скрыть насмѣшку въ голосѣ, отвѣчая ему:

— О, припомните хорошенько, сэръ! Вѣроятно, фунтовъ стерлинговъ!

— Я это и хотѣлъ сказать,—отвѣчалъ дядя,—фунтовъ стерлинговъ! И если вы на минутку выйдете за дверь посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ, я достану ихъ и позову васъ обратно.

Я исполнилъ его желаніе, презрительно улыбаясь его увѣренности, что меня такъ легко обмануть. Ночь была темная и только нѣсколько звѣздъ свѣтилось на краю горизонта; и въ то время, какъ я стоялъ за дверью, я услышалъ глухой стонъ вѣтра

далеко между холмами. Я подумалъ, что въ воздухѣ чувствуется гроза и перемѣна погоды, но не предполагалъ, что это еще до наступленія ночи будетъ имѣть для меня огромное значеніе.

Позвавъ меня обратно, дядя отсчиталъ тридцать семь золотыхъ гиней; остальныя деньги, въ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ, онъ держалъ въ рукахъ, но въ послѣднюю минуту пожалѣлъ разстаться съ ними и сунулъ ихъ въ карманъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—вы видите теперь! Я чудакъ и странно веду себя съ чужими; но слово свое держу, и вотъ вамъ доказательство.

Я считалъ своего дядю такимъ скупымъ, что онѣмѣлъ отъ его неожиданнаго великодушія и не могъ найти словъ, чтобы выразить ему свою благодарность.

— Ни слова!—сказалъ онъ.—Безъ благодарности; мнѣ благодарности не надо. Я исполняю свой долгъ. Конечно, не всякій бы сдѣлалъ это, но мнѣ доставляетъ удовольствіе (хотя я и осторожный человѣкъ) отдать должное сыну моего брата; мнѣ пріятно думать, что теперь мы сойдемся, какъ и подобаетъташимъ близкимъ людямъ.

Я отвѣчалъ ему насколько могъ лучше, но все время не могъ понять, что будетъ дальше, и зачѣмъ онъ разстался со своими драгоцѣнными гинеями, потому что даже ребенокъ не повѣрилъ бы приведенной имъ причинѣ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ опять искоса взглянулъ на меня.

— А теперь,—сказалъ онъ,—услуга за услугу.

Я отвѣчалъ, что готовъ доказать свою благодарность въ разумной степени, и сталъ ждать какого-нибудь чудовищнаго требованія. Однако, когда онъ, наконецъ, рѣшился заговорить, то сказалъ только (и очень здраво), что старѣетъ и слабѣетъ, и надѣется, что я помогу ему управляться въ домѣ и въ садикѣ.

Я отвѣчалъ, что готовъ служить ему.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—начнемъ сейчасъ же.—Онъ вытащилъ изъ кармана заржавѣвшій ключъ. — Вотъ,—сказалъ онъ,—ключъ отъ башни въ концѣ дома. Войти въ нее можно только снаружи, потому что та часть дома не окончена. Войдите въ башню, поднимитесь по лѣстницѣ и принесите мнѣ ящикъ, находящійся наверху. Въ немъ бумаги,—добавилъ онъ.

— Можно взять свѣчу?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ съ хитрымъ видомъ,—въ моемъ домѣ нельзя зажигать огня.

— Прекрасно, сэръ,—сказалъ я.—Лѣстница хорошая?

— Отличная лѣстница,—сказалъ онъ и, видя, что я ухожу, добавилъ:—Держитесь стѣны, перилъ тамъ нѣтъ. Но ступеньки очень удобны для подъема.

Я вышелъ въ темноту. Вѣтеръ гдѣ-то далеко стоналъ, но дуновеніе его не чувствовалось около дома. Было страшно темно, и я былъ радъ, что могъ итти вдоль стѣны до самой двери башни на концѣ неоконченнаго флигеля. Я всунулъ ключъ въ замочную скважину и только-что успѣлъ повернуть его, какъ вдругъ, безъ всякаго вѣтра или грома, все небо освѣтилось сильной молніей и затѣмъ снова потемнѣло. Мнѣ пришлось закрыть глаза рукой, чтобы опять привыкнуть къ темнотѣ, и, войдя въ башню, я былъ еще наполовину ослѣпленъ.

Внутри стоялъ такой густой мракъ, что я едва переводилъ дыханіе; но при первомъ же шагѣ я рукой натолкнулся на стѣну, а ногой попалъ на нижнюю ступеньку лѣстницы. Стѣна на ощупь оказалась сдѣланной изъ прекраснаго тесаннаго камня; ступеньки были хотя немного круты и узки, но тоже изъ полированнаго камня, правильны и прочны. Помня слова моего дяди относительно перилъ, я держался стѣны и съ бьющимся сердцемъ нащупывалъ дорогу въ кромѣшной тьмѣ.

Шоосъ-гаузъ былъ вышиной около пяти этажей, не считая чердаковъ. Но по мѣрѣ того, какъ я поднимался, мнѣ казалось, что въ башню проникаетъ воздухъ и что становится чуть-чуть свѣтлѣе. Я не могъ понять причины этой перемѣны, какъ вдругъ опять блеснула и пропала молнія. Я не закричалъ только потому, что страхъ парализовалъ мой голосъ, и только по милости неба не упалъ съ лѣстницы. При блескѣ молніи я увидѣлъ не только многочисленные проломы въ стѣнѣ, такъ что я какъ будто карабкался вверхъ по открытымъ лѣсамъ, но и то, что ступени были неравной длины и что моя нога въ ту минуту была въ двухъ дюймахъ отъ пустого пространства.

«Такъ вотъ она, прекрасная лѣстница», подумалъ я; при этой мысли мной овладѣла злоба, придавшая мнѣ храбрости. Дядя посылалъ меня сюда на явную опасность, можетъ быть, на смерть. Я поклялся, что выясню это «можетъ быть», хотя бы мнѣ для этого пришлось сломить шею. Я опустился на четвереньки и медленно, какъ улитка, продолжалъ подниматься по

лѣстницѣ, ощупывая впереди каждый дюймъ и испытывая прочность каждаго камня. Отъ контраста съ молніей темнота, казалось, удвоилась; но это было не все: страшный шумъ, производимый летучими мышами въ верхней части башни, оглушалъ меня и сбивалъ съ толку; кромѣ того, опускаясь, эти отвратительныя животныя иногда задѣвали меня по лицу или по спинѣ.

Мнѣ слѣдовало сказать, что башня была четыреугольная. Въ каждомъ углу для соединенія маршей, вмѣсто забѣжной ступеньки, лежало по большому камню различной формы. Я добрался до одного изъ этихъ поворотовъ, по обыкновенію ощупывая передъ собой, какъ вдругъ рука моя, скользнувъ съ угла, очутилась въ пустомъ пространствѣ. Лѣстница дальше не шла; посылать по ней въ потемкахъ чужого человѣка значило посылать его прямо на смерть. И хотя я, благодаря молніи и собственной предосторожности, остался невредимъ, но при одной мысли о грозившей мнѣ опасности и о страшной высотѣ, съ которой я могъ упасть, холодный потъ выступилъ у меня на тѣлѣ, и я почувствовалъ слабость во всѣхъ членахъ.

Узнавъ теперь все, что желалъ знать, я повернулъ и ощупью сталъ спускаться, затаивъ въ сердцѣ страшную злобу. Когда я спустился до половины, вѣтеръ съ шумомъ налетѣлъ, потрясая башню и снова стихъ. Затѣмъ пошелъ дождь, и, прежде чѣмъ я успѣлъ добраться до низу, онъ уже лилъ, какъ изъ ведра. Я выставилъ голову на ливень и взглянулъ по направленію къ кухнѣ. Дверь, которую, уходя, закрылъ за собой, теперь была открыта настежь, и сквозь нее пробивался слабый лучъ свѣта. Мнѣ показалось, что я вижу какую-то фигуру, стоящую неподвижно подъ дождемъ, точно прислушиваясь. Затѣмъ сверкнула ослѣпительная молнія и освѣтила дядю, стоявшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я предполагалъ его видѣть. И сейчасъ же за молніей послѣдовалъ сильный раскатъ грома.

Принялъ ли мой дядя раскатъ грома за шумъ моего паденія, или онъ услыхалъ въ немъ Божій голосъ, возвѣщающій о совершившемся преступленіи, объ этомъ я предоставляю вамъ догадываться самимъ.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что его охватилъ паническій страхъ, и онъ вбѣжалъ въ домъ, оставивъ дверь открытой. Я слѣдовалъ за нимъ какъ можно осторожнѣе, вошелъ неслышно въ кухню и сталъ наблюдать.

Онъ уже успѣлъ открыть угловой шкапъ и вынуть оттуда большой графинъ съ водкой и теперь сидѣлъ за столомъ спиною ко мнѣ. Отъ времени до времени у него дѣлались приступы сильной дрожи, онъ громко стопалъ и, поднося графинъ ко рту, глотками пилъ неразбавленный спиртъ.

Я подошелъ къ нему сзади и, внезапно ударивъ его обѣими руками по плечамъ, закричалъ:

— А!

Моя нога была въ двухъ дюймахъ отъ пустого пространства...

Дядя испустилъ слабый крикъ, похожій на блеяніе овцы, опустилъ руки и замертво упалъ на полъ. Это меня немного смутило. Но надо было прежде всего позаботиться о себѣ, и я, не колеблясь, оставилъ его лежать. Ключи висѣли въ шкапу, и я намѣревался запастись оружіемъ, прежде чѣмъ дядя придетъ въ чувство и пріобрѣтетъ снова способность измышлять зло. Въ шкапу было нѣсколько бутылокъ, нѣкоторыя, повидимому, съ лекарствомъ; затѣмъ много счетовъ и другихъ бумагъ, которыя я бы охотно перерылъ, будь у меня время, и другіе предметы,

не нужные мнѣ въ эту минуту. Тогда я принялся за сундуки; первый былъ наполненъ мукой, второй мѣшками съ деньгами и бумагами, связанными пачками; въ третьемъ я между разными другими вещами (по большей части платьемъ) нашелъ заржавѣвшій безобразный шотландскій кинжалъ безъ ноженъ. Я спряталъ его за жилетъ и вернулся къ своему дядѣ.

Онъ продолжалъ лежать, какъ упалъ, скорченный, съ вытянутой рукой и ногой; лицо его странно посинѣло, и, казалось, онъ пересталъ дышать. Я испугался, не умеръ ли онъ, принесъ воды и сталъ брызгать ему въ лицо; онъ началъ какъ будто приходить немного въ себя, шевелить губами и хлопать вѣками. Наконецъ, онъ увидѣлъ меня, и въ глазахъ его появилось выраженіе смертельнаго ужаса.

— Ну,—сказалъ я,—попробуйте сѣсть.

— Вы живы?—всхлипывалъ онъ.—Скажите, живы ли вы?

— Да, я живъ,—отвѣчалъ я.—Не вамъ за это спасибо!

Онъ сталъ тяжело дышать.

— Синій пузырекъ,—сказалъ онъ,—въ шкапу синій пузырекъ.—Дыханіе его все замедлялось.

Я побѣжалъ къ шкапу и нашелъ тамъ синій пузырекъ съ лекарствомъ. Доза была обозначена на ярлыкѣ, и я, насколько могъ скорѣе, далъ ему выпить.

— Это все отъ сердца, Дэви, вѣдь у меня порокъ сердца,—сказалъ онъ, приходя немного въ себя.

Я посадилъ его на стулъ и глядѣлъ на него. Правда, я чувствовалъ нѣкоторую жалость къ такому очевидно больному человѣку, но, кромѣ того, во мнѣ кипѣлъ справедливый гнѣвъ. Я задалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые желалъ имѣть объясненія: зачѣмъ онъ лгалъ мнѣ на каждомъ словѣ? Отчего онъ боялся, чтобы я не ушелъ отъ него? Отчего онъ не переносилъ намека на то, что онъ и отецъ мой были близнецами? Оттого ли, что это правда? Зачѣмъ онъ далъ мнѣ деньги, которыя, навѣрное, я не имѣлъ права требовать? И, наконецъ, зачѣмъ онъ пытался убить меня? Онъ слушалъ молча; потомъ попросилъ меня разбитымъ голосомъ позволить ему лечь въ постель.

— Я завтра скажу вамъ все,—сказалъ онъ,—ей Богу скажу.

Онъ былъ такъ слабъ, что я не могъ не согласиться, но, однако, заперъ его въ его комнатѣ и спряталъ ключъ въ карманъ; затѣмъ, вернувшись въ кухню, развелъ такой огонь, ка-

кого здѣсь, вѣроятно, не бывало уже много лѣтъ, закутался въ пледъ, улегся на сундуки и заснулъ.

V. Я иду въ Куинсферри.

Ночью шелъ сильный дождь, а на слѣдующій день дулъ рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ, гнавшій разсѣянныя облака. Несмотря на это, я до восхода солнца и пока еще не исчезли послѣднія звѣзды пошелъ на берегъ быстраго, глубокаго ручья и выкупался въ немъ. Тѣло мое еще горѣло отъ купанья, когда я снова усѣлся у очага и, подбросивъ дровъ, началъ серьезно раздумывать о своемъ положеніи.

Теперь не было никакого сомнѣнія во враждебности моего дяди. Не было сомнѣнія, что я самъ долженъ оберегать свою жизнь, а онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы погубить меня. Но я былъ молодъ и отваженъ и, какъ большинство молодыхъ людей, воспитанныхъ въ деревнѣ, очень много думалъ о своей проницательности. Я пришелъ въ его домъ почти нищимъ и едва выйдя изъ дѣтскаго возраста; онъ встрѣтилъ меня предательствомъ и насиліемъ; хорошо было бы забрать его въ руки и управлять имъ, какъ стадомъ овецъ.

Я обхватилъ колѣно руками и, улыбаясь, смотрѣлъ въ огонь. Воображеніе рисовало мнѣ, какъ я мало-по-малу одну за другой открываю тайны моего дяди и становлюсь его повелителемъ. Говорятъ, что у иссендинскаго колдуна было зеркало, въ кото ромъ можно было читать будущее; оно, должно быть, было сдѣлано не изъ горящихъ углей, потому что среди образовъ и картинъ, рисовавшихся мнѣ въ памяти, не было ни корабля, ни моряка въ мохнатой шапкѣ, ни дубины для моей глупой головы, ни малѣйшаго намека на тѣ напасти, которыя вскорѣ должны были обрушиться на меня.

Теперь же я самодовольно пошелъ наверхъ и освободилъ своего плѣнника. Онъ учтиво поздоровался со мной, и я отвѣтилъ ему тѣмъ же, улыбаясь съ высоты своего величія. Вскорѣ мы сидѣли за завтракомъ такъ же, какъ наканунѣ.

— Ну, сэръ, — сказалъ я язвительнымъ тономъ,—что вы имѣете сказать мнѣ?—И такъ какъ онъ ничего не говорилъ, продолжалъ:—Я думаю, что намъ пора понять другъ друга. Вы принимали меня за деревенскаго простофилю, у котораго ума

и храбрости не больше, чѣмъ у деревяшки. Я считалъ васъ за хорошаго человѣка или, во всякомъ случаѣ, не хуже другихъ. Оказывается, что мы оба ошиблись. Какія вы имѣли причины бояться меня, обманывать меня, покушаться на мою жизнь?

Онъ пробормоталъ что-то про шутку и что онъ любитъ посмѣяться; затѣмъ, видя, что я улыбаюсь, перемѣнилъ тонъ и сталъ увѣрять, что онъ все объяснитъ мнѣ послѣ завтрака. Я видѣлъ по его лицу, что онъ, хотя и старался, но не успѣлъ еще придумать новой лжи, и собирался сказать ему это, когда насъ прервалъ стукъ въ дверь.

Приказавъ моему дядѣ оставаться на мѣстѣ, я отворилъ дверь и увидѣлъ на порогѣ подростка въ матросской одеждѣ. Не успѣлъ онъ увидѣть меня, какъ началъ, прищелкивая пальцами и притопывая въ тактъ, выплясывать матросскій танецъ, о которомъ я до сихъ поръ не имѣлъ никакого представленія. Несмотря на это, онъ дрожалъ отъ холода, и въ его лицѣ было какое-то трогательное выраженіе, нѣчто среднее между смѣхомъ и слезами, плохо согласовавшееся съ его веселыми манерами.

— Что хорошаго, товарищъ?—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Я степенно спросилъ его, по какому онъ дѣлу.

— Дѣло,—сказалъ онъ, — мое дѣло—забава,—и началъ пѣть:

Въ этомъ мое наслажденіе въ свѣтлую ночь,
Въ лучшее время года.

— Хорошо,—сказалъ я,—если у васъ нѣтъ никакого дѣла, я буду такъ невѣжливъ, что запру предъ вами дверь.

— Подождите!—закричалъ онъ.—Неужели вы не любите пошутить? Или вы хотите, чтобы меня поколотили? Я принесъ письмо отъ стараго Хизи-ози г-ну Бальфуру.—При этихъ словахъ онъ показалъ мнѣ письмо.—А затѣмъ, товарищъ,—прибавилъ онъ,—я смертельно голоденъ.

— Хорошо,—сказалъ я,—войдите въ домъ, и я отдамъ вамъ свой завтракъ.

Съ этими словами я ввелъ его въ домъ и усадилъ на свое мѣсто, гдѣ онъ съ жадностью накинулся на остатки завтрака, отъ времени до времени кивая мнѣ и дѣлая всевозможныя гримасы; бѣдняжка, очевидно, считалъ это очень благороднымъ занятіемъ. Тѣмъ временемъ мой дядя успѣлъ прочесть письмо и

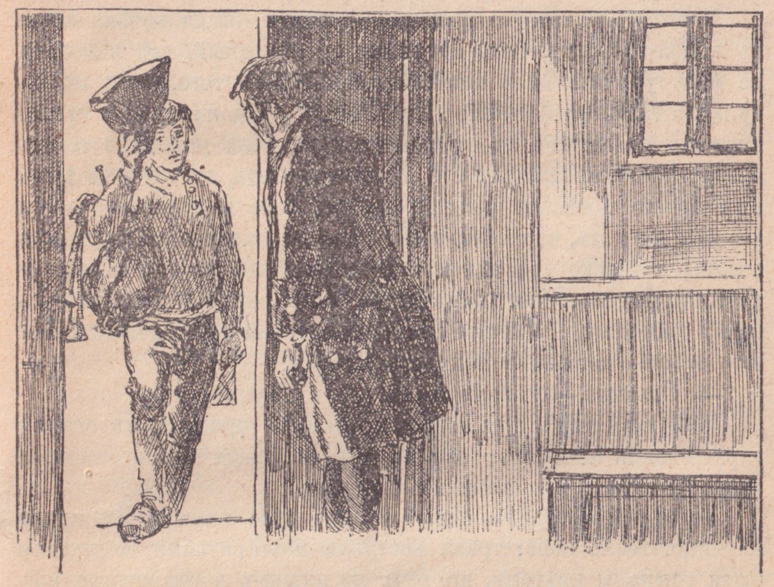
сидѣлъ задумавшись; потомъ вдругъ всталъ и съ большимъ оживленіемъ потащилъ меня въ самый отдаленный уголъ.

— Прочтите это,—сказалъ онъ и сунулъ мнѣ въ руки письмо.

Оно и теперь лежитъ предо мной.

Гостиница «Въ боярышникѣ», Куинсферри.

«Сэръ, я стою здѣсь на якорѣ и посылаю своего юнгу увѣдомить васъ. Если вы имѣете что-либо заказать за моремъ, то

Я увидѣлъ на порогѣ подростка въ матросской одеждѣ...

завтра послѣдній случай, такъ какъ вѣтеръ будетъ благопріятствовать нашему выходу изъ залива. Не скрою отъ васъ, что имѣлъ непріятности съ вашимъ повѣреннымъ, м-ромъ Ранкэйлоромъ; и если дѣло не будетъ быстро приведено въ порядокъ, то васъ могутъ ожидать нѣкоторые убытки. Я выписалъ на васъ счетъ, согласно записей въ книгѣ, и остаюсь вашимъ покорнымъ слугой

Эліасомъ Хозизеномъ».

— Видите, Дэви,—объяснялъ мой дядя, какъ только я прочелъ письмо,—у меня есть дѣла съ этимъ Хозизеномъ, капи-

таномъ торговаго судна «Конвентъ» изъ Дайзарта. Если бы мы оба пошли теперь съ этимъ мальчишкой, мы могли бы повидаться съ капитаномъ или въ гостиницѣ, или, если понадобиться подписать какія-нибудь бумаги, то на самомъ «Конвентѣ». А чтобы не терять времени, мы можемъ зайти къ стряпчему, м-ру Ранкэйлору. Послѣ того, что случилось, вы не захотите вѣрить мнѣ на слово; но вы можете вѣрить Ранкэйлору. Это старый и глубокоуважаемый человѣкъ, повѣренный доброй половины здѣшнихъ дворянъ. Онъ зналъ и вашего отца.

Я стоялъ нѣкоторое время, размышляя. Меня хотѣли вести въ какой-то портъ, безъ сомнѣнія, многолюдный, гдѣ мой дядя не могъ учинить надо мной насилія. Кромѣ того, меня предохраняло также присутствіе юнги. Разъ мы будемъ тамъ, я сумѣю настоять на визитѣ къ стряпчему, даже если мой дядя теперь и неискренно предлагалъ его. А можетъ быть, въ глубинѣ души мнѣ просто хотѣлось увидѣть вблизи море и корабли, — вы должны помнить, что я всю жизнь провелъ среди холмовъ внутри страны и только два дня назадъ въ первый разъ увидѣлъ заливъ, разстилавшійся предо мной, какъ синяя пелена, по которой двигались парусныя суда, казавшіяся игрушечными. Все это вмѣстѣ заставило меня согласиться.

— Отлично,—сказалъ я,—идемъ въ Куинсферри.

Мой дядя надѣлъ шляпу и кафтанъ и пристегнулъ старый заржавѣвшій кинжалъ; затѣмъ мы затушили огонь, заперли дверь на замокъ и отправились въ путь.

Холодный сѣверо-западный вѣтеръ дулъ намъ почти прямо въ лицо. Былъ іюнь; трава пестрѣла маргаритками, а деревья были усыпаны цвѣтомъ, но, судя по нашимъ посинѣвшимъ ногтямъ и по боли въ рукахъ, можно было подумать, что теперь зима, что все осыпано декабрьскимъ снѣгомъ.

Дядя Эбенезеръ тащился по дорогѣ, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ старый пахарь, возвращающійся съ работы. Во всю дорогу онъ не сказалъ ни слова, и мнѣ оставалось только разговаривать съ юнгой. Онъ разсказалъ мнѣ, что его зовутъ Рэнсомъ, что онъ плаваетъ съ девятилѣтняго возраста, а теперь уже потерялъ счетъ своимъ годамъ. Несмотря на сильный встрѣчный вѣтеръ и на мои увѣщанія—я боялся, что это убьетъ его,— онъ обнажилъ грудь, чтобы показать мнѣ татуировку. Онъ ужасно ругался при всякомъ случаѣ, но дѣлалъ это скорѣе какъ глупый школьникъ, чѣмъ какъ взрослый человѣкъ, и каялся въ

разныхъ дикихъ и дурныхъ поступкахъ, которые будто бы совершилъ: въ тайныхъ кражахъ, ложныхъ обвиненіяхъ, даже въ убійствѣ, но все это съ такими неправдоподобными подробностями и съ такимъ глупымъ и развязнымъ хвастовствомъ, что слова его вызывали скорѣе чувство жалости, чѣмъ довѣріе.

Я спросилъ его про бригъ (онъ объявилъ, что это лучшее судно, которое когда-либо плавало) и про капитана Хозизена, котораго онъ также сильно расхваливалъ. Хизи-ози (такъ онъ продолжалъ называть шкипера) былъ, по его словамъ, человѣкомъ, которому все нипочемъ, какъ на землѣ, такъ и на небѣ, человѣкомъ, который не побоится и Страшнаго Суда, грубымъ, вспыльчивымъ, безсовѣстнымъ, безчеловѣчнымъ. И этими-то качествами бѣдный юнга привыкъ восхищаться, какъ чѣмъ-то мужественнымъ и присущимъ мужчинѣ. Онъ видѣлъ только одно пятно на своемъ кумирѣ: онъ не морякъ, говорилъ онъ, и бригомъ управляетъ м-ръ Шуэнъ, который былъ бы лучшимъ морякомъ въ торговомъ флотѣ, если бы не пилъ.

— Я въ этомъ увѣренъ,—прибавилъ онъ,—посмотрите-ка,—и, отвернувъ чулокъ, онъ показалъ мнѣ большую открытую кровавую рану, при видѣ которой кровь похолодѣла у меня въ жилахъ.—Это онъ сдѣлалъ, это сдѣлалъ м-ръ Шуэнъ,—сказалъ онъ съ гордостью.

— Какъ,—воскликнулъ я,—и вы позволяете ему такъ безчеловѣчно обращаться съ вами? Вѣдь вы не рабъ, чтобы терпѣть такое обращеніе.

— Нѣтъ,—сказалъ бѣдный дуракъ, сразу мѣняя тонъ,—и я ему докажу это! Посмотрите,—и онъ показалъ мнѣ большой ножъ, какъ онъ говорилъ, украденный.—О,—продолжалъ онъ,—пускай попробуетъ! Я ему задамъ! Мнѣ не впервой!—и онъ подтвердилъ это глупой, безобразной божбой.

Я никогда никого такъ не жалѣлъ, какъ этого полоумнаго мальчугана, и мнѣ стало представляться, что бригъ «Конвентъ» (несмотря на его благочестивое названіе) немногимъ лучше пловучаго ада.

— Развѣ у васъ нѣтъ родственниковъ?—спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ, что у него былъ отецъ въ какомъ-то англійскомъ портѣ, названіе котораго я забылъ.

— Онъ былъ хорошій человѣкъ,—сказалъ онъ,—но умеръ.

— Боже мой!—воскликнулъ я.—Но развѣ вы не можете найти честнаго дѣла на сушѣ?

— О, нѣтъ!—сказалъ онъ, хитро подмигивая.—Меня бы отдали въ ремесло. Знаю я эту штуку.

Я спросилъ, какое ремесло хуже того, которымъ онъ теперь занимался, подвергая свою жизнь постоянной опасности не только отъ вѣтра и моря, но и отъ ужасной жестокости его начальниковъ. Онъ сказалъ, что все это правда; а затѣмъ началъ расхваливать свою жизнь, разсказывать, какъ пріятно высадиться на берегъ съ деньгами въ карманѣ и истратить ихъ, какъ подобаетъ мужчинѣ: покупать яблоки и хвастаться, и поражать уличныхъ мальчишекъ.

— И потомъ, вовсе ужъ не все такъ плохо,—продолжалъ онъ,—другимъ приходится еще хуже. Вотъ, напримѣръ, двадцатифунтовые. Боже мой, вы бы посмотрѣли, какъ имъ тяжело. Я видѣлъ человѣка вашихъ лѣтъ (ему я казался старымъ)—о, у него была борода. Ну, и какъ только мы выѣхали изъ рѣки, и онъ протрезвился, Боже мой, какъ онъ сталъ ревѣть. Ужъ и посмѣялся же я надъ нимъ! А потомъ еще малыши; маленькіе даже по сравненію со мной! Я держу ихъ въ строгости, увѣряю васъ. Когда мы возимъ ребятъ, у меня есть своя плетка, чтобы стегать ихъ!

И онъ продолжалъ въ томъ же родѣ, пока я не догадался, что подъ двадцатифунтовыми онъ подразумѣвалъ тѣхъ несчастныхъ преступниковъ, которыхъ посылали въ Сѣверную Америку въ рабство, или тѣхъ еще болѣе несчастныхъ дѣтей, которыхъ похищали или ловили обманомъ (какъ о томъ разсказывали) изъ-за частныхъ выгодъ или изъ мести.

Какъ разъ въ это время мы достигли вершины холма и взглянули внизъ на Куинсферри и долину. Фортскій заливъ, какъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ суживается до ширины большой рѣки, которая, направляясь къ сѣверу, представляетъ удобное мѣсто для перевоза, а верхняя излучина ея образуетъ закрытую гавань для всякаго рода судовъ. Какъ разъ посреди узкой части находится островокъ, и на немъ развалины; на южномъ берегу для надобностей перевоза устроенъ молъ, а на концѣ мола, по другую сторону дороги, обращенное къ хорошенькому садику съ боярышникомъ и остролистомъ, было видно зданіе гостиницы подъ названіемъ: «Въ боярышникѣ».

Самый городъ Куинсферри лежитъ дальше къ западу, и окрестности гостиницы въ это время дня были довольно пустынны, такъ какъ паромъ съ пассажирами только что отплылъ къ сѣ-

веру. Однако, около мола стояла лодка, въ которой нѣсколько матросовъ спали на скамейкахъ; это, по словамъ Рэнсома, была шлюпка съ брига, ожидавшая капитана, а на полмили дальше онъ показалъ мнѣ «Конвентъ», одиноко стоявшій на якорѣ. На бортѣ его замѣтны были приготовленія къ отплытію, реи водворялись на мѣста, и, такъ какъ вѣтеръ дулъ съ той стороны, я могъ слышать пѣніе матросовъ, тащившихъ канаты. Послѣ того, что я слышалъ дорогой, я смотрѣлъ на корабль съ крайнимъ отвращеніемъ и отъ глубины души жалѣлъ несчастныхъ, которые должны были плыть на немъ.

Когда мы всѣ трое поднялись на вершину холма, я перешелъ дорогу и обратился къ моему дядѣ.

— Считаю нужнымъ заявить вамъ, сэръ,—сказалъ я,—что меня ничто не заставитъ взойти на бортъ «Конвента».

Онъ какъ будто пробудился отъ сна.

— Э,—спросилъ онъ,—что такое?

Я повторилъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ,—придется сдѣлать по вашему. Но чего же мы стоимъ? Здѣсь страшно холодно, и, если не ошибаюсь, «Конвентъ» снаряжается къ отплытію.

VI. Что случилось въ Куинсферри.

Какъ только мы подошли къ гостиницѣ, Рэнсомъ провелъ насъ по лѣстницѣ въ маленькую комнату съ кроватью. Отъ углей, горѣвшихъ яркимъ пламенемъ въ каминѣ, комната эта нагрѣлась до температуры обжигательной печи. За столомъ у камина сидѣлъ высокій, смуглый, степенный человѣкъ и писалъ. Несмотря на жару въ комнатѣ, на немъ была толстая морская куртка, наглухо застегнутая и большая мохнатая шапка, надвинутая на уши. Я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь, даже судья при разборѣ дѣла, проявлялъ столько спокойствія и самообладанія, какъ этотъ капитанъ.

Онъ сейчасъ же всталъ навстрѣчу Эбенезеру и подалъ ему свою большую руку.

— Я весьма польщенъ вашимъ посѣщеніемъ, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ красивымъ, низкимъ голосомъ,—и радъ, что вы пришли во-время... Вѣтеръ попутный, и отливъ скоро начнется. Мы еще до наступленія ночи увидимъ огни на островѣ Мэй.

— Капитанъ Хозизенъ, — отвѣчалъ мой дядя, — у васъ ужасно жарко въ комнатѣ.

— Такова моя привычка, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ шкиперъ.—Я, по природѣ, холодный человѣкъ; у меня кровь холодная, сэръ. Ни мѣхъ, ни фланель, ни даже горячій ромъ, сэръ, не могутъ поднять моей температуры. То же самое, сэръ, бываетъ у большинства людей, изжаренныхъ, какъ говорится, въ тропическихъ моряхъ.

— Да, да, капитанъ,—отвѣчалъ мой дядя,—природы своей не измѣнишь.

Но случилось, что эта привычка капитана сыграла большую роль въ моихъ несчастіяхъ. Хотя я и далъ себѣ слово не упускать изъ вида своего родственника, но мнѣ такъ хотѣлось поближе взглянуть на море, и я такъ дурно чувствовалъ себя въ душной комнатѣ, что, когда дядя предложилъ мнѣ спуститься и прогуляться, я былъ настолько глупъ, что воспользовался его предложеніемъ.

Я ушелъ, оставивъ ихъ обоихъ за бутылкой и большой кипой бумагъ. Перейдя дорогу противъ гостиницы, я спустился на берегъ. При настоящемъ направленіи вѣтра до берега достигали только маленькія волны, немногимъ большія, чѣмъ бываютъ на озерѣ. Но здѣсь росли травы, незнакомыя мнѣ травы: однѣ зеленыя, другія коричневыя и длинныя, третьи съ маленькими пузырьками, которые трещали въ моихъ рукахъ. И даже такъ далеко въ заливѣ чувствовался чрезвычайно соленый и возбуждающій запахъ морской воды. «Конвентъ» начиналъ развертывать паруса, кучами висѣвшіе на реяхъ; и все видѣнное мною навѣвало на меня мысли о дальнихъ путешествіяхъ и чужихъ странахъ.

Я смотрѣлъ и на матросовъ въ лодкѣ, высокихъ и смуглыхъ; нѣкоторые были въ рубашкахъ, другіе въ курткахъ, иные съ цвѣтными платками на шеѣ; у одного пара пистолетовъ была засунута въ карманы, у двоихъ были узловатыя палки, и у всѣхъ ножи. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ, выглядѣвшимъ не такимъ отчаяннымъ, какъ другіе, и спросилъ объ отправкѣ брига. Онъ сказалъ, что онъ двинется въ путь съ отливомъ, и радовался, что они уйдутъ изъ порта, гдѣ не было ни трактировъ, ни музыкантовъ; все это онъ сопровождалъ такой ужасной руганью, что я поторопился отойти.

Я опять наткнулся на Рэнсома, который казался мнѣ все-таки лучшимъ изъ этой шайки; онъ вскорѣ показался изъ гостиницы и побѣжалъ ко мнѣ, требуя стаканъ пунша. Я сказалъ, что этого онъ не получитъ, потому что оба мы слишкомъ молоды для такого баловства.

— Но я могу предложить вамъ охотно стаканъ эля,—прибавилъ я.

Онъ сталъ гримасничать, кривляться и всячески ругать меня, но все-таки съ радостью согласился выпить эль; и вскорѣ мы, сидя за столомъ въ передней комнатѣ гостиницы, ѣли и пили съ большимъ аппетитомъ.

Мнѣ пришло на умъ, что не мѣшало бы завести дружбу съ хозяиномъ гостиницы, здѣшнимъ уроженцемъ, и я предложилъ ему присѣсть съ нами, какъ водилось въ тѣ времена; онъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы сидѣть съ такими незначительными гостями, какъ Рэнсомъ и я. Онъ уже собирался выйти изъ комнаты, но я позвалъ его обратно и спросилъ, знаетъ ли онъ м-ра Ранкэйлора.

— Конечно,—сказалъ хозяинъ,—это весьма почтенный человѣкъ. И, кстати,—продолжалъ онъ,—это вы пришли съ Эбенезеромъ?

Когда я отвѣтилъ «да», онъ спросилъ:

— Вы не другъ его?—подразумѣвая по шотландской манерѣ, не родственникъ ли я ему.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ хозяинъ,—а между тѣмъ у васъ во взглядѣ есть что-то похожее на м-ра Александра.

Я замѣтилъ, что Эбенезера, кажется, не долюбливаютъ.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ хозяинъ,—онъ злой старикъ, и многіе желали бы видѣть его въ петлѣ, напримѣръ, Дженетъ Клоустонъ и другіе, которыхъ онъ разорилъ въ конецъ. А между тѣмъ, раньше онъ тоже былъ славнымъ малымъ, до того, какъ распространился слухъ о м-рѣ Александрѣ; съ тѣхъ поръ онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Что это былъ за слухъ?—спросилъ я.

— Да будто онъ убилъ его,—сказалъ хозяинъ.—Развѣ вы не слыхали?

— Зачѣмъ же онъ убилъ его?—спросилъ я.

— Зачѣмъ же, какъ не за тѣмъ, чтобы получить имѣніе,—сказалъ онъ.

— Имѣніе?—спросилъ я.—Шоосъ?

— Конечно, какое же другое?—сказалъ онъ.

— О,—замѣтилъ я—правда ли это? Развѣ мой... развѣ Александръ былъ старшимъ сыномъ?

— Разумѣется,—сказалъ хозяинъ.—Иначе зачѣмъ бы онъ убилъ его?

Съ этими словами онъ ушелъ, такъ какъ съ самаго начала разговора порывался это сдѣлать.

Положимъ, у меня уже давно были догадки на этотъ счетъ; но догадываться или знать навѣрное—большая разница. Я сидѣлъ, пораженный своимъ счастьемъ, и едва могъ повѣрить, что тотъ самый бѣднякъ, который два дня назадъ шагалъ по пыли изъ Эттрикскаго Лѣса, теперь сразу попалъ въ богачи, что ему принадлежитъ домъ и обширныя земли и онъ могъ бы завтра же вступить во владѣніе, еслибъ зналъ, какъ приняться за дѣло. Эти и тысячи другихъ пріятныхъ мыслей толпились въ моей головѣ, пока я сидѣлъ у окна гостиницы и не обращалъ вниманія на то, что было у меня передъ глазами. Помню только, что взглядъ мой остановился на капитанѣ Хозизенѣ, стоявшемъ на молѣ и отдававшемъ какія-то приказанія своимъ матросамъ. Вскорѣ онъ уже шагалъ обратно по направленію къ дому; въ немъ не замѣчалось неловкости, его высокая, красивая фигура была мужественна, а лицо выражало прежнее спокойствіе и серьезность. Я спрашивалъ себя, можетъ ли быть, чтобы Рэнсомъ говорилъ правду, и почти не вѣрилъ ему, такъ мало разсказы его соотвѣтствовали наружности этого человѣка. На самомъ же дѣлѣ онъ не былъ ни такимъ хорошимъ, какъ я предполагалъ, ни такимъ дурнымъ, какимъ его считалъ Рэнсомъ: въ немъ уживались два человѣка, и лучшій исчезалъ, какъ только капитанъ вступалъ на бортъ своего судна.

Вскорѣ я услышалъ, что дядя зоветъ меня, и нашелъ ихъ обоихъ на дорогѣ. Капитанъ заговорилъ со мной серьезно, какъ съ равнымъ (что всегда очень лестно для юноши).

— Сэръ,—сказалъ онъ,—м-ръ Бальфуръ очень хвалитъ васъ; да и мнѣ лично вы очень нравитесь. Я бы желалъ остаться здѣсь дольше, чтобы мы могли хорошенько познакомиться. Постараемся же воспользоваться тѣмъ временемъ, которое остается. Придите на полчаса ко мнѣ на бригъ, до наступленія отлива,и и разопьемте вмѣстѣ бутылочку вина.

Нельзя выразить словами, какъ мнѣ хотѣлось посмотрѣть на внутреннее устройство судна; но я не желалъ подвергаться опасности и сказалъ, что условился быть съ дядей у стряпчаго.

— Да, да, — сказалъ Хозизенъ, — онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, Но лодка высадитъ васъ на берегъ у городского мола, а это въ двухъ шагахъ отъ дома Ранкэйлора.—Онъ внезапно нагнулся и шепнулъ мнѣ на ухо:—Берегитесь старой лисы, онъ замышляетъ недоброе. Ѣдемте на корабль, чтобы мнѣ можно было переговорить съ вами.—Затѣмъ, взявъ меня подъ руку, онъ продолжалъ громко, направляясь къ лодкѣ:—Что же мнѣ привезти вамъ изъ Королинскихъ провинцій? Другъ м-ра Бальфура можетъ приказывать мнѣ. Табакъ, индѣйскія перья, мѣхъ дикаго звѣря, пѣнковую трубку, пересмѣшника *), который мяукаетъ точно кошка, или краснаго, какъ кровь, кардинала **)? Выбирайте и скажите, что вамъ угодно.

Въ это время мы подошли къ лодкѣ, и онъ ввелъ меня въ нее. Я и не пробовалъ сопротивляться; я думалъ,—безумецъ!— что нашелъ добраго друга и помощника, и радовался, что увижу бригъ. Какъ только мы всѣ усѣлись, лодку оттолкнули отъ мола, и мы стали подвигаться по водѣ. Я былъ такъ восхищенъ новизной этого переѣзда, такъ заинтересованъ видомъ береговъ и брига, выроставшаго по мѣрѣ того, какъ мы приближались, и тѣмъ, что мы сидѣли такъ низко надъ водой, что я едва понималъ слова капитана и отвѣчалъ ему наобумъ.

Какъ только мы подошли къ борту брига (я сидѣлъ, разинувъ ротъ отъ вышины судна, шума волнъ, ударявшихся о его борта и оживленныхъ возгласовъ матросовъ за работой), Хозизенъ объявилъ, что мы оба должны первыми взойти на корабль, и приказалъ спустить съ гротъ-рея тали (подъемную машину). Въ ней меня поспѣшно подняли на воздухъ и опустили на палубу, гдѣ капитанъ уже дожидался и сейчасъ же снова взялъ меня подъ руку. Такъ я стоялъ нѣкоторое время, чувствуя небольшое головокруженіе, можетъ быть, даже нѣкоторый страхъ отъ колебанія всего вокругъ меня. Но все-таки мнѣ нравились всѣ эти новые для меня предметы; капитанъ обращалъ мое вниманіе на самые странные изъ нихъ, говорилъ ихъ названія и объяснялъ употребленіе.

---

*) Пересмѣшникъ—птица.
**) Кардиналъ—красный попугай.

— А гдѣ же дядя?—вдругъ спросилъ я.

— Да,—сказалъ Хозизенъ, принимая вдругъ свирѣпый видъ,—въ этомъ то и вопросъ.

Я почувствовалъ, что погибъ. Собравъ всѣ силы, я вырвался отъ него и подбѣжалъ къ бульваркамъ. Увидѣвъ лодку, направлявшуюся къ городу, и дядю, сидѣвшаго на кормѣ, я испустилъ пронзительный крикъ: «Помогите, помогите, убійство!», огласившій обѣ стороны гавани. Дядя мой повернулся на своемъ мѣстѣ и я увидѣлъ его искаженное жестокостью и ужасомъ лицо.

Это было послѣднее, что я видѣлъ. Уже сильныя руки оттаскивали меня отъ борта; и вдругъ въ меня точно ударила молнія, я увидѣлъ вспышку свѣта и упалъ безъ чувствъ.

VII. Я ухожу въ море на «Конвентѣ» изъ Дайзерта.

Я пришелъ въ себя въ темнотѣ и почувствовалъ сильную боль; руки и ноги мои были связаны, и разные незнакомые звуки оглушали меня. Слышался ревъ воды, точно у громадной мельничной плотины, тяжелые удары волнъ, страшный шумъ парусовъ и рѣзкіе крики матросовъ. Все кругомъ то поднималось съ головокружительной быстротой, то такъ же быстро опускалось; а я самъ былъ такъ разбитъ и чувствовалъ себя такъ плохо, что не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ своемъ положеніи. Мысли въ безпорядкѣ толпились въ моемъ мозгу, заглушаемыя все новыми приступами боли, пока я, наконецъ, догадался, что лежу связаннымъ гдѣ-то внутри этого несчастнаго брига, и что вѣтеръ, должно быть, усилился и превратился въ штормъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ своего положенія мною овладѣло мрачное отчаяніе, раскаяніе въ своемъ безразсудствѣ и безумный гнѣвъ на моего дядю,—и я еще разъ лишился чувствъ.

Когда я снова пришелъ въ себя, тотъ же ревъ, тѣ же безпорядочныя и сильныя движенія продолжали трясти и оглушать меня. Но къ моимъ остальнымъ страданіямъ прибавилась еще болѣзнь непривыкшаго къ морю человѣка. Въ тѣ дни моей юности, полной приключеній, я перенесъ много испытаній, но ни одно изъ нихъ не было такъ ужасно для души и тѣла, не было такъ безотрадно, какъ мои первые часы на бригѣ.

Я услышалъ пушечный выстрѣлъ и подумалъ, что, вѣроятно,

мы не можемъ справиться со штормомъ и подаемъ сигналы о помощи. Мысль объ освобожденіи, хотя бы смертью въ глубинѣ океана, радовала меня. Но я ошибся; мнѣ послѣ сказали, что это было всегдашнимъ обыкновеніемъ капитана, и я привожу этотъ фактъ, желая показать, что и худшіе изъ людей имѣютъ свои хорошія стороны. Оказалось, что мы проходили тогда въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дайзерта, гдѣ былъ выстроенъ бригъ и гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, поселилась старая мистриссъ Хозизенъ, мать капитана. И куда бы ни направлялся «Конвентъ», домой или въ плаваніе, онъ никогда не проходилъ днемъ мимо этого мѣста, не салютовавъ изъ пушки и не вывѣсивъ флага.

Я потерялъ счетъ времени: день не отличался отъ ночи въ той вонючей конурѣ внутри корабля, въ которой я лежалъ, а часы тянулись вдвое дольше отъ безнадежности моего положенія. Поэтому у меня нѣтъ возможности вычислить, сколько времени я лежалъ, ожидая, что корабль разобьется въ щепки о какой-нибудь утесъ или погрузится носомъ впередъ въ глубину океана. Но сонъ подъ конецъ лишилъ меня сознанія моего несчастія.

Я проснулся отъ свѣта ручного фонаря, направленнаго мнѣ въ лицо. Небольшой человѣчекъ лѣтъ тридцати, съ зелеными глазами и спутанными свѣтлыми волосами, смотрѣлъ на меня.

— Ну,—сказалъ онъ,—какъ поживаете?

Я отвѣчалъ ему рыданіемъ; тогда онъ пощупалъ мнѣ пульсъ и виски и сталъ обмывать и перевязывать рану на моей головѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—жестокій ударъ. Ничего, ободритесь! Еще не насталъ конецъ свѣта. Вы плохо начали, но можете еще поправиться. Ѣли вы что-нибудь?

Я сказалъ, что не могу взглянуть на ѣду; тогда онъ далъ мнѣ выпить изъ жестяной чашки водки съ водой и опять оставилъ меня одного.

Придя въ слѣдующій разъ, онъ нашелъ меня въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ. Глаза мои были широко раскрыты, морская болѣзнь совсѣмъ прошла, но оставались страшная слабость и головокруженіе, которыя, пожалуй, были еще мучительнѣе. Кромѣ того, я чувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ, а веревки, связывавшія меня, казались мнѣ огненными. Отвратительный воздухъ конуры, въ которой я лежалъ, казалось, сталъ частью меня самого. Въ продолжительное время его отсут-

ствія я мучился страхомъ то отъ безцеремонности крысъ, которыя иногда задѣвали меня по лицу, то отъ ужасныхъ картинъ, рисуемыхъ лихорадочнымъ воображеніемъ.

Когда подняли трапъ, свѣтъ фонаря показался мнѣ солнечнымъ лучомъ, упавшимъ съ неба; и хотя онъ освѣтилъ только крѣпкія, темныя стѣнки корабля, служившаго мнѣ тюрьмой, я готовъ былъ закричать отъ радости. Первымъ спустился по лѣстницѣ человѣкъ съ зелеными глазами, и я замѣтилъ, что онъ двигался довольно неувѣренно. За нимъ слѣдовалъ капитанъ. Оба не произнесли ни слова; но первый сталъ осматривать меня и опять перевязалъ мою рану, а хозяинъ бросилъ на меня странный, мрачный взглядъ.

— Вы сами видите, сэръ,—сказалъ первый,—сильный жаръ, потеря аппетита, а здѣсь нѣтъ ни свѣта, ни пищи; вы сами понимаете, что это значитъ.

— Я не волшебникъ, м-ръ Райэчъ,—сказалъ капитанъ.

— Позвольте, сэръ,—сказалъ м-ръ Райэчъ,—у васъ умная голова на плечахъ, и за словомъ вы въ карманъ не полѣзете. Но я не дамъ вамъ возможности оправдываться; я хочу, чтобы мальчика взяли изъ этой конуры и перенесли на бакъ.

— Ваши желанія касаются только васъ самихъ,—отвѣчалъ капитанъ,—но я скажу вамъ, что будетъ. Онъ здѣсь лежитъ, здѣсь и останется.

— Допустимъ, что вамъ соотвѣтственно заплатили,—сказалъ другой,—но осмѣливаюсь почтительнѣйше замѣтить, что я не получалъ никакой платы. Я получаю, и не слишкомъ много, за то, что я исправляю должность помощника капитана этой старой посудины; и вы сами знаете, что я всячески стараюсь не получать даромъ денегъ. Ни за что другое мнѣ не платили.

— Если бы вы только воздерживались отъ фляжки, м-ръ Райэчъ, я не имѣлъ бы основанія жаловаться на васъ,—отвѣчалъ шкиперъ,—но вмѣсто того, чтобы говорить загадками, я осмѣливаюсь посовѣтовать вамъ приберечь свою энергію для болѣе важнаго случая. Мы можемъ понадобиться наверху,—прибавилъ онъ болѣе рѣзкимъ тономъ и занесъ одну ногу на лѣстницу.

М-ръ Райэчъ поймалъ его за рукавъ.

— Допустимъ, что вамъ заплатили за убійство...—началъ онъ.

Хозизенъ, вспыхнувъ, повернулся къ нему.

— Что такое?—закричалъ онъ.—Это что за разговоры?

— Мнѣ кажется, это тотъ разговоръ, который вы лучше всего понимаете,—отвѣчалъ м-ръ Райэчъ, глядя ему прямо въ глаза.

— М-ръ Райэчъ, я сдѣлалъ съ вами три плаванія,—отвѣчалъ капитанъ.—За это время, сэръ, вамъ слѣдовало бы узнать меня; я жестокъ и непреклоненъ, но то, что вы только что ска-

— Ну,—сказалъ онъ,—какъ поживаете?..

зали—стыдитесь!—доказываетъ злое сердце и гнусную совѣсть. Если вы думаете, что мальчишка умретъ...

— Умретъ!—отвѣтилъ м-ръ Райэчъ.

— Ну, сэръ, довольно съ васъ?—сказалъ Хозизенъ.—Тащите его, куда хотите.

Съ этими словами капитанъ сталъ подниматься по лѣстницѣ; я лежалъ молча во время ихъ страннаго разговора и теперь увидѣлъ, какъ м-ръ Райэчъ повернулся вслѣдъ Хозизену и поклонился ему чуть не до земли, очевидно, въ насмѣшку. Несмотря на свою болѣзнь, я замѣтилъ двѣ вещи: что помощникъ былъ пьянъ, какъ замѣтилъ капитанъ, и что онъ (въ пьяномъ или въ трезвомъ видѣ) могъ оказаться цѣннымъ другомъ.

Черезъ пять минутъ веревки на мнѣ были перерѣзаны, меня подняли на чью-то спину, отнесли на бакъ и положили на деревянную скамью на одѣяла. И я тутъ же въ первую минуту лишился чувствъ.

Какое блаженство было открыть глаза на дневной свѣтъ и увидѣть, что находишься въ обществѣ людей! Каюта на бакѣ была довольно большая комната; вдоль стѣнъ ея были койки, на которыхъ курили или спали люди, свободные отъ вахты. Вслѣдствіе тихаго дня и теплаго вѣтра, люкъ былъ открытъ, и въ каюту попадалъ не только дневной свѣтъ, но отъ времени до времени при поворотахъ корабля и пыльный солнечный лучъ, ослѣплявшій и восхищавшій меня. Къ тому же, какъ только я пошевельнулся, одинъ изъ матросовъ принесъ мнѣ какое-то цѣлебное питье, составленное м-ромъ Райэчемъ, и велѣлъ лежать смирно, говоря, что я тогда скоро поправлюсь.—У васъ ничего не сломано,—объяснилъ онъ,—а рана на головѣ—пустяки. Это я ударилъ васъ,—прибавилъ онъ.

На бакѣ я пролежалъ долгіе дни подъ постояннымъ надзоромъ и не только поправился, но и познакомился со своими товарищами. Это была грубая шайка, какъ большинство матросовъ; оторванные отъ всего, что въ жизни есть лучшаго, они обречены были вмѣстѣ качаться на бурныхъ волнахъ подъ командой не менѣе грубаго начальства. Нѣкоторые изъ нихъ прежде плавали съ пиратами и видѣли дѣла, о которыхъ и говорить совѣстно. Нѣкоторые сбѣжали съ королевскихъ судовъ и были присуждены къ повѣшенію, чего они нисколько не скрывали; и всѣ при всякомъ удобномъ случаѣ готовы были вступить въ рукопашную со своими лучшими друзьями. Но послѣ того, какъ я провелъ съ ними нѣсколько дней, мнѣ стало стыдно моего перваго сужденія и того, что я ушелъ отъ нихъ на молѣ въ Куинсферри, точно они были нечистыми животными. Нѣтъ разряда людей совершенно дурныхъ: у каждаго есть свои достоинства и недостатки, и мои товарищи по плаванію не были исключеніемъ. Правда, они отличались грубостью и были, по всей вѣроятности, дурные люди, но и у нихъ замѣчались хорошія стороны. Иногда они бывали очень добры, наивны, какъ дѣти, и порой даже поражали меня проблесками честности.

Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ сорока, часами сидѣлъ около моей койки и разсказывалъ мнѣ о своей женѣ и дѣтяхъ. Онъ

былъ рыбакомъ, но лишился лодки, и это принудило его отправиться въ открытое море. Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но я не забылъ его. Его жена (онъ говорилъ, что сравнительно съ нимъ она была молода) напрасно ждала его возвращенія; онъ никогда болѣе не будетъ разводить ей огонь и няньчить ребенка, когда она больна. Въ дѣйствительности, какъ показало будущее, многіе изъ этихъ бѣдняковъ совершали свое послѣднее плаваніе: ихъ поглотило море и акулы; а о мертвыхъ не слѣдуетъ говорить дурное.

Однимъ изъ ихъ добрыхъ дѣлъ было то, что они возвратили мои деньги, которыя сначала раздѣлили между собой, и хотя онѣ уменьшились почти на треть, я все-таки очень обрадовался, получивъ ихъ, въ надеждѣ, что онѣ очень пригодятся мнѣ въ странѣ, куда я плылъ. Бригъ направлялся къ Каролинскимъ провинціямъ, и вы не должны предполагать, что я ѣхалъ туда только въ качествѣ изгнанника. Хотя торговля людьми уже тогда была значительно стѣснена, а съ тѣхъ поръ, послѣ возстанія колоній и образованія Соединенныхъ Штатовъ, понятно, совсѣмъ пришла къ концу, но въ дни моей юности бѣлыхъ людей еще продавали въ рабство на плантаціи, и къ этой-то участи приговорилъ меня мой злой дядя.

Юнга Рэнсомъ, отъ котораго я впервые узналъ объ этихъ ужасахъ, отъ времени до времени появлялся изъ капитанской каюты, гдѣ онъ спалъ и прислуживалъ, то безмолвно показывая слѣды нанесенныхъ ему побоевъ, то приходя въ изступленіе отъ жестокости м-ра Шуэна. Сердце мое обливалось кровью, но матросы относились съ глубокимъ почтеніемъ къ старшему помощнику, который, какъ они говорили, былъ «единственнымъ морякомъ во всей компаніи и вовсе не дурнымъ человѣкомъ, когда онъ былъ трезвъ». Дѣйствительно, я замѣтилъ странныя особенности у нашихъ обоихъ помощниковъ: м-ръ Райэчъ былъ не въ духѣ, грубъ и рѣзокъ въ трезвомъ видѣ, а м-ръ Шуэнъ не могъ обидѣть мухи, пока не напьется. Я спросилъ про капитана; но мнѣ сказали, что этотъ желѣзный человѣкъ не мѣняется отъ выпивки.

Я старался какъ можно лучше воспользоваться малымъ временемъ, имѣвшимся въ моемъ распоряженіи, чтобы сдѣлать изъ несчастнаго Рэнсома что-нибудь похожее на человѣка или, вѣрнѣе, на мальчика. Но разумъ его съ трудомъ можно было назвать

человѣческимъ. Онъ ничего не помнилъ изъ времени, предшествовавшаго его поступленію на корабль, кромѣ того, что отецъ его дѣлалъ часы и что въ гостиной у него висѣлъ скворецъ, насвистывавшій пѣсню «Сѣверная страна». Все остальное исчезло изъ его памяти за эти годы тяжелой работы и жестокостей. У него были странныя понятія о сушѣ, составившіяся на основаніи разсказовъ матросовъ; по его мнѣнію, это было мѣсто, гдѣ мальчиковъ отдавали въ невольничество, которое называлось ремесломъ, гдѣ учениковъ постоянно колотили и заключали въ смрадныя тюрьмы. Въ городѣ онъ почти каждаго встрѣчнаго считалъ за обманщика, разставляющаго ловушку, а половину домовъ за притоны, гдѣ матросовъ отравляютъ и убиваютъ. Я, конечно, разсказывалъ Рэнсому, какъ хорошо со мной обращались на сушѣ, которой онъ такъ боялся, и родители мои, и друзья, какъ хорошо меня кормили и тщательно обучали.

Если случалось, что его передъ тѣмъ били, онъ горько плакалъ и клялся, что сбѣжитъ; но когда онъ бывалъ въ своемъ обыкновенномъ сумасшедшемъ настроеніи или (еще больше), когда онъ выпивалъ стаканъ водки въ каютѣ, то поднималъ меня на смѣхъ.

Его училъ пить м-ръ Райэчъ (да проститъ ему Богъ!) и, безъ сомнѣнія, съ добрымъ намѣреніемъ. Не говоря уже о томъ, что вино разстраивало здоровье мальчика, видъ этого несчастнаго, одинокаго ребенка, шатающагося, танцующаго и говорящаго Богъ вѣсть что, былъ зрѣлищемъ, достойнымъ сожалѣнія. Нѣкоторые матросы смѣялись, но не всѣ; другіе становились мрачнѣе тучи (думая, вѣроятно, о собственномъ дѣтствѣ и о своихъ дѣтяхъ), приказывали ему бросить эти глупости и подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ. Что же касается меня, то мнѣ было совѣстно глядѣть на него, и я еще теперь часто вижу во снѣ этого несчастнаго ребенка.

Надо замѣтить, что вѣтеръ былъ все время противный, а зыбь съ носовой части бросала «Конвентъ» вверхъ и внизъ, такъ что люкъ былъ почти постоянно закрытъ, а наша каюта освѣщалась только фонаремъ, висѣвшимъ на перекладинѣ. Работы было постоянно много для всѣхъ; паруса приходилось то ставить, то убавлять каждую минуту. Напряженіе отозвалось на настроеніи команды; цѣлый день, съ утра до вечера, слышался шумъ ссоръ; а такъ какъ мнѣ не позволяли ступить на палубу, то вы можете

себѣ представить, какъ мнѣ надоѣла эта жизнь и съ какимъ нетерпѣніемъ я желалъ перемѣны.

Перемѣна эта случилась, какъ вы сейчасъ увидите; но прежде я долженъ разсказать о разговорѣ своемъ съ м-ромъ Райэчемъ, который придалъ мнѣ немного бодрости въ моемъ несчастіи. Поймавъ его въ благопріятной степени опьянѣнія (въ трезвомъ видѣ онъ никогда не заглядывалъ ко мнѣ), я взялъ съ него слово хранить тайну и разсказалъ ему всю свою исторію.

Онъ объявилъ, что это похоже на балладу, но обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы помочь мнѣ. Онъ хотѣлъ достать бумагу, перо и чернила, чтобы я могъ написать записку м-ру Кемпбеллю и м-ру Ранкэйлору, и увѣрялъ, что, если я говорю правду, онъ съ ихъ помощью почти навѣрное сумѣетъ выручить меня изъ опасности и возстановить въ моихъ правахъ.

— А пока,—сказалъ онъ,—не падайте духомъ. Не съ вами первымъ это случается, вѣрьте мнѣ. Многое множество людей, воздѣлывающихъ за моремъ табакъ, должны были бы садиться на лошадь у дверей собственнаго дома. Жизнь, въ самомъ лучшемъ случаѣ, полна разнообразія. Посмотрите на меня: я сынъ лорда, почти выдержалъ экзаменъ на доктора, а вотъ служу помощникомъ у Хозизена!

Я нашелъ вѣжливымъ спросить про его исторію.

Онъ громко свистнулъ.

— У меня ея никогда не было,—сказалъ онъ.—Я любилъ пошутить, вотъ и все.—Съ этими словами онъ выскочилъ изъ каюты.

VIII. Капитанская каюта.

Однажды вечеромъ, около девяти часовъ, матросъ, бывшій на вахтѣ съ м-ромъ Райэчемъ, спустился за курткой. Вслѣдъ за этимъ по каютѣ распространилась вѣсть, что Шуэнъ, наконецъ, покончилъ съ нимъ. Не было надобности говорить имя: мы всѣ знали, о комъ шла рѣчь. Едва успѣли мы освоиться съ этою новостью и поговорить о ней, какъ люкъ снова открылся, и капитанъ Хозизенъ спустился по лѣстницѣ. Онъ пристально осмотрѣлъ койки при мерцающемъ свѣтѣ фонаря; затѣмъ подойдя прямо ко мнѣ, заговорилъ, къ моему удивленію, довольно ласково.

— Вы нужны намъ, любезный,—сказалъ онъ,—чтобы прислуживать въ каютѣ. Вы перемѣнитесь мѣстами съ Рэнсомомъ. Ступайте скорѣй.

Пока онъ говорилъ, въ люкѣ появилось двое матросовъ, несшихъ Рэнсома на рукахъ. Въ эту минуту корабль сильно нырнулъ, фонарь заколебался, и свѣтъ его упалъ прямо на мальчика; на его побѣлѣвшемъ, какъ воскъ, лицѣ застыла ужасная улыбка. Кровь во мнѣ похолодѣла, и дыханіе остановилось, точно меня поразилъ ударъ.

— Ступайте на рубку; ступайте скорѣй! — кричалъ Хозизенъ.

И я, пробѣжавъ мимо матросовъ и мальчика, который не говорилъ и не шевелился, взбѣжалъ по лѣстницѣ на палубу.

Корабль быстро, какъ угорѣлый, прорѣзывалъ длинную волну съ бѣлымъ гребнемъ. Она наваливалась на него съ праваго галса, а съ лѣвой стороны я могъ видѣть яркій солнечный закатъ подъ дугообразнымъ основаніемъ фокъ-зейля. Въ ночной часъ это чрезвычайно удивило меня; но я зналъ слишкомъ мало, чтобы вывести вѣрное заключеніе, что мы обходили съ сѣвера Шотландію и находились теперь въ открытомъ морѣ между Оркнейскими и Шетландскими островами, избѣгнувъ опасныхъ теченій Пентландской бухты. Проведя столько времени въ потемкахъ и ничего не зная о противныхъ вѣтрахъ, я воображалъ, что мы уже прошли полпути или болѣе по Атлантическому океану. И, удивившись позднему закату, я сейчасъ же пересталъ думать объ этомъ, прыгалъ съ палубы на палубу, пробѣгалъ между парусами, хватаясь за канаты, и былъ удержанъ отъ паденія за бортъ однимъ матросомъ, который всегда выказывалъ мнѣ большое расположеніе.

Капитанская каюта, куда я отправлялся и гдѣ долженъ былъ служить и спать, возвышалась на шесть футовъ надъ палубами и сравнительно съ величиной брига была обширныхъ размѣровъ. Внутри стояли прикрѣпленные къ полу столъ, скамейка и двѣ койки: одна для капитана, а другая для обоихъ помощниковъ по очереди. Сверху до низу по стѣнамъ были придѣланы шкапчики, куда прятались вещи начальствующихъ лицъ и часть запасовъ судна. Внизу была другая кладовая, въ которую велъ рѣшетчатый люкъ посрединѣ палубы; главные запасы пищи и питья и весь порохъ находились въ этой послѣдней. Всѣ же огне-

стрѣльныя орудія, кромѣ двухъ мѣдныхъ пушекъ, стояли на козлахъ у задней кормовой стѣны капитанской каюты. Большинство кортиковъ хранилось въ другомъ мѣстѣ.

Маленькое окошко со ставнями снаружи и внутри и стекольчатый люкъ въ крышѣ освѣщали каюту днемъ, а послѣ наступленія сумерекъ въ ней всегда горѣла лампа. Она горѣла и въ ту минуту, когда я вошелъ, не особенно ярко, но достаточно, чтобы видѣть м-ра Шуэна, сидѣвшаго за столомъ со стоявшей на немъ бутылкой водки и жестяной манеркой. Это былъ высокій, крѣпко сложенный и смуглый человѣкъ; онъ сидѣлъ, безсмысленно уставясь на стоявшій передъ нимъ столъ.

М-ръ Шуэнъ не обратилъ вниманія на мой приходъ и даже не пошевельнулся, когда за мной вошелъ капитанъ и прислонился къ койкѣ рядомъ со мной, мрачно глядя на помощника. Я очень боялся Хозизена, имѣя на то основательныя причины, но что-то подсказало мнѣ, что въ эту минуту мнѣ нечего опасаться его; и я шепнулъ ему на ухо: «Что съ нимъ?». Онъ покачалъ головой, какъ человѣкъ, находящійся въ неизвѣстности и не желающій думать, между тѣмъ какъ лицо его продолжало быть очень серьезнымъ.

Вскорѣ пришелъ м-ръ Райэчъ. По его взгляду, брошенному на капитана, можно было безъ словъ понять, что мальчикъ умеръ. Потомъ онъ всталъ рядомъ съ нами; и такъ мы втроемъ стали молча смотрѣть на м-ра Шуэна, который также сидѣлъ безмолвно, упорно глядя на столъ.

Внезапно онъ вытянулъ руку, чтобы взять бутылку; при этомъ движеніи м-ръ Райэчъ шагнулъ впередъ и отнялъ ее, скорѣе благодаря неожиданности движенія, чѣмъ силѣ. Онъ закричалъ съ божбой, что и безъ того уже достаточно сдѣлано зла и что бригъ будетъ за это наказанъ. Говоря это, онъ швырнулъ бутылку въ море (такъ какъ выдвижная дверь была открыта съ навѣтренной стороны).

М-ръ Шуэнъ мигомъ былъ на ногахъ; его разсудокъ все еще былъ помраченъ, и онъ снова замышлялъ убійство, которое и совершилъ бы во второй разъ въ этотъ вечеръ, если бы капитанъ не сталъ между нимъ и его жертвой.

— Садитесь!—заоралъ капитанъ.—Знаете ли, что вы сдѣлали, свинья и пьяница? Вы убили мальчишку!

М-ръ Шуэнъ, казалось, понялъ, потому что снова сѣлъ и опустилъ голову на руки.

— Но вѣдь онъ принесъ мнѣ грязную манерку!—сказалъ онъ.

При этихъ словахъ я, м-ръ Райэчъ и капитанъ переглянулись съ нѣкоторымъ страхомъ во взглядѣ. Затѣмъ Хозизенъ подошелъ къ старшему помощнику, взялъ его за плечо, довелъ до койки и велѣлъ ему лечь и заснуть, говоря съ нимъ, какъ съ непослушнымъ ребенкомъ. Убійца немного покричалъ, затѣмъ снялъ свои непромокаемые сапоги и послушно улегся.

— А,—воскликнулъ м-ръ Райэчъ ужаснымъ голосомъ, — вамъ давно слѣдовало вмѣшаться! Теперь уже слишкомъ поздно.

— М-ръ Райэчъ, — сказалъ капитанъ, — въ Дайзертѣ никогда не должно быть извѣстно, что случилось въ этотъ вечеръ. Мальчишка упалъ за бортъ, сэръ, вотъ какъ было дѣло! И я бы охотно далъ собственныхъ пять фунтовъ, чтобы это было правдой!—Онъ повернулся къ столу.—Зачѣмъ вы выбросили хорошую бутылку?—прибавилъ онъ.—Въ этомъ не было никакого смысла, сэръ. Давидъ, достань мнѣ другую. Онѣ стоятъ въ крайнемъ шкапу,—и онъ бросилъ мнѣ ключъ.—Вамъ самимъ надо выпить стаканчикъ, сэръ,—обратился онъ къ Райэчу,—послѣ того ужаснаго зрѣлища.

Оба они усѣлись и чокнулись; а преступникъ, который лежалъ въ койкѣ и хныкалъ, въ это время приподнялся и посмотрѣлъ на нихъ и на меня.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ исполнялъ свои новыя обязанности, а въ теченіе слѣдующаго дня уже совершенно освоился съ ними.

Я долженъ былъ подавать пищу, которую капитанъ принималъ въ опредѣленные часы съ тѣмъ изъ помощниковъ, который былъ свободенъ отъ обязанностей. Весь день мнѣ приходилось бѣгать съ бутылкой отъ одного къ другому изъ моихъ трехъ начальниковъ; а ночью я спалъ на морскомъ одѣялѣ, брошенномъ на крашеныя доски въ ближайшемъ къ кормѣ углу рубки, на самомъ сквознякѣ между двумя дверьми. Это была жесткая и холодная постель; кромѣ того, мнѣ не давали спать безъ перерыва; постоянно кто-нибудь приходилъ съ палубы выпить, а иногда всѣ трое усаживались и варили пуншъ. Я не могу по-

пять, какъ они оставались здоровыми и какъ оставался здоровымъ я самъ.

Но въ другихъ отношеніяхъ служба эта была легкая. Скатерти не покрывалось; ѣда состояла или изъ овсяной похлебки, или солонины.

Хотя я былъ довольно неуклюжъ и по непривычкѣ къ морю нетвердъ на ногахъ, такъ что иногда падалъ съ кушаньемъ, которое несъ, капитанъ и м-ръ Райэчъ были удивительно терпѣливы. Я не могъ не думать, что ихъ мучитъ совѣсть, и что они врядъ ли были бы такъ добры ко мнѣ, если бы не обращались раньше такъ дурно съ Рэнсомомъ.

Что же касается м-ра Шуэна, то пьянство, а можетъ быть преступленіе, или оба вмѣстѣ, несомнѣнно повредили его разсудокъ. Я не могу вспомнить, чтобы видѣлъ его когда-либо въ нормальномъ состояніи. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ моему присутствію, постоянно глядѣлъ на меня (иногда, мнѣ казалось, даже съ ужасомъ) и нѣсколько разъ отшатнулся, когда я ему подавалъ. Съ самаго начала я былъ почти увѣренъ, что онъ не отдаетъ себѣ отчета въ совершенномъ имъ убійствѣ, и на второй день моего пребыванія въ капитанской каютѣ я убѣдился въ этомъ. Мы были одни, и онъ долгое время не спускалъ съ меня глазъ; потомъ вдругъ всталъ блѣдный, какъ смерть, и, къ моему великому ужасу, подошелъ ко мнѣ. Но не было причины бояться его.

— Васъ здѣсь прежде не было?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ я.

— Здѣсь былъ другой мальчикъ?—спросилъ онъ опять; и когда я отвѣтилъ ему, онъ сказалъ:—Да, я такъ и думалъ,—и, не говоря объ этомъ больше ни слова, сѣлъ обратно и потребовалъ водки.

Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что, несмотря на весь мой ужасъ, мнѣ было все-таки жаль его. Онъ былъ женатъ, и жена его жила въ Лидсѣ. Я забылъ теперь, были ли у него дѣти; надѣюсь, что нѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, жизнь моя въ этомъ новомъ положеніи (она, какъ увидите, продолжалась недолго) была не слишкомъ тяжела. Кормили меня такъ же, какъ и мое начальство; мнѣ даже позволяли брать пикули, ихъ самое изысканное блюдо, и еслибъ я только хотѣлъ, то могъ бы напиваться съ утра до ве-

чера, какъ м-ръ Шуэнъ. Я былъ въ обществѣ, и сравнительно въ хорошемъ обществѣ; м-ръ Райэчъ, бывшій прежде въ коллэджѣ, разговаривалъ со мной, какъ съ другомъ, когда бывалъ въ веселомъ настроеніи, и сообщалъ мнѣ много интереснаго и поучительнаго, а капитанъ, хотя и держался по большей части очень далеко отъ меня, но иногда бывалъ менѣе сдержаннымъ и разсказывалъ о прекрасныхъ странахъ, гдѣ ему приходилось бывать.

Тѣнь бѣднаго Рэнсома лежала на всѣхъ насъ, но особенно тяжело на мнѣ и м-рѣ Шуэнѣ. Кромѣ того, у меня были собственныя тревоги. Въ настоящее время я исполнялъ грязную работу для троихъ людей, которыхъ считалъ ниже себя (по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ долженъ бы былъ болтаться на висѣлицѣ); а въ будущемъ я представлялъ себя невольникомъ, работающимъ наряду съ неграми на табачной плантаціи. М-ръ Райэчъ, можетъ быть, изъ предосторожности, не позволялъ мнѣ больше говорить ни слова о своей исторіи; капитанъ же, съ которымъ я старался сблизиться, оттолкнулъ меня, какъ собаку, и не хотѣлъ слышать ни слова. Съ каждымъ днемъ бодрость моя все падала и падала, пока, наконецъ, я не сталъ радоваться работѣ, мѣшавшей мнѣ думать.

IX. Человѣкъ съ денежнымъ поясомъ.

Прошло болѣе недѣли, и неудача, преслѣдовавшая до сихъ поръ «Ковнентъ», стала сказываться еще сильнѣе. Иногда онъ немного шелъ впередъ; въ другіе дни его относило назадъ. Наконецъ, бригъ отнесло такъ далеко къ югу, что весь девятый день его швыряло изъ стороны въ сторону въ виду мыса Рэсъ и дикаго скалистаго берега по обѣ его стороны. Тогда состоялся совѣтъ начальниковъ, и они приняли рѣшеніе, которое я не могъ хорошенько понять и увидѣлъ только его результаты; мы противный вѣтеръ обратили въ попутный и быстро шли къ югу.

На третій день, послѣ полудня, волна стала спадать, и густой, мокрый, бѣлый туманъ скрывалъ одинъ конецъ судна отъ другого. Весь день, спускаясь на палубу, я видѣлъ, что матросы и начальники чутко прислушивались надъ бульварками,—«нѣтъ ли буруна», говорили они, и хотя я не понималъ этого слова, но чувствовалъ въ воздухѣ опасность и былъ возбужденъ.

Часовъ около десяти вечера я подавалъ ужинъ м-ру Райэчу и капитану, какъ вдругъ бригъ обо что-то сильно ударился, и мы услышали голоса, кричавшіе во все горло. Оба мои начальника вскочили.

— Мы на что-то наскочили,—сказалъ м-ръ Райэчъ.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ капитанъ,—мы только опрокинули лодку.

И они поспѣшно вышли.

Капитанъ былъ правъ. Мы въ туманѣ наскочили на лодку; она разбилась пополамъ и пошла ко дну со всѣмъ экипажемъ, кромѣ одного человѣка. Этотъ послѣдній (какъ я слышалъ впослѣдствіи) помѣщался на кормѣ въ качествѣ пассажира, тогда какъ остальные сидѣли на банкахъ и гребли. Въ моментъ удара корму подбросило на воздухъ, а человѣкъ (руки его были свободны, и ему ничто не мѣшало, кромѣ суконнаго плаща, спускавшагося ниже колѣнъ) подскочилъ и ухватился за бушпритъ корабля. Это спасеніе доказывало его счастье, ловкость и необыкновенную силу. А между тѣмъ, когда капитанъ повелъ его на рубку, и я въ первый разъ увидѣлъ его, онъ былъ взволнованъ не болѣе моего.

Это былъ небольшого роста, но хорошо сложенный человѣкъ, граціозный, какъ коза; лицо его носило пріятное, открытое выраженіе, но очень загорѣло отъ солнца и было сильно изрыто оспой. Въ его глазахъ, необыкновенно ясныхъ, мелькало что-то безумное, привлекательное и въ то же время тревожное. Снявъ плащъ, онъ положилъ на столъ пару прекрасныхъ пистолетовъ, выложенныхъ серебромъ, и я видѣлъ, что къ поясу его пристегнута длинная шпага. Манеры его были изящны, и онъ очень любезно отвѣчалъ капитану. При первомъ же взглядѣ на него я подумалъ, то пріятнѣе имѣть его другомъ, чѣмъ врагомъ.

Капитанъ, съ своей стороны, тоже дѣлалъ наблюденія, но скорѣе относительно одежды, чѣмъ личности этого человѣка. И дѣйствительно, когда онъ снялъ плащъ, то оказался чрезвычайно нарядньмъ для рубки купеческаго судна: на немъ была шляпа съ перьями, красный жилетъ, черные плисовые панталоны и синій кафтанъ съ серебряными пуговицами и красивымъ серебрянымъ галуномъ. Это была дорогая одежда, хотя и поизношенная немного и въ которой ему, очевидно, приходилось спать.

— Я очень огорченъ гибелью лодки, сэръ, — сказалъ капитанъ.

— Съ ней пошло ко дну нѣсколько славныхъ людей,—сказалъ незнакомецъ,—которыхъ бы мнѣ болѣе хотѣлось видѣть на берегу, чѣмъ десятокъ лодокъ.

— Ваши друзья?—спросилъ Хозизенъ.

— У васъ нѣтъ такихъ друзей,—отвѣчалъ онъ,—они готовы были умереть за меня, какъ собаки.

— Ну, сэръ,—сказалъ капитанъ, наблюдая за нимъ,—на свѣтѣ больше людей, чѣмъ лодокъ для нихъ.

— Это тоже вѣрно,—воскликнулъ незнакомецъ,—и вы очень проницательны, сэръ.

— Я былъ во Франціи, сэръ,—сказалъ капитанъ, и было ясно, что онъ хочетъ сказать этимъ больше, чѣмъ значили сами слова.

— Что жъ удивительнаго, сэръ,—отвѣчалъ тотъ,—много народу перебывало тамъ.

— Безъ сомнѣнія, сэръ,—сказалъ капитанъ,—ради красиваго мундира.

— О,—сказалъ незнакомецъ,—такъ вотъ откуда дуетъ вѣтеръ,—и онъ быстро положилъ руку на пистолеты.

— Не будьте такъ запальчивы,—сказалъ капитанъ,—не начинайте ссоры, пока въ ней нѣтъ надобности. На васъ мундиръ французскаго солдата, а говорите вы по-шотландски; но теперь много честныхъ людей дѣлаютъ то же, и я нисколько не осуждаю ихъ.

— Да,—сказалъ господинъ въ красивомъ мундирѣ.—Такъ вы принадлежите къ честной партіи (подразумѣвая «къ партіи якобитовъ», потому что въ этого рода междоусобіяхъ каждая партія считаетъ, что названіе «честная» принадлежитъ только ей)?

— Я истый протестантъ, сэръ,—отвѣчалъ капитанъ,—и благодарю Бога за это (я въ первый разъ услышалъ, чтобы онъ говорилъ о религіи, хотя послѣ узналъ, что на берегу онъ усердно посѣщалъ церковь). Но, несмотря на это, я умѣю жалѣть, когда вижу человѣка, припертаго къ стѣнѣ.

— Правда? — спросилъ якобитъ. — Хорошо, сэръ; сказать вамъ откровенно, я одинъ изъ тѣхъ честныхъ джентльменовъ, которые участвовали въ возстаніи въ сорокъ пятомъ и сорокъ

шестомъ годахъ; и попадись я въ руки господъ въ красныхъ мундирахъ, мнѣ, вѣроятно, плохо бы пришлось. Сэръ, я долженъ былъ ѣхать во Францію. Французскій корабль крейсировалъ здѣсь, чтобы взять меня, но онъ прошелъ мимо насъ въ туманѣ, какъ я отъ всей души желалъ бы, чтобы прошли вы! И вотъ что я имѣю сказать вамъ: если вы высадите меня тамъ, куда я направлялся, то деньги, которыя у меня съ собой, щедро вознаградятъ васъ за безпокойство.

— Во Францію?—сказалъ капитанъ.—Нѣтъ, сэръ, этого я не могу сдѣлать. Но высадить васъ тамъ, откуда вы ѣдете, это другое дѣло.

Тутъ, къ несчастію, капитанъ увидѣлъ, что я стою въ своемъ углу, и отослалъ меня на кухню принести ужинъ джентльмэну. Я не терялъ времени, увѣряю васъ, а когда я вернулся въ рубку, то увидѣлъ, что джентльмэнъ снялъ денежный поясъ и положилъ на столъ одну или двѣ гинеи. Капитанъ глядѣлъ на гинеи, затѣмъ на поясъ, потомъ на лицо джентльмэна и, какъ мнѣ казалось, волновался.

— Половину этого,—кричалъ онъ,—и я вашъ!

Тотъ убралъ гинеи въ поясъ и снова надѣлъ его подъ жилетъ.

— Я сказалъ вамъ, сэръ,—отвѣтилъ онъ,—что ни одинъ пенни не принадлежитъ мнѣ. Они принадлежатъ моему начальнику.—Тутъ онъ дотронулся до шляпы.—Было бы глупо съ моей стороны жалѣть часть денегъ, чтобы спасти остальное, но я былъ бы собакой, если бы продалъ свою шкуру слишкомъ дорого. Тридцать гиней, если вы высадите меня на ближній берегъ, или шестьдесятъ, если вы доставите меня въ Линни-Лохъ. Берите ихъ, если хотите; если нѣтъ, поступайте, какъ знаете.

— Гм...—сказалъ Хозизенъ,—а если я выдамъ васъ солдатамъ?

— Вы будете только въ убыткѣ,—отвѣчалъ незнакомецъ.— У моего начальника, позвольте мнѣ сказать, сэръ, все конфисковано, какъ у всякаго честнаго человѣка въ Шотландіи. Все имѣніе его въ рукахъ человѣка, котораго называютъ королемъ Георгомъ; чиновники послѣдняго собираютъ подати или, вѣрнѣе, стараются собрать ихъ. Но, къ чести Шотландіи, бѣдные арендаторы заботятся о своемъ начальникѣ, находящемся въ изгнаніи, и эти деньги—часть той ренты, которую ждетъ король

Георгъ. Сэръ, вы кажетесь мнѣ человѣкомъ разумнымъ: если вы отдадите эти деньги правительству, сколько вы получите?

— Очень мало, конечно,—отвѣтилъ Хозизенъ и язвительно прибавилъ:—Если только оно будетъ знать объ этомъ. Но я думаю, что если постараться, то можно и умолчать.

— О, но я сумѣю вывести васъ на свѣжую воду!—воскликнулъ джентльмэнъ.—Обманите меня, и я перехитрю васъ. Если меня арестуютъ, то узнаютъ, что это за деньги.

— Хорошо,—сказалъ капитанъ,—что должно быть, то и будетъ. Шестьдесятъ гиней, и конецъ! Вотъ вамъ моя рука въ томъ.

— А вотъ моя,—отвѣтилъ незнакомецъ.

Послѣ этихъ словъ капитанъ вышелъ (что-то очень торопливо, подумалъ я) и оставилъ меня въ рубкѣ одного съ незнакомцемъ.

Въ это время (вскорѣ послѣ сорокъ пятаго года) много эмигрантовъ съ опасностью жизни возвращалось на родину, чтобы повидаться съ друзьями или собрать немного денегъ. Что же касается начальниковъ горныхъ клановъ, имѣнія которыхъ были конфискованы, то часто приходилось слышать, какъ арендаторы всячески урѣзывали себя, чтобы доставлять имъ средства; собирая деньги, люди ихъ клановъ не боялись солдатъ и рисковали опасностью попасться королевскому флоту, провозя ихъ чрезъ океанъ. Обо всемъ этомъ я, конечно, слышалъ; а теперь мнѣ пришлось собственными глазами видѣть человѣка, осужденнаго за всѣ эти проступки. Но онъ не только бунтовалъ и контрабанднымъ образомъ провозилъ арендныя деньги, но еще поступилъ на службу къ французскому королю Людовику и, точно этого было недостаточно, еще носилъ поясъ, наполненный золотомъ. Каковы бы ни были мои убѣжденія, я не могъ смотрѣть на этого человѣка иначе, какъ съ большимъ интересомъ.

— Итакъ, вы якобитъ?—сказалъ я, ставя передъ нимъ кушанье.

— Гм...—сказалъ онъ, принимаясь за ѣду.—А вы, судя по вашему длинному лицу, вѣроятно, вигъ *)?

— Ни то, ни другое,—сказалъ я, чтобы не раздражать его,—потому что на самомъ дѣлѣ я вигъ, насколько этого могъ достигнуть м-ръ Кемпбелль.

---

*) Вигъ было обыденное названіе для вѣрныхъ королю Георгу людей.

— А это—ничего,—сказалъ онъ.—Но послушайте, господинъ «ни то, ни другое», въ этой бутылкѣ ничего нѣтъ,—добавилъ онъ,—было бы несправедливо брать съ меня шестьдесятъ гиней и еще отказывать въ выпивкѣ.

— Я пойду спросить ключъ,—сказалъ я и спустился на палубу.

Туманъ былъ все такъ же густъ, но волненіе почти улеглось. Корабль легъ въ дрейфъ, такъ какъ не знали, гдѣ именно мы находимся, а вѣтеръ, хотя и ничтожный, былъ намъ не попутенъ. Нѣсколько человѣкъ еще прислушивались къ буруну; но капитанъ и оба помощника были въ шкафутѣ и о чемъ-то совѣщались. Не знаю, почему мнѣ пришло въ голову, что они задумали что-нибудь дурное, и первыя услышанныя мною слова, когда я тихонько подошелъ, подтвердили мое предположеніе.

То былъ возгласъ м-ра Райэча, котораго точно осѣнила внезапная мысль:

— Нельзя ли намъ хитростью выманить его изъ рубки?

— Лучше будетъ, если онъ останется тамъ,—отвѣчалъ Хозизенъ,—тамъ слишкомъ мало мѣста, чтобы пользоваться шпагой.

— Положимъ, это правда,—сказалъ Райэчъ,—но тамъ до него трудно добраться.

— Пустяки,—замѣтилъ Хозизенъ,—мы можемъ вовлечь его въ разговоръ, подойти по одному съ каждой стороны и схватить его за руки; или, если это неудобно, сэръ, то можно вбѣжать въ обѣ двери и схватить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ приготовиться.

При этихъ словахъ меня охватилъ страхъ и гнѣвъ противъ вѣроломныхъ, жадныхъ, жестокихъ людей, съ которыми я плавалъ. Первая моя мысль была убѣжать, но потомъ я сталъ смѣлѣе.

— Капитанъ,—сказалъ я,—тотъ господинъ проситъ водки, а въ бутылкѣ ничего нѣтъ. Дайте мнѣ пожалуйста ключъ!

Всѣ они вздрогнули и повернулись.

— Вотъ намъ случай достать оружіе!—закричалъ Райэчъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—Послушайте, Давидъ, знаете вы, гдѣ лежатъ пистолеты?

— Да, да,—вставилъ Хозизенъ,—Давидъ знаетъ! Давидъ хорошій малый. Видишь, Давидъ, тотъ дикій гайлэндеръ *) опасенъ для судна, не говоря уже о томъ, что онъ отъявленный врагъ короля Георга, да хранитъ его Богъ!

Никогда еще меня такъ не задобривали съ тѣхъ поръ, какъ я былъ на бригѣ. Я отвѣчалъ «да», какъ будто все, что я слышалъ, было совершенно естественно.

— Затрудненіе въ томъ,—кончилъ капитанъ,—что все наше огнестрѣльное оружіе, крупное и мелкое, находится въ рубкѣ, подъ носомъ у этого человѣка, и порохъ также. Если бы я или одинъ изъ моихъ помощниковъ пошелъ за нимъ, у гайлэндера пробудились бы подозрѣнія. Но мальчуганъ, какъ ты, Давидъ, можетъ незамѣтно стащить рогъ пороху и одинъ или два пистолета. И если ты обдѣлаешь это умно, то я припомню все, когда ты будешь нуждаться въ другѣ, а это случится, когда мы пріѣдемъ въ Каролину.

Тутъ м-ръ Райэчъ что-то шепнулъ ему.

— Совершенно вѣрно, сэръ,—сказалъ капитанъ и, обращаясь ко мнѣ, продолжалъ:—И еще вотъ что, Давидъ, у того человѣка поясъ полонъ золота, и даю тебѣ слово, что и ты получишь свою долю.

Хотя у меня едва хватало духу говорить съ нимъ, я все-таки отвѣтилъ, что исполню его желаніе. Послѣ того онъ далъ мнѣ ключъ отъ шкапа съ спиртными напитками, и я медленно направился къ рубкѣ. Что мнѣ было дѣлать? Это были собаки и воры: они выкрали меня съ родины, убили бѣднаго Рэнсома... Неужели я долженъ былъ содѣйствовать еще одному убійству? Но, съ другой стороны, меня удерживалъ страхъ неминуемой смерти: что могли сдѣлать одинъ человѣкъ и мальчикъ противъ всего экипажа судна, даже если бы они были храбры, какъ львы?

Разсуждая такимъ образомъ, но не придя ни къ какому рѣшенію, я вошелъ въ рубку и увидѣлъ якобита, сидѣвшаго подъ лампой за ужиномъ; и я сразу понялъ, что нужно дѣлать. Никакой заслуги съ моей стороны въ этомъ нѣтъ: я не по своему выбору, а какъ бы движимый какой-то невидимой силой подошелъ прямо къ столу и положилъ руку на плечо незнакомца.

— Вы не боитесь смерти?—спросилъ я.

*) Гайлэндеръ—житель горной Шотландіи.

Онъ вскочилъ на ноги, и во взглядѣ его я ясно прочелъ вопросъ.

— О,—воскликнулъ я,—они здѣсь всѣ убійцы. Все судно полно убійцъ! Они уже убили мальчика. Теперь хотятъ убить васъ.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—я пока еще не въ ихъ рукахъ.— Затѣмъ съ любопытствомъ взглянулъ на меня.—Вы на моей сторонѣ?—спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ я.—Я не воръ и не убійца. Я буду помогать вамъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—какъ васъ зовутъ?

— Давидъ Бальфуръ,—сказалъ я. Затѣмъ, думая, что человѣку въ такой изящной одеждѣ должны нравиться знатные люди, я въ первый разъ прибавилъ:—изъ Шооса.

Ему и въ голову не пришло не вѣрить мнѣ—гайлэндеры привыкли видѣть знатныхъ дворянъ въ нищетѣ; но такъ какъ у него не было собственнаго помѣстья, то слова мои раздражили его ребяческое тщеславіе.

— Моя фамилія Стюартъ,—сказалъ онъ, пріосаниваясь.— Меня зовутъ Аланъ Брекъ. Съ меня достаточно моего королевскаго имени, хотя я и не прицѣпляю къ нему названія какой-нибудь фермы.

И, задавъ мнѣ этотъ нагоняй, точно будто дѣло было первой важности, онъ принялся разсматривать наши средства борьбы.

Рубка была выстроена очень прочно, чтобы противостоять ударамъ волнъ. Изъ ея пяти отверстій только стеклянный люкъ и обѣ двери были настолько велики, чтобы пропустить человѣка. Двери, кромѣ того, можно было плотно задвинуть; онѣ были сдѣланы изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и снабжены крючками, чтобы держать ихъ открытыми или запертыми, смотря по надобности. Одну дверь, уже закрытую, я укрѣпилъ такимъ образомъ. Но когда я хотѣлъ прокрасться къ другой, Аланъ остановилъ меня.

— Давидъ,—сказалъ онъ,—я не могу припомнить названія вашего помѣстья и потому осмѣливаюсь называть васъ Давидомъ, открытая дверь—лучшая моя защита.

— Лучше было бы закрыть ее,—сказалъ я.

— Нѣтъ, Давидъ,—сказалъ онъ.—Видите ли, пока эта дверь открыта, и я стою лицомъ къ ней, то большая часть моихъ враговъ будетъ предо мной, а тамъ-то я и желаю ихъ видѣть.

Потомъ онъ досталъ мнѣ съ козелъ тесакъ (кромѣ пистолетовъ, тамъ было нѣсколько тесаковъ), который выбиралъ очень внимательно, качая головой и говоря, что онъ никогда не видалъ болѣе плохого оружія. Затѣмъ посадилъ меня къ столу и далъ мнѣ рогъ съ порохомъ, сумку съ пулями и всѣ пистолеты, которые и велѣлъ зарядить.

— И это, увѣряю васъ, будетъ лучшей работой для джентльмэна хорошаго происхожденія,—сказалъ онъ,—чѣмъ чистить посуду и подавать воду шайкѣ пропитанныхъ смолой матросовъ.

Затѣмъ онъ сталъ на середину рубки, лицомъ къ двери, и, вытащивъ свою шпагу, подвергнулъ испытанію то пространство, на которомъ ему приходилось дѣйствовать.

— Мнѣ приходится работать однимъ остріемъ,—сказалъ онъ, тряхнувъ головой,—и это очень жаль. Я не могу проявить своего таланта, состоящаго въ верхней оборонѣ. А теперь продолжайте заряжать пистолеты и наблюдайте за мной.

Я сказалъ ему, что буду внимательно слушать. Я съ трудомъ дышалъ, во рту пересохло, свѣтъ померкъ въ моихъ глазахъ. При мысли о той массѣ людей, которые должны были вскорѣ наброситься на насъ, сердце мое трепетало, и мысль о морѣ, омывавшемъ теперь бока нашего брига, и куда, я думалъ, еще до утра будетъ брошено мое мертвое тѣло, не выходила изъ моей головы.

— Прежде всего,—сказалъ Аланъ,—сколько у насъ противниковъ?

Я сталъ считать, и въ головѣ моей была такая сумятица, что мнѣ пришлось два раза дѣлать сложеніе.

— Пятнадцать,—сказалъ я.

Аланъ свистнулъ.

— Что-жъ,—замѣтилъ онъ,—этого не измѣнишь.—А теперь слушайте внимательно. Мое дѣло—охранять эту дверь, откуда я жду главнаго нападенія. Въ этомъ вы не участвуете. Смотрите, не стрѣляйте въ эту сторону, пока я не упаду, потому что мнѣ пріятнѣе имѣть десять враговъ впереди себя, чѣмъ одного такого друга, какъ вы, стрѣляющаго мнѣ въ спину изъ пистолета.

Я признался ему, что дѣйствительно я плохой стрѣлокъ.

— Прекрасно сказано,—сказалъ онъ, восхищаясь моей откровенностью.—Многіе не рѣшились бы сознаться въ этомъ.

— Но, сэръ,—замѣтилъ я,—за вами дверь, которую они могутъ сломать.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — и это часть вашей обязанности. Какъ только пистолеты будутъ заряжены, вы должны влѣзть на койку, ближайшую къ окну; и если они дотронутся до двери, стрѣляйте. Но это не все. Будьте хоть сколько-нибудь солдатомъ, Давидъ. Что вамъ еще надо охранять?

— Люкъ,—сказалъ я.—Но, право, м-ръ Стюартъ, нужно имѣть глаза и на затылкѣ, чтобы охранять и дверь, и люкъ, потому что, когда я нахожусь лицомъ къ одной, то повертываюсь спиной къ другому.

— Это совершенная правда,—сказалъ Аланъ,—но развѣ у васъ нѣтъ ушей?

— Конечно!—воскликнулъ я.—Я услышу, какъ разобьется стекло!

— У васъ есть нѣкоторая доля смысла,—свирѣпо отвѣтилъ Аланъ.

X. Осада рубки.

Но мирное положеніе скоро кончилось. На палубѣ ждали моего возвращенія, пока терпѣніе не истощилось. Не успѣлъ Аланъ сказать послѣднихъ словъ, какъ капитанъ показался въ открытой двери.

— Стой!—закричалъ Аланъ и направилъ на него шпагу.

Капитанъ дѣйствительно остановился, но не дрогнулъ и не отступилъ ни на шагъ.

— Обнаженная шпага?—сказалъ онъ.—Странная отплата за гостепріимство.

— Видите вы меня?—спросилъ Аланъ.—Я царскаго рода, я ношу имя королей. Въ моемъ гербѣ—дубъ. Видите вы мою шпагу? Она отрубила головы большему числу виговъ, чѣмъ у васъ пальцевъ на ногахъ. Зовите свою сволочь себѣ на помощь, сэръ, и нападайте! Чѣмъ раньше начнется стычка, тѣмъ скорѣе вы почувствуете эту сталь въ своихъ внутренностяхъ.

Капитанъ ничего не сказалъ Алану, но взглянулъ на меня недобрымъ взглядомъ.

— Давидъ,—сказалъ онъ,—я припомню это!—И звукъ его голоса рѣзнулъ меня по сердцу.

Вслѣдъ затѣмъ онъ ушелъ.

— Теперь,—сказалъ Аланъ,—держите ухо востро, потому что опасность близится.

Аланъ вытащилъ кинжалъ и держалъ его въ лѣвой рукѣ, на случай, еслибъ они вздумали пролѣзть подъ шпагой. Я съ своей стороны влѣзъ на койку съ цѣлой охапкой пистолетовъ и съ тяжелымъ сердцемъ открылъ окно, у котораго долженъ былъ сторожить. Оттуда была видна только небольшая часть палубы, но для нашей цѣли этого было достаточно. Волны улеглись, вѣтеръ не измѣнился, и паруса висѣли неподвижно; на бригѣ была совершенная тишина, сквозь которую я услышалъ ропотъ голосовъ. Немного погодя послышался звонъ стали о палубу, изъ котораго я понялъ, что раздавали кортики, и что одинъ изъ нихъ упалъ. Затѣмъ снова все стихло.

Не могу отдать себѣ отчетъ, былъ ли я, что называется, испуганъ, но сердце мое билось скоро и слабо, какъ у птицы. Глаза застилалъ какой-то туманъ; я постоянно хотѣлъ удалить его, протирая глаза, но онъ снова возвращался. Надежды у меня не было никакой, только мрачное отчаяніе и злоба на весь міръ, заставлявшія меня бороться и продать свою жизнь возможно дороже. Припоминаю, что я пробовалъ молиться, но та же сумятица въ моей головѣ, точно во время бѣга, мѣшала мнѣ думать о молитвѣ. Главнымъ моимъ желаніемъ было, чтобы все поскорѣй началось и кончилось.

Внезапно раздался шумъ шаговъ и крикъ, затѣмъ послышались возгласы Алана и звукъ ударовъ. Кто-то закричалъ, точно его ранили. Я оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ въ двери м-ра Шуэна, дравшагося съ Аланомъ.

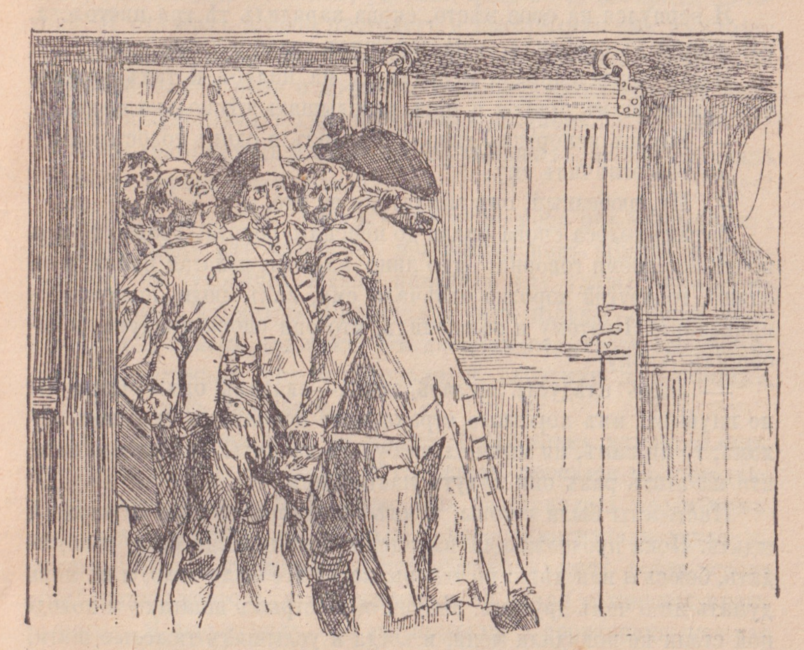
— Это онъ убилъ мальчика!—закричалъ я.

— Смотрите за своимъ окномъ!—сказалъ Аланъ; и, поворачиваясь къ окну, я увидѣлъ, какъ онъ воткнулъ шпагу въ тѣло помощника.

Пора было и мнѣ исполнять свою долю работы. Только что я успѣлъ повернуть голову къ окну, какъ мимо меня пять человѣкъ протащили запасной рей для устройства тарана и стали устанавливать его передъ дверью. Я ни разу въ жизни не стрѣлялъ изъ пистолета и очень рѣдко изъ ружья, тѣмъ болѣе въ человѣка. Но думать было нечего: или теперь, или никогда. Только что они раскачали рей, я крикнулъ:

— Вотъ вамъ!—и выстрѣлилъ въ средину ихъ.

Я, должно быть, задѣлъ одного, потому что онъ застоналъ и отступилъ на шагъ, а остальные остановились въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Не успѣли они оправиться, какъ вторая пуля пролетѣла надъ ихъ головами, а при третьемъ выстрѣлѣ (попавшемъ такъ же далеко, какъ и второй) вся компанія бросила рей и убѣжала.

Я видѣлъ какъ онъ воткнулъ шпагу въ помощника...

Тогда я снова оглянулся и осмотрѣлъ рубку. Вся она была полна дымомъ отъ моихъ выстрѣловъ, и самъ я почти былъ оглушенъ ими. Но Аланъ стоялъ такъ же, какъ и прежде; только шпага его теперь была въ крови по рукоятку. Самъ онъ очень кичился своей побѣдой и принималъ такія изящныя позы, что казался непобѣдимымъ. Прямо передъ нимъ на четверенькахъ стоялъ м-ръ Шуэнъ; кровь лилась у него изо рта, и онъ медленно опускался съ блѣднымъ, страшнымъ лицомъ. Въ то время, какъ я смотрѣлъ, стоявшіе за нимъ схватили его за пятки и бокомъ вытащили изъ рубки. Я думаю, онъ умеръ, пока его тащили.

— Вотъ вамъ одинъ вигъ!—воскликнулъ Аланъ, затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ, много ли я убилъ.

Я сказалъ, что ранилъ кого-то, и думаю, что это былъ капитанъ.

— А я покончилъ съ двумя,—сказалъ онъ.—Но крови еще недостаточно, они вернутся. На мѣсто, Давидъ! Это была только рюмка водки передъ обѣдомъ.

Я вернулся на свое мѣсто, снова зарядилъ тѣ три пистолета, изъ которыхъ стрѣлялъ, и насторожилъ глаза и уши.

Наши враги спорили неподалеку на палубѣ и такъ громко, что сквозь шумъ прибоя я могъ разслышать нѣсколько словъ.

— Шуэнъ испортилъ дѣло,—слышалъ я одинъ голосъ.

Другой отвѣчалъ ему:

— Ну, любезный, онъ заплатилъ за это.

Затѣмъ голоса снова упали до неяснаго ропота. Только теперь почти все время говорило одно лицо, какъ бы излагая планъ, и то одинъ, то другой коротко отвѣчали ему, какъ люди, получившіе приказаніе. Поэтому я заключилъ, что они снова придутъ, и сообщилъ Алану.

— Намъ слѣдуетъ желать этого,—сказалъ онъ.—Если мы не внушимъ имъ хорошаго страха и не покончимъ съ этимъ дѣломъ, то ни вамъ, ни мнѣ нельзя будетъ заснуть. Только помните, что на этотъ разъ они будутъ настойчивы.

Пистолеты были готовы, и мнѣ оставалось только слушать и ждать. Пока продолжалось нападеніе, мнѣ некогда было разсуждать, боюсь я или нѣтъ; но теперь, когда все было тихо, я не могъ думать ни о чемъ другомъ. Мысли объ острыхъ шпагахъ и холодной стали не покидали меня, и когда я услышалъ тяжелые шаги, шуршаніе одежды о стѣнки рубки и понялъ, что они въ потемкахъ становятся по мѣстамъ, я готовъ былъ громко закричать.

Все это происходило на сторонѣ Алана, и я начиналъ думать, что моя доля участія въ сраженіи кончена, когда услыхалъ, что кто-то тихо опустился на крышу надо мной.

Затѣмъ раздался призывъ свистка, послужившій сигналомъ. Одна шайка, съ кортиками въ рукахъ, бросилась на дверь; и въ ту же минуту стекло люка разбилось, и какой-то человѣкъ, спрыгнувъ, очутился на полу рубки. Не успѣлъ онъ встать на ноги, какъ я приставилъ пистолетъ къ его спинѣ и могъ бы застрѣлить его, но когда я дотронулся до него, живого, мужество оставило меня, и я не могъ ни спустить курокъ, ни убѣжать.

Спрыгивая, онъ уронилъ кортикъ и, почувствовавъ прикосновеніе пистолета, быстро обернулся и схватилъ меня, осыпая ругательствами. При этомъ мужество ли мое вернулось или, напротивъ, то былъ страхъ, но результатъ получился одинъ и тотъ же: я вскрикнулъ и прострѣлилъ его насквозь. Онъ страшно, отвратительно застоналъ и упалъ на полъ. Ноги другого человѣка, болтавшіяся изъ люка, ударили меня въ то же время по головѣ. Я схватилъ второй пистолетъ и выстрѣлилъ ему въ бедро; онъ соскользнулъ и, какъ чурбанъ, свалился на тѣло своего товарища. Не было и рѣчи о промахѣ, хотя прицѣливаться мнѣ было некуда: я приставлялъ дуло и стрѣлялъ въ упоръ.

Я бы долго стоялъ и смотрѣлъ на упавшихъ, но крикъ Алана о помощи вернулъ мнѣ сознаніе.

До сихъ поръ онъ охранялъ дверь; но пока онъ былъ занятъ другими, одинъ изъ матросовъ подбѣжалъ подъ шпагой и схватилъ его за туловище. Аланъ наносилъ ему удары кинжаломъ лѣвой рукой, но матросъ присталъ, какъ піявка. Другой тоже ворвался и занесъ кинжалъ. Въ дверяхъ виднѣлось множество лицъ. Я подумалъ, что мы пропали, и, схвативъ свой кортикъ, напалъ на нихъ съ фланга.

Но моя помощь была не нужна. Противникъ упалъ. Аланъ, отступивъ назадъ для разбѣга, съ ревомъ бросался на нападающихъ, какъ разъяренный звѣрь. Они разступились предъ нимъ, какъ вода, повернулись, бѣжали и второпяхъ падали одинъ на другого. Шпага въ рукахъ Алана блестѣла, какъ ртуть, среди убѣгающихъ враговъ, и при каждомъ ея ударѣ слышался крикъ раненаго. Я еще думалъ, что мы пропали, а противники уже всѣ убѣгали, и Аланъ гналъ ихъ вдоль палубы, какъ собака загоняетъ овецъ.

Однако, онъ вскорѣ вернулся, потому что былъ такъ же остороженъ, какъ храбръ. А матросы продолжали бѣжать и кричать, точно онъ все еще гнался за ними. Мы слышали, какъ они, спотыкаясь другъ о друга, спустились въ каюту и захлопнули люкъ наверху.

Рубка была похожа на бойню; внутри ея лежали трое мертвыхъ, а на порогѣ один матросъ мучился въ предсмертной агоніи. Аланъ и я одержали побѣду и остались невредимыми.

Онъ подошелъ ко мнѣ, протягивая руки.

— Придите въ мои объятія!—воскликнулъ онъ и сталъ об-

нимать меня и крѣпко цѣловать въ обѣ щеки.—Давидъ,—сказалъ онъ,—я люблю васъ, какъ брата! Скажите,—воскликнулъ онъ въ какомъ-то экстазѣ,—развѣ я не хорошій боецъ?

Затѣмъ онъ повернулся къ павшимъ врагамъ, проткнулъ каждаго изъ нихъ насквозь шпагой и выпихнулъ ихъ за дверь одного за другимъ. Въ то же время онъ насвистывалъ и напѣвалъ сквозь зубы, точно стараясь припомнить какой-то мотивъ, но на самомъ дѣлѣ онъ старался придумать новый. Все это время на щекахъ его игралъ румянецъ, и глаза блестѣли, какъ у пятилѣтняго ребенка при видѣ новой игрушки. Вдругъ онъ усѣлся на столъ со шпагой въ рукѣ: мотивъ, который онъ все время искалъ, становился все яснѣе и яснѣе, и вотъ онъ громко запѣлъ гэльскую пѣсню.

Я привожу ее тутъ не въ стихахъ (на которые я не способенъ), но по крайней мѣрѣ на англійскомъ языкѣ. Онъ потомъ часто пѣлъ ее, и она мало-по-малу стала популярной; я ее слышалъ много разъ, и мнѣ объяснили ея значеніе:

Это была пѣснь о шпагѣ Алана:

Кузнецъ ковалъ ее,
Огонь закалялъ ее;
Теперь же она сверкаетъ въ рукахъ Алана Брека.
У врага было много глазъ,
Ясныхъ и быстрыхъ,—
Они направили много рукъ.
Шпага была одна.
Сѣрые олени толпятся на холмѣ;
Ихъ много, а холмъ одинъ;
Сѣрые олени пропадаютъ—
Холмъ остается.
Прилетайте съ холмовъ, поросшихъ верескомъ.
Прилетайте ко мнѣ съ острововъ океана,
Далеко зрящіе орлы,
Вотъ вамъ добыча!

Эта пѣсня, которую онъ сложилъ въ минуту нашей побѣды (и слова, и музыку), не совсѣмъ справедлива ко мнѣ, боровшемуся рядомъ съ нимъ. М-ръ Шуэнъ и еще пятеро были нами убиты или тяжело ранены; изъ нихъ двое, которые попали сквозь люкъ, пали отъ моей руки. Еще четверо были ранены легче, и одинъ изъ нихъ (наиболѣе опасный)—мною. Такъ что въ общемъ я принималъ большое участіе въ схваткѣ и могъ требовать упоминанія въ стихахъ Алана. Но поэтамъ (какъ говорилъ мнѣ

одинъ очень умный человѣкъ) приходится думать болѣе о рифмахъ. Въ разговорѣ же Аланъ отдавалъ мнѣ болѣе, чѣмъ должное.

Въ то время я даже не сознавалъ несправедливости ко мнѣ, потому что не только не зналъ ни слова по-гэльски, но и радъ былъ сейчасъ же по окончаніи дѣла добраться до койки, послѣ долгаго ожиданія, напряженія и, болѣе всего, ужаса при мысли, что я принималъ участіе въ этой борьбѣ. Отъ тяжести на сердцѣ я едва дышалъ: воспоминаніе о двухъ убитыхъ мною людяхъ давило меня, какъ кошмаръ; и совершенно неожиданно, не отдавая себѣ отчета, я началъ рыдать и плакать, какъ ребенокъ.

Аланъ хлопнулъ меня по плечу и сказалъ, что я храбрый малый, но что мнѣ надо только выспаться.

— Я буду первый на стражѣ,—сказалъ онъ.—Вы хорошо помогали мнѣ, Давидъ, съ начала до конца, и я не хотѣлъ бы лишиться васъ за весь Аппинъ, даже за весь Бредальбэнъ.

Онъ постлалъ мнѣ постель на полу и сталъ на первую смѣну съ пистолетомъ въ рукѣ и шпагой у колѣна. Смѣна продолжалась три часа по капитанскимъ часамъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Затѣмъ онъ разбудилъ меня, и я, въ свою очередь, простоялъ три часа. До окончанія моей смѣны совершенно разсвѣло. Утро было очень тихое; слегка волнующееся море качало корабль и заставляло переливаться кровь на полу рубки, а сильный дождь барабанилъ по крышѣ. Во всю мою смѣну не произошло ничего интереснаго; по хлопанью руля, я догадывался, что даже никого не поставлено у румпеля. Дѣйствительно (какъ я узналъ послѣ) столько матросовъ было ранено или убито, остальные же находились въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что м-ру Райэчу и капитану приходилось смѣняться такъ же, какъ мнѣ съ Аланомъ, а то бригъ могъ бы направиться на берегъ, прежде чѣмъ кто-нибудь замѣтилъ бы это. Къ счастью, ночь стояла тихая, потому что вѣтеръ утихъ, какъ только пошелъ дождь. Даже и теперь я, по крику чаекъ, во множествѣ ловившихъ рыбу около корабля, видѣлъ, что его отнесло очень близко къ берегу или къ одному изъ Гебридскихъ острововъ. Наконецъ, выглянувъ изъ двери рубки, я увидѣлъ большіе каменные утесы Скай съ правой стороны, а немного далѣе за кормою островъ Ромъ.

XI. Капитанъ идетъ на уступки.

Аланъ и я сѣли за завтракъ около шести часовъ утра. Полъ былъ усыпанъ битымъ стекломъ и покрытъ густымъ слоемъ крови, отбивавшей у меня аппетитъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ положеніе наше было не только пріятное, но и веселое; мы выгнали капитана и его помощниковъ изъ ихъ собственной каюты и имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ спиртные напитки на суднѣ и самое изысканное изъ пищи, напримѣръ, пикули и лучшій сортъ сухарей. Этого одного было бы достаточно, чтобы привести насъ въ хорошее настроеніе, но самымъ лучшимъ было то, что два такихъ любителя выпить, какихъ только когда-либо производила Шотландія (за смертью м-ра Шуэна), были теперь заперты въ передней части судна и обречены довольствоваться тѣмъ, что они болѣе всего ненавидѣли—холодной водой.

— Повѣрьте мнѣ,—сказалъ Аланъ,—мы вскорѣ услышимъ о нихъ. Человѣкъ можетъ воздерживаться отъ сраженія, но не можетъ воздержаться отъ вина.

Мы отлично проводили время вмѣстѣ. Аланъ былъ очень ласковъ со мной и, взявъ со стола ножъ, отрѣзалъ мнѣ одну изъ серебряныхъ пуговицъ своего мундира.

— Я получилъ ихъ,—сказалъ онъ,—отъ моего отца, Дункана Стюарта; я даю вамъ одну изъ нихъ на память о томъ, что произошло въ эту ночь. Куда бы вы ни пошли и гдѣ бы ни показали эту пуговицу, друзья Алана Брека соберутся вокругъ васъ.

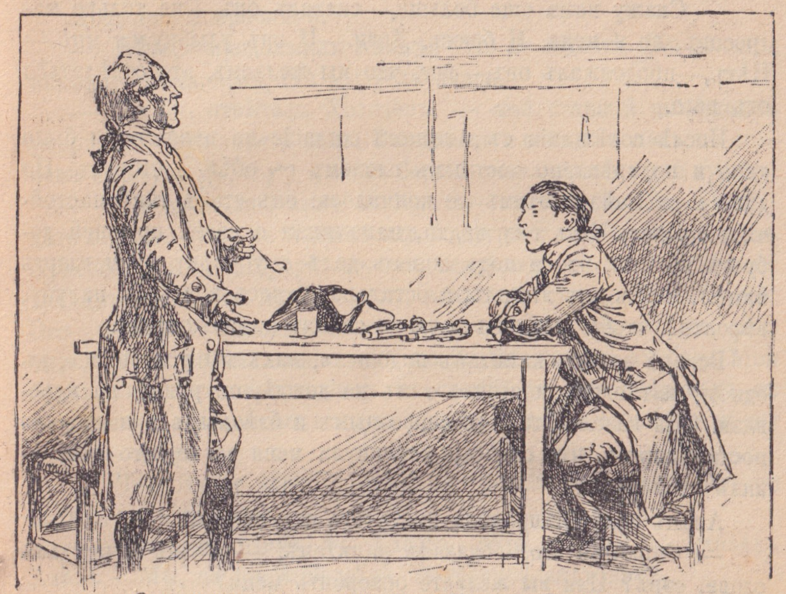
Онъ сказалъ это такъ, точно былъ Карломъ Великимъ и повелѣвалъ арміями; и, несмотря на мое восхищеніе его мужествомъ, я постоянно боялся улыбнуться на его хвастовство: говорю «боялся» потому, что если бы я не владѣлъ своимъ лицомъ, то могла возникнуть такая ссора, что и подумать страшно.

Какъ только мы кончили завтракъ, онъ сталъ рыться въ шкафу у капитана, пока не нашелъ платяной щетки. Затѣмъ, снявъ мундиръ, сталъ осматривать его и счищать пятна такъ тщательно и усердно, какъ, по моему, могли дѣлать только женщины. Правда, у него не было другой перемѣны; кромѣ того (какъ говорилъ онъ), платье принадлежало королю, а потому и уходъ за нимъ долженъ былъ быть королевскій.

Когда я увидѣлъ, какъ тщательно онъ выдергалъ ниточки въ

томъ мѣстѣ, гдѣ была отрѣзана пуговица, я сталъ дороже цѣнить его даръ.

Онъ еще не кончилъ своего занятія, какъ насъ съ палубы окликнулъ м-ръ Райэчъ, прося вступить въ переговоры. Я пролѣзъ черезъ люкъ, сѣлъ на краю его съ пистолетомъ въ рукѣ и смѣлымъ выраженіемъ на лицѣ, хотя и опасаясь въ душѣ разбитаго стекла. Окликнувъ его съ своей стороны, я попросилъ его говорить. Онъ подошелъ къ углу рубки и всталъ на веревки, сверннутыя кольцомъ, такъ что его подбородокъ приходился на одномъ уровнѣ съ крышей, и мы нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга. Не думаю, чтобы м-ръ Райэчъ былъ особенно ревностенъ въ бою, и потому онъ отдѣлался только ударомъ въ щеку; несмотря на то, онъ упалъ духомъ и выглядѣлъ очень усталымъ, такъ какъ провелъ всю ночь на ногахъ, стоя на вахтѣ или ухаживая за ранеными.

Онъ сказалъ это точно былъ Карломъ Великимъ...

— Скверное это дѣло,—сказалъ онъ, наконецъ, качая головой.

— Это былъ не нашъ выборъ,—сказалъ я.

— Капитанъ,—сказалъ онъ, — желалъ бы видѣть вашего друга. Они могли бы говорить черезъ окно.

— Мы не можемъ знать, не задумалъ ли онъ измѣну!—воскликнулъ я.

— Никакой измѣны онъ не задумалъ, Давидъ,—отвѣчалъ м-ръ Райэчъ,—а еслибъ и задумалъ, то, сказать вамъ правду, мы не могли бы увлечь за собой матросовъ.

— Такъ ли это?—сказалъ я.

— Скажу вамъ еще больше,—сказалъ онъ,—не только матросовъ, но и меня. Я боюсь, Дэви.—И онъ улыбнулся мнѣ.—Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—все, что мы желаемъ, это отдѣлаться отъ него.

Послѣ совѣщанія съ Аланомъ согласіе на переговоры было дано и подкрѣплено честнымъ словомъ съ обѣихъ сторонъ. Но дѣло м-ра Райэча этимъ не кончилось: онъ сталъ такъ настойчиво просить дать ему водки, напоминая о своей прежней добротѣ ко мнѣ, что я подъ конецъ далъ ему чарку въ четверть пинты. Часть онъ выпилъ, а остальное отнесъ внизъ на палубу, вѣроятно, чтобы подѣлиться ею со своимъ начальникомъ.

Вскорѣ затѣмъ капитанъ подошелъ, какъ мы условились, къ одному изъ оконъ и стоялъ тамъ на дождѣ, съ рукою на перевязи. Онъ казался такимъ серьезнымъ и блѣднымъ и настолько постарѣвшимъ, что совѣсть упрекнула меня за то, что я стрѣлялъ въ него.

Аланъ сразу направилъ пистолетъ ему въ лицо.

— Спрячьте его!—сказалъ капитанъ. — Развѣ я не далъ слова, сэръ? Или вы желаете оскорбить меня?

— Капитанъ,—отвѣтилъ Аланъ,—я боюсь, что слово ваше легко нарушается. Вчера вечеромъ вы торговались, какъ уличная торговка, потомъ дали мнѣ слово, въ подтвержденіе протянувъ руку, и вы отлично знаете, что за этимъ послѣдовало! Къ чорту ваше слово!—прибавилъ онъ.

— Хорошо, сэръ,—сказалъ капитанъ,—ваша руготня ни къ чему хорошему не приведетъ. (Надо сознаться, что самъ капитанъ никогда не ругался). Но мнѣ надо поговорить съ вами о другомъ,—продолжалъ онъ съ горечью.—Вы сыграли плохую шутку съ моимъ бригомъ; у меня недостаточно людей для управленія имъ; мой первый помощникъ, безъ котораго мнѣ трудно обойтись, пронзенный насквозь вашей шпагой, умеръ, не произнеся

ни слова. Мнѣ больше ничего не остается, какъ вернуться въ портъ Глазго за экипажемъ: и тамъ, если позволите, вы найдете людей, которые сумѣютъ разговаривать съ вами лучше моего.

— Да?—сказалъ Аланъ.—Клянусь честью, я съ ними поговорю! Если въ этомъ городѣ есть хоть одинъ человѣкъ, говорящій по-англійски, я разскажу ему интересную исторію. Пятнадцать здоровыхъ матросовъ, съ одной стороны, и одинъ человѣкъ съ полуребенкомъ—съ другой! Какое жалкое зрѣлище!

Хозизенъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ Аланъ,—это не годится. Вы должны высадить меня тамъ, гдѣ мы условились.

— Но, — отвѣчалъ Хозизенъ, — мой старшій помощникъ умеръ, вы сами знаете какъ. Больше ни одинъ изъ насъ не знакомъ съ берегомъ, сэръ, а этотъ берегъ очень опасенъ для судовъ.

— Предоставляю вамъ выбирать,—сказалъ Аланъ.—Высадите меня на сушу въ Аппинѣ или Ардгурѣ, или Морвенѣ, или въ Арисэгѣ, или въ Морарѣ, короче, вездѣ, гдѣ хотите, не дальше тридцати миль отъ моей родины, исключая страны Кемпбеллей. Это—обширная мишень. Если вы не попадете въ нее, то, значитъ, вы въ мореплаваніи такъ же слабы, какъ и въ бою. Мои бѣдные земляки переѣзжаютъ въ своихъ утлыхъ челнокахъ съ острова на островъ во всякую погоду и даже ночью, если вы желаете знать.

— Челнокъ не корабль, сэръ,—отвѣчалъ капитанъ,—онъ не сидитъ такъ глубоко.

— Что же, ѣдемъ въ Глазго, если хотите! — сказалъ Аланъ.—Мы, по крайней мѣрѣ, посмѣемся надъ вами.

— У меня совсѣмъ не смѣхъ въ головѣ,—сказалъ капитанъ.—Но все это будетъ стоить денегъ, сэръ.

— Прекрасно, сэръ,—отвѣчалъ Аланъ,—я не беру своихъ словъ назадъ. Тридцать гиней, если вы высадите меня на берегъ; шестьдесятъ, если вы доставите меня въ Линни-Лохъ.

— Но посмотрите, сэръ, гдѣ мы находимся, вѣдь мы только въ нѣсколькихъ часахъ отъ Арднамуркана, — сказалъ Хозизенъ.—Дайте мнѣ шестьдесятъ, и я высажу васъ тамъ.

— И я долженъ изнашивать обувь и подвергаться опасности быть схваченнымъ красными мундирами, чтобы угодить вамъ?—закричалъ Аланъ.—Нѣтъ, сэръ, если вы хотите получить шестьдесятъ гиней, то заработайте ихъ и высадите меня въ моей странѣ.

— Это значитъ рисковать бригомъ, сэръ,—сказалъ капитанъ,—и съ нимъ вмѣстѣ собственною жизнью.

— Какъ хотите,—отвѣтилъ Аланъ.

— Могли бы вы вести насъ?—спросилъ капитанъ съ нахмуреннымъ видомъ.

— Сомнѣваюсь,—сказалъ Аланъ.—Я скорѣе боецъ, какъ вы сами видѣли, чѣмъ морякъ. Но меня часто сажали и высаживали на этомъ берегу, и я немного знаю его.

Капитанъ покачалъ головой, все еще хмурясь.

— Если бы я не потерялъ въ этомъ несчастномъ плаванiи такъ много денегъ, я бы скорѣе увидѣлъ васъ на висѣлицѣ, чѣмъ рисковалъ бы своимъ бригомъ, сэръ. Но пусть будетъ по вашему. Какъ только подуетъ боковой вѣтеръ,—а онъ долженъ подуть, или я сильно ошибаюсь,—я воспользуюсь имъ. Но есть еще одинъ вопросъ. Мы можемъ повстрѣчать королевское судно, которое абордируетъ насъ безъ моей вины: вдоль этого берега плаваетъ много крейсеровъ, вы сами знаете, для кого. Сэръ, на этотъ случай оставьте мнѣ деньги.

— Капитанъ,—сказалъ Аланъ,—если вы увидите вымпелъ, то ваше дѣло убѣгать. А теперь, зная, что вамъ на носу не хватаетъ водки, я предлагаю обмѣнъ: бутылку водки взамѣнъ двухъ ведеръ воды.

Это заключенiе переговоровъ было въ точности исполнено обѣими сторонами, такъ что Аланъ и я могли, наконецъ, вымыть рубку и избавиться отъ воспоминанiй объ убитыхъ нами, а капитанъ и м-ръ Райэчъ тоже были по-своему счастливы, такъ какъ могли снова выпить.

XII. Я слышу о Красной Лисицѣ.

Прежде чѣмъ мы покончили съ чисткой рубки, съ сѣверо-востока подулъ вѣтеръ; онъ прогналъ дождь, и солнце выглянуло.

Тутъ я долженъ сдѣлать отступленiе, и читатель хорошо сдѣлаетъ, если посмотритъ на карту. Въ тотъ день, когда стоялъ туманъ и мы разбили лодку Алана, бригъ проходилъ черезъ Малый Минчъ. На разсвѣтѣ послѣ схватки мы спокойно стояли къ востоку отъ острова Канна, между имъ и островомъ Эриска, находящимся въ цѣпи Лонгъ-Эйландскихъ острововъ. Прямой

путь отсюда въ Линни-Лохъ лежалъ проливами Соундъ-офъ-Мулль. Но у капитана не было карты; онъ боялся пустить свой бригъ глубоко между островами, и такъ какъ вѣтеръ былъ благопріятный, то предпочелъ обойти Тайри съ запада и выйти у южнаго берега большого острова Мулля.

Вѣтеръ весь день дулъ въ томъ же направленіи и скорѣе усиливался, чѣмъ ослабѣвалъ; а часамъ къ двѣнадцати изъ-за наружныхъ Гебридскихъ острововъ появились сильныя волны. Нашъ курсъ, чтобы обойти кругомъ внутренніе острова, лежалъ на юго-западѣ, такъ что сначала эти волны ударяли въ бокъ, и насъ очень кидало. Но по наступленіи ночи, когда мы уже обогнули конецъ Тайри и стали направляться болѣе къ востоку, волны попадали прямо въ корму.

Между тѣмъ, первую часть дня, до появленія волны, мы провели очень пріятно; при яркомъ солнечномъ свѣтѣ мы обошли множество скалистыхъ островковъ. Сидя въ рубкѣ съ открытыми съ обѣихъ сторонъ дверями (такъ какъ вѣтеръ дулъ прямо въ корму), мы съ Аланомъ выкурили одну или двѣ трубки капитанскаго хорошаго табаку и въ то же время разсказывали другъ другу наши исторіи. Это было для меня болѣе чѣмъ важно, такъ какъ давало возможность немного ознакомиться съ горной Шотландіей, гдѣ мнѣ вскорѣ пришлось высадиться. Въ тѣ дни, такіе близкіе къ великому возстанію, всякій, шедшій чрезъ поросшія верескомъ шотландскія горы, долженъ былъ знать свой путь и опасность, которой подвергался.

Я первый показалъ примѣръ, разсказавъ о своемъ несчастіи. Аланъ слушалъ меня съ большимъ добродушіемъ. Только когда я упомянулъ моего хорошаго друга, священника м-ра Кемпбелля, Аланъ вспылилъ и воскликнулъ, что онъ ненавидитъ всѣхъ, носящихъ это имя.

— Отчего же?—сказалъ я.—Это такой человѣкъ, которому вы можете съ гордостью подать руку.

— Я ничего никогда не далъ бы Кемпбеллю, — отвѣтилъ онъ,—кромѣ свинцовой пули. Я охотно сталъ бы преслѣдовать весь этотъ родъ, какъ тетеревей. Даже умирая, я все-таки доползъ бы до окна своей комнаты, чтобы выстрѣлить въ одного изъ нихъ.

— Что у васъ вышло съ Кемпбеллями, Аланъ?—воскликнулъ я.

— Вотъ что,—отвѣтилъ онъ,—вы отлично знаете, что я Стюартъ изъ Аппина, и Кемпбелли долгое время безпокоили и разоряли моихъ родичей, а также отнимали у насъ земли обманомъ, но мечомъ никогда!—закричалъ онъ громко и ударилъ кулакомъ по столу. Но я мало обратилъ вниманія на это, такъ какъ зналъ, что такъ обыкновенно говорятъ побѣжденные.— Было еще многое,—продолжалъ онъ,—и все въ томъ же родѣ: лживыя слова, лживыя бумаги, выходки, достойныя торгаша, и все это подъ видомъ законности, что еще больше злитъ порядочнаго человѣка.

— Вы такъ расточительны на пуговицы,—сказалъ я,—не думаю, чтобы вы могли быть хорошимъ судьей въ дѣлахъ.

— А,—отвѣтилъ онъ, снова улыбаясь,—расточительность я унаслѣдовалъ отъ того же человѣка, что и пуговицы; то былъ отецъ мой, Дунканъ Стюартъ, вѣчная ему память! Онъ былъ лучшимъ человѣкомъ въ нашемъ родѣ и лучшимъ солдатомъ въ горной Шотландіи, а это то же самое, что въ цѣломъ мірѣ! Ужъ мнѣ-то хорошо извѣстно, вѣдь онъ самъ училъ меня. Отецъ служилъ въ Черной стражѣ. Когда ей въ первый разъ дѣлали смотръ, за нимъ, какъ за другими джентльменами, шелъ пажъ, несшій его винтовку во время марша. Королю, очевидно, хотѣлось посмотрѣть на шотландское фехтованіе: моего отца и троихъ другихъ, какъ лучшихъ фехтовальщиковъ, выбрали и послали въ Лондонъ. Тамъ въ продолженіе двухъ часовъ подъ-рядъ они показывали свое искусство въ присутствіи короля Георга, королевы Каролины, Кумберлэнда и другихъ, имена которыхъ я не помню. Когда они кончили, король, хотя онъ и былъ узурпаторомъ, любезно говорилъ съ ними и далъ каждому по три гинеи. По выходѣ изъ дворца имъ приходилось пройти мимо домика привратника; и моему отцу пришло въ голову, что такъ какъ онъ, вѣроятно, первый частный джентльменъ, проходившій когда-либо чрезъ эти ворота, то слѣдовало бы дать бѣдному привратнику подобающее понятіе о своемъ достоинствѣ, и онъ сунулъ ему въ руку полученныя отъ короля три гинеи, точно это было его всегдашнее обыкновеніе. Трое его спутниковъ сдѣлали то же самое. Такимъ образомъ, они вышли на улицу, не оставивъ себѣ ни одного пенни за труды. Одни говорятъ, что такой-то первый одарилъ королевскаго привратника, другіе называютъ другого;

но вѣрно то, что это былъ Дунканъ Стюартъ, и я готовъ доказать это шпагой или пистолетомъ. И это былъ мой отецъ, да благословитъ его Богъ!

— Я думаю, что такой человѣкъ не могъ оставить вамъ наслѣдства?—спросилъ я.

— Это вѣрно,—сказалъ Аланъ,—онъ оставилъ мнѣ пару штановъ и почти ничего больше. И вотъ почему мнѣ пришлось поступить на военную службу; это всегда будетъ пятномъ на моей чести и сыграетъ скверную штуку со мной, если я попаду въ руки красныхъ мундировъ.

— Какъ,—воскликнулъ я, — вы служили въ англійской арміи?

— Да,—сказалъ Аланъ,—но я дезертировалъ на правую сторону при Престонъ Пансѣ, и въ этомъ еще есть нѣкоторое утѣшеніе.

Я съ трудомъ могъ раздѣлять его взглядъ, считая дезертирство непростительнымъ пятномъ для честнаго человѣка. Но, несмотря на свою молодость, я не былъ такъ глупъ, чтобы высказать свое мнѣніе.

— Боже мой,—воскликнулъ я, — вѣдь за это полагается смерть!

— Да,—отвѣтилъ онъ,—если они поймаютъ меня, то исповѣдь моя будетъ коротка, и веревка приготовлена длинная! Но у меня въ карманѣ патентъ на чинъ, выданный французскимъ королемъ, и это, можетъ быть, защититъ меня.

— Очень сомнѣваюсь,—сказалъ я.

— Я самъ сомнѣваюсь,—отвѣчалъ Аланъ.

— Боже мой,—воскликнулъ я,—если вы осужденный мятежникъ, дезертиръ и находитесь на службѣ у французскаго короля, то что заставляетъ васъ возвращаться сюда? Вы искушаете Провидѣніе.

— Ничего,—сказалъ Аланъ,—я возвращался сюда каждый годъ послѣ сорокъ шестого.

— Что же влечетъ васъ?—спросилъ я.

— Видите ли, я тоскую по друзьямъ и по родинѣ,—отвѣтилъ онъ.—Франція прекрасная страна, что и говорить, но я тоскую по верескѣ и оленямъ. Затѣмъ у меня тутъ небольшое дѣло: я набираю юношей на службу французскаго короля, рекрутовъ, понимаете? Это приноситъ немного денегъ. Но главнымъ образомъ я ѣзжу по дѣлу моего начальника, Ардшиля.

— Мнѣ казалось, что вашего начальника зовутъ Аппинъ,— сказалъ я.

— Да, но Ардшиль начальникъ клана,—отвѣчалъ онъ, хотя его слова мало что мнѣ объяснили.—Видите, Давидъ, онъ царской крови и носитъ имя королей, и всю свою жизнь прожилъ знатнымъ человѣкомъ, а теперь доведенъ до того, что долженъ жить во Франціи, какъ бѣдное частное лицо. Я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, при первомъ свисткѣ котораго собиралось сорокъ вооруженныхъ ратниковъ, покупалъ на рынкѣ масло и несъ его домой въ капустномъ листѣ. Это не только тяжело, но и позорно для нашей семьи и клана. А тутъ его дѣти, надежда Аппина, которыхъ въ той дальней странѣ надо обучить разнымъ наукамъ и умѣнію владѣть оружіемъ. Арендаторы Аппина должны платить подать королю Георгу; но сердцемъ они непоколебимо вѣрны своему начальнику; и благодаря этой любви, нѣкоторому давленію и угрозамъ, бѣдный народъ сколачиваетъ вторую подать для Ардшиля; а я, Давидъ, доставляю ее,—и онъ ударилъ по своему поясу, такъ что гинеи зазвенѣли.

— Они платятъ двѣ подати?—закричалъ я.

— Двѣ, Давидъ,—сказалъ онъ.

— Какъ, двѣ арендныя платы?—повторилъ я.

— Да, Давидъ,—сказалъ онъ.—Я разсказалъ капитану другое, но это правда. Меня даже удивляетъ, какъ мало потребовалось давленія. Но все это дѣло моего славнаго родственника и друга моего отца, Джэмса изъ Гленса, т. е. Джэмса Стюарта, единокровнаго брата Ардшиля. Онъ собираетъ деньги и распоряжается ими.

Здѣсь я въ первый разъ услышалъ имя того Джэмса Стюарта, который сталъ такимъ знаменитымъ, когда его вѣшали. Но тогда я на это не обратилъ вниманія: мои мысли были заняты щедростью бѣдныхъ гайлэндеровъ.

— Это благородно! — воскликнулъ я. — Я вигъ или почти такъ, но все-таки считаю это благороднымъ.

— Да,—сказалъ онъ,—вы вигъ, но джентльменъ, оттого вы и думаете такъ. Если бы вы принадлежали къ проклятому роду Кемпбеллей, вы бы скрежетали зубами, слыша это. Если бы вы были Красной Лисицей...

При этомъ имени онъ стиснулъ зубы и замолчалъ. Я никогда

не видалъ такого свирѣпаго лица, какое было у Алана при упоминаніи о Красной Лисицѣ.

— А кто это Красная Лисица?—спросилъ я боязливо, но все-таки съ любопытствомъ.

— Кто онъ такой?—закричалъ Аланъ.—Хорошо, я скажу вамъ. Когда кланы были разбиты подъ Куллоденомъ, правое дѣло погибало и лошади выше копытъ ходили въ крови лучшихъ людей сѣвера, Ардшилю пришлось бѣжать, какъ оленю, по горамъ, съ женой и дѣтьми. Трудное было время, прежде чѣмъ мы усадили его на корабль; и пока онъ еще прятался тутъ, англійскіе негодяи, не будучи въ состояніи лишить его жизни, лишали его правъ. Они отняли у него власть и землю; они вырвали оружіе изъ рукъ людей его клана, носившихъ его уже тридцать столѣтій, сняли съ нихъ даже одежду, такъ что теперь считается грѣхомъ носить тартановый плэдъ и человѣка могутъ посадить въ тюрьму за то, что на немъ шотландская юбка. Одного они не могли уничтожить—любви людей клана къ своему начальнику. Эти гинеи служатъ доказательствомъ. И вотъ въ дѣло вмѣшивается Кемпбелль, рыжеволосый Колинъ изъ Гленура...

— Такъ вы его называете Красной Лисицей?—спросилъ я.

— Попадись онъ мнѣ только въ руки!—закричалъ яростно Аланъ.—Да, это тотъ самый. Онъ вмѣшивается въ эту исторію, получаетъ отъ короля Георга бумаги, по которымъ дѣлается такъ называемымъ королевскимъ агентомъ въ Аппинѣ. Въ началѣ онъ воздерживается и находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Шимусомъ, т. е. съ Джэмсомъ Гленскимъ, агентомъ моего начальника. Но мало-по-малу до ушей его доходитъ то, что я вамъ только-что разсказывалъ: какъ бѣдные аппинскіе простолюдины, фермеры, огородники и стрѣлки готовы отдать свои послѣдніе плэды, чтобы собрать вторую подать и отослать ее за море Ардшилю и его бѣднымъ дѣтямъ. Какъ вы назвали это, когда я разсказывалъ вамъ?

— Я назвалъ это благороднымъ, Аланъ,—сказалъ я.

— А вы немногимъ лучше обыкновеннаго вига!—воскликнулъ Аланъ.—Но когда это дошло до Колина Рой, то черная кровь Кемпбеллей закипѣла въ немъ. Онъ сидѣлъ за виномъ и скрежеталъ зубами. Какъ, Стюартъ получалъ кусокъ хлѣба, и онъ не могъ помѣшать этому? Красная Лисица, если ты когда-нибудь попадешься мнѣ на разстояніи выстрѣла, пусть сжа-

лится надъ тобой Господь!—Аланъ остановился, чтобы переварить свой гнѣвъ.—Что же онъ дѣлаетъ, Давидъ? Онъ объявляетъ, что всѣ фермы сдаются. Онъ думаетъ въ своей черной душѣ: «Я скоро найду другихъ арендаторовъ, которые заплатятъ больше, чѣмъ всѣ эти Стюарты и Макколи, и Макробы—это все имена изъ моего клана, Давидъ,—и тогда,—думаетъ онъ,—Ардшилю придется собирать милостыню на большой дорогѣ во Франціи».

— Ну,—спросилъ я,—и что же случилось?

Аланъ бросилъ трубку, которая давно уже потухла, и положилъ обѣ руки на колѣни.

— Да,—сказалъ онъ,—этого вы никогда не угадаете! Эти самые Стюарты, Макколи и Макробы (которымъ приходилось платить двѣ арендныхъ платы: одну королю Георгу—насильно, и другую Ардшилю—добровольно) предложили ему лучшую цѣну, чѣмъ какой-либо Кемпбелль изъ всей обширной Шотландіи. А между тѣмъ онъ посылалъ за арендаторами далеко, до береговъ Клайда и до Эдинбурга, велѣлъ ихъ разыскивать и уговаривать, и упрашивать придти, чтобы заставить Стюарта умереть съ голоду и доставить удовольствіе Кемпбеллю!

— Да, Аланъ,—сказалъ я,—это странная, но хорошая исторія. И хотя я и вигъ, но радъ, что онъ былъ побѣжденъ.

— Побѣжденъ?—переспросилъ Аланъ.—Значитъ вы мало знаете Кемпбеллей и въ особенности Красную Лисицу. Побѣдить его? Этого не будетъ, пока кровь его не ороситъ холмовъ! Но, Давидъ, если наступитъ день, когда у меня будетъ время для охоты, то весь верескъ Шотландіи не спрячетъ его отъ моей мести!

— Аланъ,—сказалъ я,—это не по-христіански, да и не умно давать волю своему гнѣву. Ваши слова не причинятъ никакого вреда человѣку, котораго вы называете Лисицей, а вамъ самимъ не принесутъ добра. Разскажите мнѣ просто все до конца. Что онъ сдѣлалъ потомъ?

— Это вы хорошо замѣтили, Давидъ,—сказалъ Аланъ.— Правда, что это, къ сожалѣнію, не принесетъ ему вреда! И если исключить ваши слова о христіанствѣ, о которомъ я совершенно другого мнѣнія,—иначе я не былъ бы христіаниномъ,—то я совсѣмъ съ вами согласенъ.

— Каково бы ни было ваше мнѣніе,—отвѣтилъ я,—все-таки всѣмъ извѣстно, что христіанство запрещаетъ мстить.

— Да,—замѣтилъ Аланъ,—сейчасъ видно, что васъ училъ Кемпбелль! Свѣтъ былъ бы очень удобенъ для нихъ и подобныхъ имъ, если бы не существовало молодцовъ съ ружьями за кустами вереска! Но это къ дѣлу не идетъ. Вотъ что онъ сдѣлалъ.

— Да,—сказалъ я,—разскажите это.

— Итакъ, Давидъ,—продолжалъ онъ,—не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ вѣрныхъ простолюдиновъ честнымъ путемъ, онъ поклялся, что отдѣлается отъ нихъ другими средствами. Ардшиль долженъ былъ умереть съ голоду: вотъ чего онъ домогался. А такъ какъ тѣ, которые кормили его въ изгнаніи, не хотѣли передать аренды, то онъ рѣшилъ выгнать ихъ, правдой или неправдой. Для этого онъ послалъ за стряпчими, бумагами и солдатами, чтобы содѣйствовать ему. И добродушный народъ этой страны долженъ былъ уложить свои пожитки и убираться изъ домовъ своихъ отцовъ и прочь изъ страны, гдѣ всѣ они были вскормлены и вспоены и гдѣ играли еще дѣтьми. И кто же наслѣдуетъ имъ? Босоногіе нищіе! Королю Георгу остается только вздыхать о своей арендѣ. Онъ можетъ обойтись и безъ нея и сократить свои потребности—какое дѣло Рыжему Колину? Его желаніе—повредить Ардшилю. Если онъ можетъ взять пищу со стола моего начальника или вырвать послѣднюю игрушку изъ рукъ его дѣтей, онъ пойдетъ домой, воспѣвая Гленуръ!

— Дайте мнѣ сказать слово, — вступился я.—Будьте увѣрены, что если податей собираютъ меньше, то, значитъ, правительство тоже въ этомъ замѣшано. Это вина не Кемпбелля, а распоряженія правительства. И если бы завтра убили этого Кемпбелля, какой былъ бы толкъ? На его мѣсто будетъ немедленно назначенъ другой агентъ.

— Вы славный малый въ сраженіи,—сказалъ Аланъ,—но въ васъ видна кровь виговъ!

Онъ говорилъ довольно ласково, но въ его презрительномъ тонѣ чувствовалось столько гнѣва, что я счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ. Я выразилъ свое удивленіе, что въ то время, какъ горная Шотландія была вся усѣяна войсками и охранялась, какъ осажденный городъ, человѣкъ въ его положеніи могъ ѣздить взадъ и впередъ, не будучи арестованнымъ.

— Это легче, чѣмъ вы думаете,—сказалъ Аланъ.—Обнаженные склоны все равно, что сплошная дорога; если въ одномъ мѣстѣ стоитъ караулъ, обходите другой стороной. Кромѣ того,

много помогаетъ верескъ. И вездѣ есть дружескіе дома, хлѣва и стоги сѣна. Да кромѣ того, когда говорятъ, что страна покрыта солдатами, это не болѣе, какъ фраза. Солдатъ покрываетъ равно столько мѣста, сколько закрываютъ подошвы его сапогъ. Разъ я удилъ рыбу въ то время, какъ на другомъ склонѣ стоялъ часовой, и поймалъ прекрасную форель; а въ другой разъ сидѣлъ въ кустахъ вереска въ шести шагахъ отъ другого и по его свисту научился дѣйствительно славной пѣсенкѣ. Вотъ этой,—сказалъ онъ и просвисталъ мнѣ мотивъ.—А кромѣ того,—продолжалъ онъ,—теперь не такъ скверно, какъ было въ сорокъ шестомъ году. Теперь горныя страны умиротворены, какъ говорятъ красные мундиры. Не мудрено, когда во всей странѣ отъ Кантейра до мыса Резса не оставлено ни шпаги, ни ружья, кромѣ тѣхъ, которыя осторожные люди запрятали въ солому на крышахъ! Но мнѣ хотѣлось бы знать, Давидъ, какъ долго это будетъ продолжаться. Можно подумать, что скоро конецъ, разъ такіе люди, какъ Ардшиль, въ изгнаніи, а люди, подобные Красной Лисицѣ, сидятъ и попиваютъ вино и угнетаютъ бѣдныхъ. Но трудно рѣшать, что народъ перенесетъ и что нѣтъ. Иначе, почему Рыжій Колинъ разъѣзжаетъ по всей моей бѣдной родинѣ, и не находится храбраго малаго, чтобы всадить въ него пулю?

Съ этими словами Аланъ погрузился въ задумчивость и долгое время сидѣлъ грустный и молчаливый.

Къ характеристикѣ моего друга прибавлю еще, что онъ былъ очень искусенъ въ игрѣ на всевозможныхъ инструментахъ, но въ особенности на флейтѣ; что онъ былъ извѣстнымъ поэтомъ на своемъ родномъ нарѣчіи; прочелъ много книгъ какъ по-французски, такъ и по-англійски; былъ мѣткимъ стрѣлкомъ, хорошимъ рыболовомъ, отлично владѣлъ какъ кинжаломъ, такъ и шпагой. Его недостатки были всѣ сразу замѣтны, и я теперь зналъ ихъ всѣ. Худшимъ изъ нихъ была ребяческая наклонность обижаться и напрашиваться на ссоры. Со мной онъ значительно сдерживался, во вниманіе къ борьбѣ въ рубкѣ, но оттого ли, что я самъ хорошо защищался, или потому, что я былъ свидѣтелемъ его собственной доблести,—этого я не могу сказать. Вообще же онъ очень любилъ храбрость въ другихъ, но, однако, болѣе всего восхищался ею въ Аланѣ Брекѣ.

XIII. Гибель брига.

Былъ уже вечеръ; стемнѣло настолько, насколько вообще темнѣетъ въ это время года, то есть было еще довольно свѣтло, когда Хозизенъ просунулъ голову въ дверь рубки.

— Выходите,—сказалъ онъ,—и посмотрите, не можете ли вы управлять судномъ.

— Это опять какая-нибудь плутня?—спросилъ Аланъ.

— До плутни ли мнѣ теперь!—воскликнулъ капитанъ.—У меня есть другое, о чемъ нужно думать: бригъ въ опасности!

По встревоженному выраженію его лица и болѣе всего по рѣзкому тону, которымъ онъ упомянулъ о бригѣ, намъ стало ясно, что онъ не хитритъ. И потому мы оба, не особенно опасаясь измѣны, вышли на палубу.

Небо было ясно, но дулъ сильный, холодный вѣтеръ; дневной свѣтъ еще не совсѣмъ потухъ, и въ то же время ярко свѣтилъ почти полный мѣсяцъ. Бригъ шелъ на бейдевиндъ, чтобы обойти юго-западный уголъ острова Мулля.

Горы этого острова (выше всѣхъ Бенъ-Моръ, съ туманной шапкой на вершинѣ) виднѣлись цѣликомъ надъ дугой бакборта. Хотя это направленіе не было благопріятно для «Конвента», онъ несся со страшной быстротой, то ныряя, то взлетая, преслѣдуемый западной волной.

Ночь все-таки была вовсе не такая дурная для плаванія въ морѣ, и я уже начиналъ удивляться, что такъ безпокоило капитана. Но вотъ бригъ внезапно поднялся на высокую волну, и Хозизенъ указалъ намъ на что-то. Съ подвѣтренной стороны изъ освѣщеннаго луной моря поднимался точно фонтанъ, и вслѣдъ за этимъ мы услышали глухой шумъ и ревъ.

— Какъ вы думаете, что это такое?—спросилъ мрачно капитанъ.

— Море, разбивающееся о рифъ,—сказалъ Аланъ.—Теперь вы знаете, гдѣ онъ находится; что же вамъ еще нужно?

— Да, — отвѣчалъ Хозизенъ, — если бы онъ былъ единственнымъ.

И дѣйствительно, пока онъ говорилъ, появился другой фонтанъ, нѣсколько дальше къ югу.

— Вотъ,—воскликнулъ Хозизенъ,—вы сами видите. Если бы я зналъ объ этихъ рифахъ, еслибъ у меня была карта или

еслибъ былъ живъ Шуэнъ, шестьдесятъ гиней не заставили бы меня рисковать моимъ бригомъ на такихъ камняхъ! Но вѣдь вы, сэръ, хотѣли вести насъ, что вы на это скажете?

— Я думаю,—отвѣчалъ Аланъ,—что это должны быть такъ называемыя Торрэнскія скалы.

— Много ихъ?—спросилъ капитанъ.

— Право, сэръ, я не лоцманъ,—сказалъ Аланъ,—но мнѣ кажется, что онѣ тянутся на десять миль.

М-ръ Райэчъ и капитанъ переглянулись.

— Я предполагаю, что между ними есть проходъ!—замѣтилъ капитанъ.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Аланъ,—но гдѣ? Впрочемъ, я какъ будто припоминаю, что проходъ свободнѣе около берега.

— Да?—сказалъ Хозизенъ.—Намъ тогда придется держать круто къ вѣтру, м-ръ Райэчъ, и подойти настолько близко къ концу Мулля, насколько это возможно. Хотя и тогда еще земля будетъ закрывать насъ отъ вѣтра, а эти камни останутся на подвѣтренной сторонѣ. Что же, разъ мы уже попались сюда, приходится продолжать путь.

Съ этими словами онъ далъ приказаніе рулевому и послалъ Райэча на форъ-марсъ. На палубѣ находилось всего пять человѣкъ, считая и начальство: больше не было годныхъ (или, по крайней мѣрѣ, годныхъ и согласныхъ) исполнять свое дѣло людей, да изъ этихъ двое были ранены. Какъ я говорилъ, на долю м-ра Райэча выпало лѣзть наверхъ, и онъ, сидя тамъ, выкрикивалъ все, что видѣлъ.

— Море къ югу загромождено,—кричалъ онъ; затѣмъ чрезъ нѣсколько времени:—оно, кажется, свободнѣе у берега.

— Ну, сэръ,—сказалъ Хозизенъ Алану,—попробуемъ вашъ путь. Но думаю, что мы съ тѣмъ же успѣхомъ могли бы довѣриться слѣпому скрипачу. Дай Богъ, чтобы вы были правы!

— Дай Богъ, чтобы я былъ правъ!—отвѣтилъ Аланъ.—Я слышалъ объ этомъ пути. Ну, что же, отъ судьбы не уйдешь.

Какъ только мы подошли близко къ повороту берега, рифы стали попадаться то здѣсь, то тамъ, на самомъ пути; и м-ръ Райэчъ тогда кричалъ, чтобы мы перемѣнили курсъ. Иногда онъ заявлялъ слишкомъ поздно: одинъ рифъ былъ такъ близокъ къ навѣтренной сторонѣ, что, когда на него налетѣла волна, брызги попали на палубу и промочили насъ, какъ дождь.

Въ такую свѣтлую ночь мы видѣли опасность ясно, какъ днемъ, и это, пожалуй, было страшнѣе всего. Я видѣлъ и лицо капитана, стоявшаго около рулевого: онъ переступалъ съ ноги на ногу, дулъ себѣ на руки и все время прислушивался, вполнѣ владѣя собой. Ни онъ, ни м-ръ Райэчъ не отличались въ сраженіи; но я видѣлъ, что въ своемъ дѣлѣ они были храбры, между тѣмъ какъ Аланъ, къ моему удивленію, сильно поблѣднѣлъ.

— О, Давидъ,—сказалъ онъ,—это не та смерть, о которой я мечтаю.

— Какъ, Аланъ,—воскликнулъ я,—неужели вы боитесь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но согласитесь сами, что это непріятный конецъ.

Къ этому времени мы, лавируя то въ одну, то въ другую сторону, чтобы обойти рифъ, но все-таки придерживаясь вѣтра и берега, обошли Іону и стали направляться вдоль Мулля. Прибой у заворота берега былъ очень силенъ и бросалъ бригъ во всѣ стороны. Къ рулю было поставлено двое, а иногда имъ помогалъ еще самъ Хозизенъ. Странно было видѣть, какъ трое сильныхъ мужчинъ наваливались всей тяжестью на румпель, а онъ (какъ живое существо) сопротивлялся и откидывалъ ихъ назадъ. Это было бы особенно опасно, если бы море въ этомъ мѣстѣ не стало свободнѣе отъ препятствій. Кромѣ того, м-ръ Райэчъ сообщилъ сверху, что видитъ впереди совершенно свободную поверхность.

— Вы были правы,—сказалъ Хозизенъ Алану.—Вы спасли бригъ, сэръ, и я припомню это, когда мы будемъ подводить счеты.

И я вѣрю, что онъ не только говорилъ совершенно искренно, но и сдержалъ бы слово: такою привязанностью съ его стороны пользовался «Конвентъ».

Но это осталось только предположеніемъ, такъ какъ случилось иначе, чѣмъ мы предвидѣли.

— Держите немного въ сторону,—кричалъ м-ръ Райэчъ,—рифъ съ навѣтренной стороны!

И въ ту же минуту прибой подхватилъ бригъ, который повернулся по вѣтру, какъ волчокъ, паруса опустились, и вслѣдъ затѣмъ бригъ ударился о рифъ съ такой силой, что всѣ мы попадали на палубу, а м-ра Райэча чуть не стряхнуло съ мачты.

Въ одну минуту я былъ на ногахъ. Рифъ, о который мы ударились, находился близко къ юго-западному концу Мулля, около маленькаго островка, называемаго Иррайдъ, лежавшаго

плоской и темной массой у бакборта. Иногда волна разбивалась на самой палубѣ, иногда она только поднимала бѣдный бригъ на рифъ, такъ что мы слышали, какъ онъ трещалъ.

Отъ страшнаго шума парусовъ, свиста вѣтра, блеска брызгъ въ лунномъ свѣтѣ и сознанія опасности моя голова, должно быть, совсѣмъ закружилась, такъ какъ я съ трудомъ понималъ окружающее.

Теперь я видѣлъ, что м-ръ Райэчъ и матросы возились съ лодкой, и все такъ же безсознательно побѣжалъ помогать имъ; но только что я принялся за работу, въ головѣ моей прояснилось. Дѣло наше было нелегкое: лодка находилась на срединѣ судна и была наполнена цѣпями, а разбивающіяся громадныя волны безпрестанно заставляли насъ бросать работу и держаться. Но всѣ все-таки работали, какъ волы, пока было возможно.

Въ то же время тѣ изъ раненыхъ, которые могли двигаться, появились изъ передняго люка и стали помогать, тогда какъ остальные, безпомощно лежавшіе на койкахъ, терзали меня своими воплями и мольбами о спасеніи.

Капитанъ не принималъ участія въ работѣ. Казалось, онъ лишился разсудка. Онъ стоялъ, держась за ванты, разговаривая самъ съ собой и испуская громкіе стоны, когда корабль колотился о скалы. Его бригъ былъ ему дорогъ, какъ жена и дѣти; онъ могъ ежедневно смотрѣть на жестокое обращеніе съ бѣднымъ Рэнсомомъ, но когда дѣло шло о бригѣ, онъ, казалось, страдалъ вмѣстѣ съ нимъ.

За все время работы съ лодкой я припоминаю только одно: глядя на берегъ, я спросилъ Алана, что это за страна, а онъ отвѣчалъ, что хуже этого мѣста для него быть не можетъ, такъ какъ оно принадлежитъ Кемпбеллямъ.

Мы поставили одного изъ раненыхъ наблюдать за волнами и предупреждать насъ объ опасности. И лодка была уже почти готова къ спуску, какъ вдругъ онъ рѣзко закричалъ: «Держитесь, Бога ради!». По его голосу мы поняли, что случилось что-то не совсѣмъ обыкновенное; и дѣйствительно, за этимъ послѣдовала огромная волна, которая подняла бригъ и перевернула его на килѣ. Не знаю, слишкомъ ли поздно я услышалъ крикъ или держался слишкомъ слабо, но при внезапномъ наклоненіи судна меня перебросило черезъ бульварки прямо въ море.

Я погрузился и наглотался воды, затѣмъ выплылъ и увидалъ

сіяніе мѣсяца, затѣмъ погрузился снова. Говорятъ, что на третій разъ человѣкъ погружается безъ возврата. Значитъ, я не такой, какъ другіе, потому что не могъ бы сосчитать, сколько разъ я погружался и снова выплывалъ. Во все это время меня то швыряло изъ стороны въ сторону, то колотили и душили волны, иногда совершенно поглощая. Все это такъ развлекало мои мысли, что я не чувствовалъ ни отчаянія, ни испуга.

Вскорѣ я замѣтилъ, что держусь за деревянный брусъ, который немного помогаетъ мнѣ плыть, и вслѣдъ затѣмъ неожиданно очутился въ спокойной водѣ и сталъ приходить въ себя.

Оказалось, что я ухватился за запасный рей, и я теперь съ удивленіемъ замѣтилъ, что далеко отплылъ отъ брига. Я все-таки окликалъ его; но, очевидно, голосъ мой не могъ достигнуть до него. Бригъ все еще держался, но я не могъ видѣть, спустили ли лодку или нѣтъ, такъ какъ былъ слишкомъ далеко.

Окликая бригъ, я замѣтилъ, что между нимъ и мною была полоса воды, куда не попадали большія волны: она вся какъ бы кипѣла при лунномъ свѣтѣ, поднимаясь спиралью и разсыпаясь брызгами. Временами вся эта полоса колебалась въ одну сторону, какъ хвостъ живой змѣи, иногда на мгновеніе все пропадало, а затѣмъ закипало снова. Я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, что бы это могло быть, и мое невѣдѣніе увеличивало мой страхъ; но теперь я знаю, что, вѣроятно, то было морское теченіе, которое, жестоко швыряя, отнесло меня такъ далеко и, наконецъ, какъ бы уставъ отъ игры, бросило вмѣстѣ съ запаснымъ реемъ ближе къ берегу.

Я лежалъ теперь на водѣ совершенно спокойно и начиналъ уже чувствовать, что человѣкъ отъ холода можетъ такъ же умереть, какъ и отъ потопленія. Берега Иррайда были близко; при свѣтѣ луны я могъ различить кусты вереска и слои сланца на скалахъ.

«— Ну, — подумалъ я, — неужели я не смогу добраться туда?».

Я не умѣлъ хорошо плавать, такъ какъ воды Иссена въ нашемъ сосѣдствѣ были не глубоки; но, держась обѣими руками за рей и отталкиваясь обѣими ногами, я все-таки скоро почувствовалъ, что движусь. Это была трудная и страшно медленная работа; приблизительно черезъ часъ я между двумя косами добрался до песчаной бухты, окруженной низкими холмами.

Вода тутъ была совершенно спокойной и не было замѣтно никакого прибоя. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно, и я подумалъ въ глубинѣ души, что никогда не видалъ болѣе пустыннаго и безлюднаго мѣста. Но все же это была суша. Когда, наконецъ, стало такъ мелко, что я могъ оставить рей и дойти пѣшкомъ до берега, я не знаю, что чувствовалъ сильнѣе, усталость или благодарность судьбѣ за спасеніе; вѣроятно, и то, и другое въ равной степени. Знаю только одно: я никогда еще такъ не уставалъ и не возсылалъ такой горячей благодарности Богу.

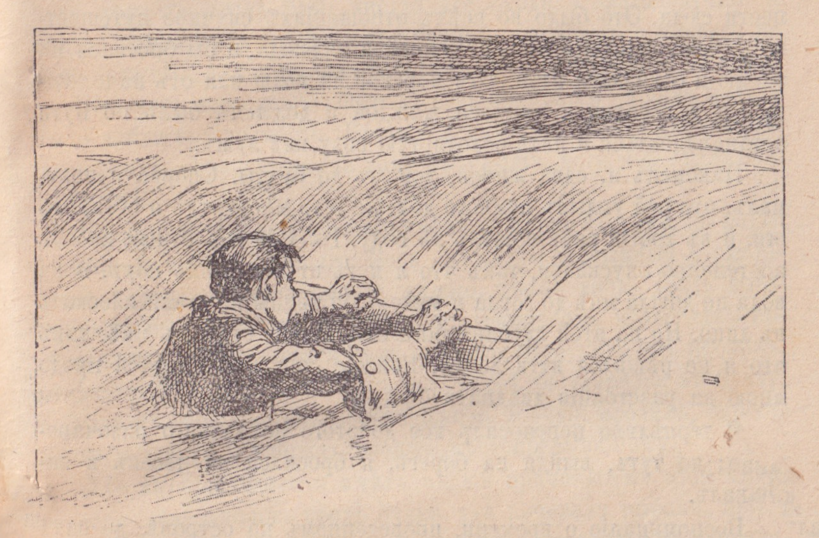
XIV. Островокъ.

Съ моимъ выходомъ на берегъ начинается самая несчастная часть моихъ приключеній. Было половина перваго ночи, и хотя горы и защищали отъ вѣтра, но все-таки ночь была холодная. Изъ опасенія замерзнуть, оставаясь неподвижнымъ, я снялъ сапоги и, несмотря на усталость, сталъ ходить босикомъ взадъ и впередъ по песку, ударяя себя то въ грудь, то по плечамъ, въ надеждѣ согрѣться. Не слышно было ни человѣка, ни животного. Ни одинъ пѣтухъ не кричалъ, хотя это было время ихъ перваго пробужденія; только прибой разбивался вдали и напоминалъ мнѣ о пережитой мною и спутниками моими опасности. Отъ этой прогулки по берегу въ такой ранній часъ въ пустынномъ и уединенномъ мѣстѣ я почувствовалъ что-то въ родѣ страха.

Какъ только стало свѣтать, я надѣлъ сапоги и взобрался на холмъ. Это было самое непріятное карабканіе, которое я когда-либо предпринималъ: я безпрестанно падалъ между большими глыбами гранита или перепрыгивалъ съ одной на другую. Когда я добрался до вершины, появилась заря. Незамѣтно было слѣдовъ ни лодки, ни брига, который, вѣроятно, снялся съ рифа и затонулъ. Не было ни одного паруса на океанѣ, и, насколько я могъ видѣть землю, на ней тоже не было ни людей, ни жилища.

Мнѣ страшно было подумать о судьбѣ моихъ товарищей и смотрѣть долѣе на такой пустынный видъ. Меня и безъ того безпокоили моя мокрая одежда, усталость и голодъ, начинавшій давать себя чувствовать. Я пошелъ къ востоку вдоль южнаго берега, надѣясь найти домъ, гдѣ бы могъ обогрѣться и, можетъ быть, услышать про тѣхъ, кого потерялъ. Въ крайнемъ случаѣ, я надѣялся, что появится солнце и высушитъ мое платье.

Въ скоромъ времени я былъ остановленъ заливомъ или излучиной моря, которая, казалось, вдавалась довольно далеко въ сушу; и такъ какъ я не могъ переправиться, то по необходимости долженъ былъ перемѣнить направленіе и итти до ея конца. Ходьба была все такая же страшно трудная: не только весь Ирайдъ, но и ближайшая часть Мулля (называемая Россъ) представляетъ какой-то хаосъ гранитныхъ скалъ съ растущими между ними кустами вереска. Сначала заливъ все суживался, какъ я и ожидалъ, но вдругъ, къ моему удивленію, онъ сталъ

Оказалось, что я ухватился за запасный рей...

снова расширяться. Я долго ломалъ надъ этимъ голову, все еще не догадываясь о правдѣ, пока, наконецъ, дойдя до подъема, я не понялъ сразу, что выброшенъ на маленькій безплодный островъ и со всѣхъ сторонъ отрѣзанъ отъ міра моремъ.

Вмѣсто солнца, которое я ждалъ, чтобы высушить меня, среди густого тумана пошелъ дождь, такъ что положеніе мое стало отчаяннымъ.

Стоя на дождѣ и дрожа отъ холода, я не зналъ, что дѣлать, пока мнѣ не пришло въ голову, что заливъ, можетъ быть, возможно перейти въ бродъ. Я вернулся къ самому узкому мѣсту и вошелъ въ воду. Но въ трехъ ярдахъ отъ берега я погрузился съ

головой и остался живъ, только благодаря Божьей милости, а не собственной осторожности. Моя одежда не стала мокрѣе (это врядъ ли было возможно), но мнѣ сдѣлалось еще холоднѣе послѣ этой неудачи. Опять потерявъ надежду, я почувствовалъ себя еще печальнѣе.

Вдругъ я вспомнилъ о реѣ. Онъ вынесъ меня изъ теченія и, вѣроятно, поможетъ мнѣ благополучно перебраться черезъ этотъ небольшой спокойный заливчикъ. При этой мысли я неустрашимо отправился на конецъ острова съ цѣлью поймать его и принести сюда. Это было во всѣхъ отношеніяхъ скучное путешествіе, и если бы меня не поддерживала надежда, я бы бросился на землю и отказался итти. Отъ морской ли воды или отъ начинающейся лихорадки я мучился жаждой и долженъ былъ по пути останавливаться и пить болотистую воду изъ лужъ.

Наконецъ я, едва живой, дошелъ до бухты. Сперва я подумалъ, что рей уплылъ немного дальше того мѣста, гдѣ я оставилъ его, и въ третій разъ вошелъ въ воду. Гладкій и плотный песокъ постепенно опускался, такъ что я могъ итти до тѣхъ поръ, пока вода не дошла мнѣ до горла и маленькія волны не стали плескать въ лицо. Но на этой глубинѣ ноги отказались служить мнѣ, такъ что я не рѣшился итти далѣе. Рей же спокойно качался предо мною на разстояніи двадцати футовъ.

Я терпѣливо переносилъ все до этого послѣдняго разочарованія; но тутъ, выйдя на берегъ, я бросился на песокъ и заплакалъ.

Воспоминаніе о времени, проведенномъ на островѣ, до сихъ поръ для меня такъ ужасно, что я потороплюсь покончить съ нимъ. Во всѣхъ книгахъ, гдѣ я читалъ о людяхъ, потерпѣвшихъ крушеніе, карманы ихъ оказывались набитыми инструментами, или, какъ нарочно, вмѣстѣ съ ними выбрасывался на берегъ ящикъ съ разными необходимыми вещами. Мое положеніе было совсѣмъ иное. Въ карманахъ моихъ не было ничего, кромѣ денегъ и серебряной пуговицы Алана; и такъ какъ я росъ въ странѣ, далекой отъ моря, то знанія у меня было такъ же мало, какъ и орудій.

Мнѣ извѣстно было, что раковины считаются годными для ѣды, а между скалами острова я нашелъ множество плоскихъ раковинъ, которыя съ трудомъ могъ оторвать съ мѣста, не зная, что при этомъ нужна только быстрота. Кромѣ нихъ, были еще ма-

ленькія раковины, называемыя башенками. Эти два служили мнѣ единственной пищей. Я съѣдалъ ихъ холодными и сырыми, какими находилъ, и былъ такъ голоденъ, что сначала онѣ показались мнѣ восхитительными.

Можетъ быть, время было для нихъ неблагопріятное, или въ водѣ, окружавшей островъ было что-нибудь вредное, но, поѣвъ ихъ въ первый разъ, я почувствовалъ головокруженіе и тошноту и долгое время пролежалъ замертво. Вторая проба той же пищи (другой у меня не было) оказалась удачнѣе и подкрѣпила мои силы. Но во все время моего пребыванія на островѣ я не зналъ, чего ожидать послѣ ѣды: иногда все сходило благополучно, а иногда начиналась мучительная тошнота, причемъ я никогда не могъ отличить, какая именно раковина такъ дѣйствовала на меня.

Весь день лилъ дождь; островъ весь промокъ и на немъ нельзя было найти сухого мѣста. Когда я легъ спать между двумя глыбами скалъ, образовавшими какъ бы крышу, ноги мои оказались въ болотѣ.

На второй день я обошелъ островъ со всѣхъ сторонъ, но нигдѣ не нашелъ ничего лучшаго. Весь онъ былъ пустынный и скалистый, незамѣтно было ничего живого, кромѣ дичи, убить которую мнѣ было нечѣмъ, да чаекъ, въ громадномъ количествѣ посѣщавшихъ выдававшіяся въ воду скалы. Излучина или проливъ, отдѣлявшій островъ отъ Росса, на сѣверѣ расширялся въ бухту, а бухта въ свою очередь переходила въ Іонскій проливъ, окрестности котораго я избралъ своимъ мѣстопребываніемъ.

Для выбора своего я имѣлъ вѣскія причины: въ этой части острова была хижина вродѣ будки, гдѣ ночевали рыбаки, пріѣзжавшіе сюда на ловлю. Дерновая крыша ея совершенно провалилась, такъ что хижина никуда не годилась и защищала меня меньше, чѣмъ скалы. Важнѣе было то, что здѣсь въ большомъ количествѣ можно было найти молюски, которыми я питался. Во время отлива я могъ сразу набрать ихъ множество, а это, безъ сомнѣнія, было большимъ удобствомъ. Другая причина была еще важнѣе: я никакъ не могъ привыкнуть къ ужасному одиночеству на островѣ и все оглядывался по сторонамъ (точно меня преслѣдовали), волнуемый страхомъ и надеждой увидѣть приближеніе живого существа. Поднявшись немного по склону холма на берегу бухты, я могъ увидѣть большую старинную церковь и крыши

домовъ обитателей Іоны. А по другую сторону, на низменности Росса, я могъ разглядѣть, какъ утромъ и вечеромъ поднимался дымъ, повидимому, изъ жилища, находившагося въ глубинѣ долины.

Я любилъ смотрѣть на этотъ дымъ, когда самъ дрожалъ отъ холода и голова моя шла кругомъ отъ одиночества; и я думалъ объ очагѣ и обществѣ, пока мое сердце не начинало усиленно биться. То же дѣйствіе производили на меня крыши Іоны. Хотя видъ людского жилища и жизненныхъ удобствъ еще обострялъ мои страданія, все же онъ поддерживалъ надежду, помогая глотать старыя раковины (которыя мнѣ скоро опротивѣли), и спасалъ меня отъ чувства ужаса, которое я испытывалъ, оставаясь одинъ съ птицами подъ дождемъ среди мертвыхъ скалъ и у холоднаго моря.

Я говорю, что это поддерживало надежду, потому что мнѣ казалось тогда невозможнымъ умереть на берегу родной страны, въ виду церковной колокольни и дыма людскихъ жилищъ. Но прошелъ второй день, и хотя я пристально наблюдалъ, не покажутся ли лодки въ проливѣ и не пройдутъ ли люди по Россу, помощь все еще не приходила. Дождь шелъ попрежнему; я легъ спать совершенно мокрый и съ болью въ горлѣ, но немного утѣшенный тѣмъ, что пожелалъ спокойной ночи моимъ ближайшимъ сосѣдямъ на Іонѣ.

Карлъ II объявилъ, что въ англійскомъ климатѣ человѣкъ можетъ проводить внѣ дома больше дней въ году, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Сейчасъ видно, что это сказалъ король, у котораго есть дворецъ и сухая одежда. Но во время его бѣгства изъ Ворчестера ему, вѣроятно, больше везло, чѣмъ мнѣ на этомъ несчастномъ островѣ. Была середина лѣта, а между тѣмъ дождь шелъ уже болѣе сутокъ, и разъяснѣло только послѣ полудня на третій день.

Это былъ день происшествій. Утромъ я увидѣлъ краснаго оленя, самца, съ прекрасно развѣтвленными рогами, стоявшаго подъ дождемъ на краю острова; замѣтивъ, что я вылѣзаю изъ подъ скалы, онъ побѣжалъ рысью на другую сторону. Я подумалъ, что онъ, вѣроятно, съ Росса, и переплылъ проливъ, хотя и не могъ понять, что могло привлечь какое-нибудь животное на Иррайдъ.

Немного позже, когда я лазилъ за своими раковинами, меня

поразилъ звукъ гинеи, упавшей на скалу предо мной и отскочившей въ море. Возвращая мнѣ деньги, матросы не только удержали треть всей суммы, но и кожаный кошелекъ моего отца, такъ что съ того дня я носилъ золото просто въ карманѣ, застегнутомъ на пуговицу. Теперь я увидѣлъ, что въ немъ, вѣроятно, дыра, и поспѣшно ощупалъ его рукой. Но это было все равно, что запирать конюшню, когда лошадь уже украдена: я уѣхалъ съ берега въ Куинсферри приблизительно съ пятидесятью фунтами, теперь же я нашелъ въ карманѣ двѣ гинеи и одинъ серебряный шиллингъ.

Правда, что немного далѣе я поднялъ третью гинею, блестѣвшую на дернѣ. Вмѣстѣ онѣ составляли три фунта и четыре шиллинга въ англійской монетѣ. Это было все состояніе юноши, законнаго наслѣдника помѣстья, а теперь умиравшго съ голоду на островѣ, на самой окраинѣ дикаго Гайлэнда.

Мое положеніе безпокоило меня и въ другомъ отношеніи. На третье утро я дѣйствительно былъ достоинъ жалости: моя одежда начинала гнить; чулки совсѣмъ износились, такъ что икры были обнажены; руки распухли отъ мокроты, горло болѣло, силы истощались, и мнѣ была такъ противна отвратительная пища, которую я долженъ былъ употреблять, что отъ одного вида ея почти тошнило.

Но худшее ждало меня впереди.

На сѣверѣ-западѣ Иррайда стоитъ довольно высокая скала, которую я часто посѣщалъ, такъ какъ съ ея плоской вершины былъ виденъ проливъ, но, исключая время сна, я долго никогда не оставался на одномъ мѣстѣ: мое несчастье не давало мнѣ покоя, и я изнурялъ себя постояннымъ безцѣльнымъ блужданіемъ взадъ и впередъ подъ дождемъ.

Впрочемъ, какъ только показалось солнце, я прилегъ на вершинѣ скалы, чтобы высушиться, и не могу выразить, какую отраду принесъ мнѣ солнечный свѣтъ. Онъ вернулъ надежду на освобожденіе, въ которомъ я отчаивался, и я съ новымъ интересомъ сталъ разсматривать море и Россъ. Къ югу отъ скалы выступала часть острова, закрывавшая открытый океанъ, такъ что лодка могла съ этой стороны подойти совершенно близко, а я могъ не замѣтить ея.

Внезапно уголъ острова быстро обогнула, направляясь къ югу, лодка съ коричневымъ парусомъ и двумя рыбаками. Я закричалъ, потомъ упалъ на колѣни на скалѣ и, поднимая руки,

умолялъ ихъ. Они были достаточно близко, чтобы услышать мой голосъ,—я могъ даже разсмотрѣть цвѣтъ ихъ волосъ; и не было сомнѣнія, что они видѣли меня, потому что со смѣхомъ закричали что-то на гэльскомъ нарѣчіи. Но лодка не свернула, а пролетѣла мимо меня прямо къ Іонѣ.

Я не могъ повѣрить такой жестокости и долго бѣжалъ по береговымъ скаламъ, жалобно призывая рыбаковъ. Даже когда мой голосъ не могъ болѣе достигать ихъ лодки, я продолжалъ звать и махать имъ, а когда они совсѣмъ исчезли, я думалъ, что сердце мое разорвется на части. Во все время моихъ невзгодъ я плакалъ два раза: разъ, когда я не могъ достать рей; во второй разъ теперь, когда эти рыбаки не отозвались на мою мольбу. Но на этотъ разъ я плакалъ и кричалъ, точно капризный ребенокъ, разрывая дернъ ногтями и уткнувъ лицо въ землю. Если бы желаніе могло убить человѣка, то эти два рыбака не дожили бы до утра, и я, навѣрное, умеръ бы на пустынномъ островѣ.

Когда мой гнѣвъ немного утихъ, я долженъ былъ попрежнему ѣсть улитокъ съ такимъ отвращеніемъ, которое едва могъ преодолѣть. И правда, лучше мнѣ было попоститься, потому что молюски снова отравили меня. Ко мнѣ вернулись всѣ прежнія страданія: горло такъ болѣло, что я едва могъ глотать, меня трясла лихорадка, и зубы стучали. Наконецъ, я пришелъ въ то ужасное болѣзненное состояніе, для котораго нѣтъ названія ни на шотландскомъ, ни на англійскомъ языкахъ. Я подумалъ, что умираю, и исповѣдался предъ Богомъ, прощая всѣхъ, даже дядю и рыбаковъ; но вслѣдъ за этими приготовленіями настало облегченіе. Ночь была сухая; одежда моя тоже значительно высохла. Надо было сознаться, что я находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ былъ за все время пребыванія на островѣ; и я, наконецъ, уснулъ съ чувствомъ благодарности въ сердцѣ.

На слѣдующій день (четвертый день моей ужасной жизни) я почувствовалъ, что силы мои падаютъ. Но свѣтило солнце, воздухъ былъ теплый и съѣденныя мною ракушки не причинили мнѣ вреда, а напротивъ, вернули бодрость.

Только что я взошелъ на свою скалу (по утрамъ я прежде всего отправлялся туда), какъ замѣтилъ лодку, плывшую по проливу и направлявшуюся, какъ мнѣ казалось, прямо на меня.

Я долго бѣжалъ по скаламъ и кричалъ...

Я одновременно почувствовалъ и надежду, и страхъ; мнѣ пришло въ голову, что вчерашніе рыбаки пожалѣли о своей жестокости и возвращались, чтобы помочь мнѣ. Но я не могъ бы вторично перенести разочарованіе, подобное вчерашнему. Поэтому я повернулся спиной къ морю и не оглядывался, пока

не сосчиталъ нѣсколько сотъ. Лодка попрежнему направлялась къ острову. Я еще разъ отвернулся и, какъ могъ медленнѣе, сосчиталъ до тысячи, между тѣмъ какъ сердце мое болѣзненно билось. На этотъ разъ стало очевидно, что она направлялась прямо на Иррайдъ!

Я дольше не могъ удерживаться и побѣжалъ на берегъ, а потомъ въ воду, прыгая со скалы на скалу, пока можно было итти. Я не утонулъ какимъ-то чудомъ; когда пришлось, наконецъ, остановиться, ноги мои дрожали, а ротъ былъ такъ сухъ, что я долженъ былъ смочить его морской водой, прежде чѣмъ закричать.

Теперь, когда лодка приближалась, я могъ разглядѣть, что это та же самая, съ тѣми же двумя рыбаками, что и вчера. Я узналъ ихъ по волосамъ, которые у одного были свѣтло-бѣлокурые, а у другого черные. Но теперь съ ними былъ третій человѣкъ, который казался принадлежащимъ къ другому классу.

Какъ только они подошли на разстояніе, позволяющее намъ разговаривать, то спустили парусъ и остановились. Несмотря на мои мольбы, они не подходили ближе, и меня болѣе всего испугало то, что новый незнакомецъ громко смѣялся, глядя на меня.

Затѣмъ онъ всталъ въ лодкѣ и говорилъ долго и быстро, сильно жестикулируя. Я сказалъ, что не понимаю по-гэльски, но онъ такъ разсердился, что я началъ подозрѣвать, не воображаетъ ли онъ, что говоритъ по-англійски. Прислушиваясь внимательнѣе, я поймалъ слова «какой бы ни», повторенныя нѣсколько разъ; но все остальное говорилось на гэльскомъ нарѣчіи, столь же непонятномъ для меня, какъ греческій или еврейскій языки.

— Какой бы ни,—повторилъ я, чтобы показать ему, что понимаю это слова.

— Да, да, да, да,—сказалъ онъ и взглянулъ на другихъ, какъ будто говоря: «Я говорилъ вамъ, что говорю по-англійски», и снова попрежнему продолжалъ по-гэльски.

На этотъ разъ я поймалъ другое слово: «отливъ». Тогда у меня явилась искра надежды. Я вспомнилъ, что онъ все показывалъ рукой на главную часть Росса.

— Вы хотите сказать, что когда будетъ отливъ?..—закричалъ я и не могъ кончить.

— Да, да,—сказалъ онъ,—отливъ.

При этихъ словахъ я повернулся спиной къ ихъ лодкѣ (гдѣ мой собесѣдникъ снова началъ хихикать), вернулся опять на берегъ, прыгая съ камня на камень, и пустился бѣжать по острову, какъ никогда прежде не бѣгалъ. Черезъ полчаса я вышелъ на берегъ излучины; дѣйствительно, она обратилась въ небольшую лужу, которую я перешелъ, замочивъ ноги не выше колѣнъ, и прибылъ съ радостнымъ крикомъ на главный островъ.

Человѣкъ, выросшій у моря, и сутокъ не оставался бы на Иррайдѣ, который не болѣе, какъ такъ называемый «приливный островъ». Два раза въ сутки можно переходить съ него на Россъ и обратно или по совсѣмъ сухому дну, или, въ крайнемъ случаѣ, замочивъ только ноги. Даже я, видѣвшій воду убывающей и прибывающей въ бухтѣ и ждавшій отлива, чтобы удобнѣе доставать раковины, даже я скоро бы понялъ секретъ и спасся бы, если бы посидѣлъ и подумалъ, а не злился на свою судьбу. Неудивительно, что рыбаки не поняли меня. Удивительно то, что они вообще догадались о моемъ жалкомъ положеніи и побезпокоились вернуться. Я страдалъ на этомъ островѣ отъ голода и холода почти сто часовъ. Если бы не рыбаки, я могъ умереть тамъ по своей глупости. Но даже и теперь я заплатилъ за нее довольно дорого не только прошедшими страданіями, но и настоящимъ положеніемъ: я былъ одѣтъ, какъ нищій, едва ходилъ и очень страдалъ отъ боли въ горлѣ.

Мнѣ приходилось встрѣчать много какъ злыхъ, такъ и глупыхъ людей, и я увѣренъ, что въ концѣ концовъ и тѣ, и другіе расплачиваются за свои поступки, но только дураки гораздо раньше.

XV. «Мальчикъ съ серебряной пуговицей». По острову Муллю.

Часть о-ва Мулля, называемая Россъ, на которую я теперь попалъ, была такой же скалистой, безъ слѣдовъ обитаемости мѣстностью, какъ и островъ, только что покинутый мною; она вся состояла изъ болота, терновника и большихъ камней. Можетъ быть, и существовали дороги для тѣхъ, кто хорошо зналъ мѣстность, я же могъ руководствоваться только собственнымъ чутьемъ и вершиной Бенъ-Мора.

Я старался направиться на тотъ дымъ, который такъ часто видѣлъ съ острова, и, несмотря на усталость и трудность пути,

дошелъ до домика на концѣ небольшой впадины часовъ въ пять или шесть утра. Это былъ низкій и длинный домъ изъ нетесаннаго камня и крытый дерномъ. На валу противъ дома сидѣлъ на солнцѣ старикъ и курилъ трубку.

Съ помощью нѣсколькихъ англійскихъ словъ, которыя зналъ старикъ, онъ объяснилъ мнѣ, что мои товарищи по плаванію благополучно пристали къ берегу и на слѣдующій день закусывали въ этомъ самомъ домѣ.

— Былъ съ ними человѣкъ, одѣтый джентльмэномъ?—спросилъ я.

Онъ сказалъ, что на всѣхъ были грубые плащи, но что дѣйствительно у одного изъ нихъ, пришедшаго первымъ, были короткія панталоны и чулки, тогда какъ у другихъ матросскіе брюки.

— А была на немъ шляпа съ перьями?—спросилъ я.

Старикъ отвѣчалъ, что шляпы не было, и человѣкъ этотъ пришелъ съ непокрытой головой, какъ и я.

Сперва мнѣ пришло въ голову, что Аланъ потерялъ свою шляпу, но потомъ я перемѣнилъ мнѣніе и рѣшилъ, что, во избѣжаніе опасности, онъ вѣрно пряталъ ее подъ плащемъ. Я улыбнулся, во-первыхъ, потому, что другъ мой былъ невредимъ, а отчасти отъ воспоминанія о его тщеславіи по отношенію къ одеждѣ.

Тогда старый джентльмэнъ ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ, что я, вѣроятно, «мальчикъ съ серебряной пуговицей».

— Да,—отвѣчалъ я не безъ удивленія.

— Хорошо,—продолжалъ старый джентльмэнъ,—мнѣ поручено передать вамъ, чтобы вы слѣдовали за вашимъ другомъ въ его страну чрезъ Торосэй.

Затѣмъ онъ спросилъ о моихъ приключеніяхъ, и я разсказалъ ему свою исторію. Южанинъ, навѣрно, разсмѣялся бы, но этотъ старый джентльмэнъ (я называю его такъ по его манерамъ, такъ какъ одежда его была въ лохмотьяхъ) выслушалъ все съ серьезнымъ и сострадательнымъ видомъ. Когда я кончилъ, онъ взялъ меня за руку, повелъ въ хижину (домъ его былъ не лучше хижины) и представилъ меня своей женѣ, точно она была королевой, а я герцогомъ.

Эта добрая женщина поставила передо мной овсяный хлѣбъ

и холоднаго тетерева, все время улыбаясь и похлопывая меня по плечу (по англійски она не говорила), а старый джентльмэнъ, не желая отстать отъ нея, сварилъ мнѣ крѣпкій пуншъ изъ мѣстнаго спирта. Все время, пока я ѣлъ, а затѣмъ пилъ пуншъ, я едва вѣрилъ своему счастью; домъ этотъ, хотя и полный торфяного дыма и дырявый, какъ рѣшето, казался мнѣ дворцомъ.

Пуншъ вызвалъ у меня сильную испарину, послѣ чего я крѣпко заснулъ; добрые люди уложили меня, и только на слѣ-

На валу сидѣлъ старикъ и курилъ...

дующій день около двѣнадцати пополудни я отправился въ путь съ значительно поправившимся горломъ.

Настроеніе мое тоже сильно улучшилось отъ здоровой пищи и хорошихъ извѣстій. Какъ я ни настаивалъ, старый джентльмэнъ не взялъ денегъ и даже подарилъ мнѣ старый колпакъ на голову. При этомъ я долженъ сознаться, что, едва потерявъ домъ изъ виду, я тщательно выстиралъ его подарокъ въ придорожномъ ручьѣ.

Я подумалъ: «Если всѣ дикіе гайлэндеры таковы, то я желалъ бы, чтобы мой народъ былъ еще болѣе дикимъ».

Я не только поздно вышелъ, но, вѣроятно, и часто сбивался съ пути. Я встрѣчалъ много народу: одни воздѣлывали маленькія безплодныя поля, неспособныя прокормить и кошку, другіе пасли маленькихъ коровъ, ростомъ не больше ословъ. Такъ какъ шотландскій горный костюмъ былъ запрещенъ закономъ со времени возстанія и народъ долженъ былъ носить нелюбимую имъ одежду лоулэндеровъ *), то я поражался разнообразіемъ и странностью костюмовъ. Нѣкоторые ходили голыми, въ пальто или плащяхъ и носили брюки на спинѣ, какъ ненужное бремя; другіе, желая подражать тартану, сшили плащи изъ разноцвѣтныхъ полосъ, какъ старушечьи одѣяла; третьи попрежнему щеголяли въ шотландской юбкѣ, но при помощи нѣсколькихъ стежковъ превращали ее въ пару короткихъ панталонъ, какъ у голландцевъ. Все это было запрещено и преслѣдовалось, причемъ законъ примѣнялся строго, въ надеждѣ уничтожить духъ клановъ. Но здѣсь, на этомъ отдаленномъ островѣ, меньше обращалось на это вниманія за отсутствіемъ доносчиковъ.

Народъ жилъ въ глубокой нищетѣ, что было вполнѣ понятно съ тѣхъ поръ, какъ грабежи были уничтожены, а предводители не держали больше открытаго стола. Дороги (даже такая извилистая, проселочная дорога, какъ та, по которой я шелъ) были усѣяны нищими. И здѣсь опять я замѣтилъ разницу между моей родиной и этой страной. Наши нищіе, даже профессіональные, патентованные нищіе, были мужиковатый, льстивый народъ, и если вы давали имъ плэкъ **) и спрашивали сдачи, они очень вѣжливо возвращали вамъ боддло ***). Но эти гайлэндеры сохраняли собственное достоинство, просили милостыню только на покупку нюхательнаго табаку (какъ они увѣряли) и не давали сдачи.

Разумѣется, это меня не касалось и только развлекало меня по дорогѣ. Гораздо важнѣе было то, что очень немногіе говорили по-англійски, да и эти немногіе (если только они не принадлежали къ нашей братіи) не особенно стремились предоставить свои знанія въ мое распоряженіе. Я зналъ, что мѣсто моего назначенія Торосэй, и повторялъ имъ это названіе, и указывалъ рукой; но вмѣсто того, чтобы просто указать мнѣ, они начинали разглагольствованія на гэльскомъ нарѣчіи, доводившія меня до оду-

---

*) Лоулэндеры—жители южной низменной Шотландіи.

) и *) Плэкъ и боддло—мелкія монеты въ Шотландіи.

рѣнія, и потому немудрено, что я такъ же часто терялъ направленіе, какъ и держался его.

Наконецъ, около восьми часовъ вечера я, очень усталый, дошелъ до уединеннаго дома и попросилъ впустить меня, но получилъ отказъ, пока не догадался о власти денегъ въ такой бѣдной странѣ, и не показалъ одну изъ моихъ гиней между указательнымъ и большимъ пальцами. Послѣ этого владѣлецъ дома, который раньше увѣрялъ, что не говоритъ по-англійски и знаками гналъ меня отъ своей двери, вдругъ заговорилъ совершенно понятно и согласился за пять шиллинговъ дать мнѣ пріютъ на ночь и проводить на слѣдующій день до Торосэя.

Эту ночь я спалъ безпокойно, боясь, чтобы меня не ограбили; но тревога моя была напрасна: мой хозяинъ не былъ разбойникомъ, а только большимъ плутомъ, жившимъ въ страшной бѣдности. Но и сосѣди его были не богаче, такъ что на слѣдующее утро намъ пришлось итти пять миль къ одному «богачу» (какъ выражался мой товарищъ), чтобы размѣнять одну изъ моихъ гиней. Можетъ быть, онъ и былъ богачемъ въ Муллѣ, но на югѣ его, навѣрное, не сочли бы таковымъ, такъ какъ для того, чтобы набрать двадцать шиллинговъ серебромъ, ему пришлось отдать всѣ наличныя деньги, обшарить весь домъ и еще призанять у сосѣда. Остающійся шиллингъ онъ оставилъ себѣ, увѣряя, что не въ состояніи обойтись безъ мелочи, такъ какъ такую крупную монету не скоро размѣняешь. Несмотря на это, онъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, пригласивъ насъ обоихъ отобѣдать съ его семьей, и въ прекрасной фарфоровой чашкѣ сварилъ пуншъ, послѣ котораго мой плутоватый проводникъ такъ развеселился, что отказался итти дальше.

Я сталъ сердиться и обратился за помощью къ богачу (его звали Гекторъ Маклинъ) въ присутствіи котораго я уговаривался и заплатилъ пять шиллинговъ. Но Маклинъ, также выпившій, клялся, что ни одинъ джентльмэнъ не долженъ уходить изъ-за стола послѣ того, какъ сваренъ пуншъ. Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ сидѣть и слушать якобитскіе тосты и гэльскія пѣсни, пока всѣ не перепились и не побрели, спотыкаясь, на ночлегъ, кто къ постелямъ, а кто на гумно.

На слѣдующій день (четвертый день моего путешествія) мы поднялись, когда еще не было пяти часовъ; но мой плутоватый проводникъ сейчасъ же принялся за бутылку, и я цѣлыхъ три

часа не могъ вытащить его изъ дому, да и это (какъ увидите) повлекло за собой новую неудачу.

Пока мы спускались въ поросшую верескомъ долину передъ домомъ м-ра Маклина, все шло хорошо, хотя проводникъ постоянно оглядывался и на мои разспросы только скалилъ зубы. Но не успѣли мы обогнуть холмъ и потерять изъ виду домъ, какъ онъ объявилъ, что Торосэй находится прямо передо мной и что мнѣ надо направляться все время на холмъ, который онъ мнѣ указалъ.

— Мнѣ это совершенно не нужно,—сказалъ я,—такъ какъ вы идете со мной.

Но безсовѣстный плутъ отвѣчалъ по гэльски, что не понимаетъ англійскаго языка.

— Ну, любезный,—сказалъ я,—я прекрасно знаю, что ваши познанія въ англійскомъ пропадаютъ и снова возвращаются. Скажите, что нужно сдѣлать, чтобы вернуть ихъ? Вамъ надо еще заплатить?

— Еще пять шиллинговъ,—сказалъ онъ,—и я доведу васъ.

Подумавъ немного, я предложилъ ему два, на что онъ немедленно согласился, но потребовалъ впередъ—«на счастье», говорилъ онъ, но я думаю, что скорѣе на мое несчастье.

Два шиллинга дѣйствовали недолго: не пройдя и двухъ миль, онъ усѣлся около дороги и снялъ башмаки, какъ человѣкъ, собравшійся отдыхать.

Я взбѣсился.

— А,—сказалъ я,—вы опять не понимаете по-англійски?

Онъ нагло отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Тутъ я вышелъ изъ себя, поднялъ руку и хотѣлъ ударить его. Онъ же, вытащивъ изъ своихъ лохмотьевъ ножъ, откинулся назадъ и оскалилъ зубы, какъ дикая кошка. Забывъ все на свѣтѣ, я бросился на него, лѣвой рукой оттолкнулъ ножъ, а правой ударилъ его по лицу. Я былъ сильный малый и притомъ крайне взбѣшенъ, а мой противникъ—небольшого роста, поэтому онъ тяжело упалъ на землю. Къ счастью, ножъ выпалъ у него изъ рукъ во время паденія.

Я поднялъ ножъ и башмаки, пожелалъ ему всего хорошаго и продолжалъ путь, оставивъ его безоружнымъ и босымъ. Я весело подвигался, увѣренный по многимъ причинамъ, что покончилъ

съ этимъ мошенникомъ. Во-первыхъ, онъ зналъ, что больше не получитъ отъ меня денегъ; во-вторыхъ, башмаки въ этой странѣ стоили только нѣсколько пенсовъ; въ-третьихъ, ножъ свой, который на самомъ дѣлѣ былъ кинжаломъ, онъ носилъ противозаконно.

Черезъ полчаса я нагналъ высокаго человѣка въ лохмотьяхъ, шедшаго довольно быстро, но ощупывавшаго дорогу палкой. Это былъ слѣпой, отрекомендовавшійся законоучителемъ, что должно было бы успокоить меня. Однако, мрачное, зловѣщее выраженіе его лица не понравилось мнѣ, а когда я пошелъ съ нимъ рядомъ, я увидѣлъ, что изъ-подъ лацкана его кармана выглядываетъ стальной прикладъ пистолета. За ношеніе такого предмета полагался штрафъ въ пятнадцать фунтовъ стерлинговъ на первый разъ и высылка въ колоніи на второй. Я не могъ понять, зачѣмъ законоучителю ходить вооруженнымъ и на что слѣпому пистолетъ.

Я разсказалъ ему про своего проводника, такъ какъ гордился своимъ поступкомъ, и тщеславіе въ этомъ случаѣ пересилило осторожность. При упоминаніи о пяти шиллингахъ онъ такъ громко возмутился, что я рѣшилъ лучше не упоминать о двухъ другихъ и радовался, что онъ не видитъ моего сконфуженнаго лица.

— Я далъ слишкомъ много?—спросилъ я, немного запинаясь.

— Слишкомъ много!—воскликнулъ онъ.—Да я охотно самъ провожу васъ до Торосэя за рюмку водки, и за ту же цѣну вы будете наслаждаться обществомъ довольно образованнаго человѣка.

Я сказалъ, что не понимаю, какъ слѣпой можетъ служить проводникомъ; но на эти слова онъ громко разсмѣялся и отвѣтилъ, что при помощи палки онъ видитъ не хуже орла.

— По крайней мѣрѣ на островѣ Муллѣ,—прибавилъ онъ,—гдѣ мнѣ знакомы каждый камень и каждый кустъ вереска. Смотрите,—сказалъ онъ, помахивая палкой направо и налѣво,—тамъ внизу течетъ рѣчка, а выше ея небольшой холмикъ, на вершинѣ котораго лежитъ камень. Почти у подошвы холма проходитъ путь въ Торосэй; эта же дорога предназначается для скота, а потому такъ утоптана и вьется зеленой лентой среди вереска.

Я долженъ былъ сознаться, что все совершенно вѣрно, и высказалъ свое удивленіе.

— О,—сказалъ онъ,—это еще что! Повѣрите ли, что когда до опубликованія акта здѣсь еще можно было носить оружіе, я могъ даже стрѣлять?.. А, могъ!—воскликнулъ онъ, затѣмъ взглянувъ искоса, прибавилъ:—Еслибъ у васъ былъ съ собой пистолетъ, я бы показалъ вамъ свое умѣнье.

Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ оружія, и отошелъ отъ него подальше. Еслибъ онъ только зналъ, что въ это время изъ его кармана ясно виднѣлся пистолетъ и на рукояткѣ его играли лучи солнца! Но, на мое счастье, онъ не зналъ этого, думалъ, что все скрыто, и продолжалъ лгать.

Вскорѣ онъ началъ хитро выспрашивать, откуда я иду и богатъ ли, и могу ли я размѣнять ему пять шиллинговъ (увѣряя, что они лежатъ у него въ кошелькѣ), и все время старался подойти ко мнѣ, тогда какъ я держался отъ него подальше. Мы теперь шли поочередно, какъ въ хороводѣ, переходя съ одной стороны на другую, по зеленой скотопрогонной дорогѣ, пересѣкавшей холмы по направленію къ Торосэю. Я такъ ясно сознавалъ свое превосходство, что былъ въ прекрасномъ настроеніи и находилъ удовольствіе въ этой игрѣ въ жмурки; но законоучитель сердился все болѣе и болѣе, и наконецъ, началъ ругаться по-гэльски и старался палкой ударить меня по ногамъ.

Тогда я объявилъ ему, что и у меня также въ карманѣ пистолетъ и что если онъ не пойдетъ черезъ холмъ прямо на югъ, я размозжу ему голову.

Онъ сразу сталъ очень нѣжнымъ и нѣкоторое время тщетно пытался смягчить меня. Наконецъ, онъ выругалъ меня по гэльски и убрался прочь. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ, ощупывая дорогу палкой, шагалъ черезъ болото и терновники и, обогнувъ холмъ, исчезъ въ ближайшей ложбинѣ. Затѣмъ я продолжалъ путь по направленію къ Торосэю, довольный, что путешествую одинъ, а не съ этимъ ученымъ мужемъ. То былъ несчастный день, и два человѣка, отъ которыхъ я только что отдѣлался, были самыми худшими изъ встрѣченныхъ мною въ горной Шотландіи.

Въ Торосэѣ, на Мулльскомъ проливѣ, фасадомъ къ Морвену стояла гостиница, хозяинъ которой происходилъ изъ рода Маклиновъ, какъ кажется, очень знатнаго. Содержаніе гостиницы

Я нагналъ человѣка, ощупывавшаго дорогу палкой...

въ Гайлэндѣ считается еще болѣе почетнымъ занятіемъ, чѣмъ у насъ, потому ли, что съ нимъ связано понятіе о гостепріимствѣ, или потому, что праздный и пьяный образъ жизни считается

приличнымъ джентльмэну. Хозяинъ хорошо говорилъ по-англійски и, узнавъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ словесникъ, проэкзаменовалъ меня сперва по-французскому языку, въ которомъ легко побилъ, а затѣмъ по-латинскому, въ которомъ мы оказались почти равносильными. Это веселое соревнованіе сразу поставило насъ въ дружескія отношенія; я сидѣлъ и пилъ съ нимъ пуншъ (вѣрнѣе смотрѣлъ, какъ онъ пилъ), пока онъ, подъ вліяніемъ вина, не сталъ рыдать на моемъ плечѣ.

Я будто случайно попробовалъ показать ему пуговицу Алана; но было ясно, что онъ не только никогда ея не видалъ, но и не слышалъ о ней. Онъ питалъ нѣкоторое нерасположеніе къ семьѣ и друзьямъ Ардшиля и, пока не былъ пьянъ, прочелъ мнѣ пасквиль на прекрасномъ латинскомъ языкѣ (но весьма дурного содержанія), написанный имъ элегическими стихами на одного изъ членовъ этого дома.

Когда я разсказалъ ему про законоучителя, онъ покачалъ головой и сказалъ, что я счастливо отдѣлался.

— Это очень опасный человѣкъ,—прибавилъ онъ,—его зовутъ Дункапъ Макэй. Онъ по слуху можетъ стрѣлять на нѣсколько ярдовъ. Его часто обвиняли въ грабежахъ на большой дорогѣ и разъ даже въ убійствѣ.

— Лучше всего то, что онъ выдаетъ себя за законоучителя,—сказалъ я.

— А отчего бы ему не говорить этого,—отвѣчалъ онъ,—когда онъ дѣйствительно законоучитель? Маклинъ изъ Дюарта далъ ему это званіе изъ состраданія къ его слѣпотѣ. Но, пожалуй, это было неосторожно, такъ какъ теперь подъ предлогомъ обученія юношества Закону Божію, онъ вѣчно бродитъ по большимъ дорогамъ, а это, безъ сомнѣнія, большое искушеніе для бѣдняка.

Наконецъ, хозяинъ, не будучи болѣе въ состояніи пить, указалъ мнѣ постель, на которую я улегся въ прекрасномъ расположеніи духа: безъ особенной усталости я прошелъ въ четыре дня значительную часть большого и извилистаго острова Мулль отъ Иррайда до Торосэя (что по прямому пути составляетъ пятьдесятъ миль, а съ моими скитаніями около ста). Въ концѣ этого длиннаго путешествія я даже чувствовалъ себя гораздо бодрѣе духовно и тѣлесно, чѣмъ при началѣ его.

XVI. «Мальчикъ съ серебряной пуговицей». По Морвену.

Отъ Торосэя до Кинлохалина на другомъ берегу существуетъ правильное сообщеніе на паромѣ. Оба берега пролива принадлежали сильному клану Маклиновъ, и почти всѣ переѣзжавшіе со мной на паромѣ были изъ того же клана. Шкипера же барки звали Нэйль Рой Макробъ; а такъ какъ это было одно изъ именъ клана Алана Брека, который самъ послалъ меня къ этому перевозу, мнѣ очень хотѣлось поскорѣй говорить наединѣ съ Нэйлемъ Рой.

На переполненной народомъ баркѣ это было, конечно, невозможно, а переправа совершалась очень медленно: вѣтра не было, а грести можно было только двумя веслами съ одной стороны и однимъ весломъ съ другой, такъ какъ барка была плохо снаряжена. Перевозчики охотно позволяли пассажирамъ поочереди помогать имъ, и вся компанія проводила время за пѣніемъ гэльскихъ пѣсенъ. Эти пѣсни, морской воздухъ, добродушіе и хорошее настроеніе присутствовавшихъ, прекрасная погода—все это дѣлало переходъ очень пріятнымъ.

Впрочемъ, не обошлось безъ печальнаго зрѣлища. Въ устьѣ Лохъ-Алина стояло на якорѣ морское судно. Сначала я предположилъ, что это одинъ изъ королевскихъ крейсеровъ, наблюдавшихъ зиму и лѣто за этимъ берегомъ, чтобы препятствовать сношеніямъ съ Франціей. Но когда мы подошли ближе, стало яснымъ, что это торговое судно. Особенно меня поразило, что не только палуба, но и весь берегъ чернѣлъ народомъ, а по морю безпрестанно сновали шлюпки. Подойдя ближе, мы услышали громкія рыданія и душу раздирающій плачъ.

Тутъ я понялъ, что это переселенческое судно, направляющееся въ американскія колоніи.

Когда мы подошли на нашей баркѣ къ борту судна, изгнанники стали нагибаться черезъ бульварки, плача и простирая руки къ моимъ спутникамъ, среди которыхъ находились ихъ близкіе друзья. Я не могу сказать, долго-ли это продолжалось, такъ какъ всѣ утратили понятіе о времени. Но капитанъ судна, который, казалось, совсѣмъ потерялъ голову (и немудрено) отъ этого плача и сумятицы, наконецъ, подошелъ къ намъ и попросилъ насъ уѣхать.

Тогда Нэйль отплылъ, главный пѣвецъ на баркѣ затянулъ меланхоличную пѣснь, подхваченную немедленно какъ эмигрантами, такъ и ихъ товарищами на берегу; пѣсня раздавалась отовсюду, точно плачъ по умирающимъ. Я видѣлъ, какъ слезы текли по щекамъ мужчинъ и женщинъ на баркѣ, даже у гребцовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, а также мотивъ пѣсни глубоко трогало даже меня.

Въ Кинлохалинѣ я отозвалъ Нэйля на берегъ и спросилъ, не принадлежитъ ли онъ къ аппинцамъ.

— Да; что жъ изъ этого?—отвѣчалъ онъ.

— Я ищу одного человѣка,—сказалъ я,—и думаю, что вы имѣете о немъ свѣдѣнія. Его зовутъ Аланъ Брекъ.—И вмѣсто того, чтобы показать ему пуговицу, я очень глупо захотѣлъ сунуть ему въ руку шиллингъ.

Онъ отступилъ.

— Вы меня оскорбляете,—сказалъ онъ;—не такъ слѣдуетъ джентльмену поступать съ другимъ джентльменомъ. Человѣкъ, котораго вы ищете, теперь во Франціи; но еслибъ онъ даже былъ въ моемъ карманѣ, а вы представляли бы изъ себя мѣшокъ съ шиллингами, я не тронулъ бы волоса на его головѣ.

Я увидѣлъ, что пошелъ ложнымъ путемъ, и, не теряя времени на извиненія, показалъ ему пуговицу.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Нэйль,—мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало начать съ этого конца. Если вы «мальчикъ съ серебряной пуговицей», то и ладно, такъ какъ мнѣ поручено препроводить васъ до мѣста. Но если позволите быть откровеннымъ,—сказалъ онъ,—вамъ никогда не слѣдуетъ упоминать имени Алана Брека, а также не слѣдуетъ предлагать денегъ гайлэндскому джентльмену.

Мнѣ было очень трудно найти извиненія; вѣдь не могъ же я сказать ему (а это было правдой), что, пока онъ не назвалъ себя джентльменомъ, мнѣ этого и въ голову не могло притти. Нэйль, съ своей стороны, не имѣлъ желанія продолжать со мной разговоръ; онъ только хотѣлъ исполнить данныя ему приказанія и покончить со мной. Поэтому онъ торопился познакомить меня съ моимъ маршрутомъ: я долженъ былъ ночевать на кинлохалинскомъ постояломъ дворѣ, на слѣдующій день пройти по Морвену до Ардгура и провести ночь въ домѣ Джона Клайморскаго, предупрежденнаго объ этомъ; на третій день—переправиться чрезъ

одинъ лохъ *) у Коррана и чрезъ другой у Балахулиша, а затѣмъ спросить дорогу къ дому Джэмса Глэнскаго въ Аухарнѣ, въ Аппинскомъ Дюрорѣ. Какъ видите, мнѣ часто приходилось переправляться, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ море глубоко врѣзывается въ скалы и извивается вокругъ нихъ. Страну эту легко защищать и трудно по ней путешествовать, и вся она представляетъ много дикихъ и мрачныхъ видовъ.

Нэйль далъ мнѣ еще нѣсколько совѣтовъ: не говорить ни съ кѣмъ по дорогѣ, избѣгать виговъ, Кемпбеллей и «красныхъ солдатъ», сходить съ дороги и прятаться въ кусты, если увижу, что приближается одинъ изъ послѣднихъ, потому что встрѣча съ ними никогда не вела къ добру,—короче, онъ совѣтовалъ мнѣ вести себя, какъ подобаетъ разбойнику или якобитскому агенту, за каковаго меня, вѣроятно, и принималъ.

Кинлохалинская гостиница была похожа на отвратительный свиной хлѣвъ, полный дыму, нечистотъ и молчаливыхъ горцевъ. Я былъ очень недоволенъ не только помѣщеніемъ, но и самимъ собой за дурное обращеніе съ Нэйлемъ. Я думалъ, что хуже и быть ничего не могло, но ошибался и вскорѣ убѣдился въ этомъ. Не прошло и получаса съ тѣхъ поръ, какъ я находился въ гостиницѣ (стоя все время въ дверяхъ, такъ какъ торфяной дымъ ѣлъ мнѣ глаза), какъ вдругъ вблизи разразилась буря, по холму, гдѣ стояла гостиница, потекли ручьи, проникли въ домъ и половину комнаты превратили въ потокъ. Въ тѣ времена постоялые дворы были довольно плохи во всей Шотландіи; но все же я не могъ не изумиться, когда мнѣ отъ очага до постели пришлось итти по ступицу въ водѣ.

Утромъ на слѣдующій день я нагналъ маленькаго, полнаго человѣчка, шедшаго очень медленно съ торжественнымъ видомъ и выворачивая носки; по временамъ онъ читалъ книгу, отмѣчая что-то ногтемъ, и одеждой своей напоминалъ лицо духовнаго званія.

Оказалось, что это тоже законоучитель, но совершенная противоположность слѣпому изъ Мулля: онъ былъ посланъ Эдинбургскимъ обществомъ для распространенія христіанства проповѣдывать Евангеліе въ наиболѣе дикихъ мѣстахъ горной Шотландіи. Его звали Гендерлэндомъ. Говорилъ онъ съ тѣмъ на-

---

*) Лохами называются въ Шотландіи морскіе заливы, глубоко вдающіеся въ сушу и образующіе какъ бы озера.

стоящимъ южнымъ акцентомъ, о которомъ я начиналъ скучать. Вскорѣ мы, кромѣ общей отчизны, нашли и другой общій интересъ. Мой хорошій другъ, иссендинскій священникъ, въ свободное время перевелъ на гэльское нарѣчіе нѣсколько гимновъ и религіозныхъ книгъ, которыми пользовался Гендерлэндъ, отзываясь съ глубокимъ уваженіемъ о переводчикѣ. Одну изъ этихъ книгъ онъ несъ съ собой и читалъ ее по дорогѣ.

Мы сразу же пошли вмѣстѣ, такъ какъ до Кингайрлоха дорога у насъ была общая. По пути онъ останавливался и разговаривалъ со всѣми встрѣчными и обгонявшими насъ путешественниками и рабочими. Хотя я не могъ понять ихъ разговора, мнѣ казалось, что м-ръ Гендерлэндъ любимъ въ этой странѣ, такъ какъ видѣлъ, что многіе вынимали свои табакерки и предлагали ему щепотку табаку...

О своихъ дѣлахъ я разсказывалъ только то, что считалъ благоразумнымъ, т. е. все, что не касалось Алана; сказалъ ему, что иду въ Балахулишъ, гдѣ долженъ встрѣтиться съ другомъ, такъ какъ думалъ, что Аухарнъ или даже Дюроръ были слишкомъ точными указаніями.

Онъ съ своей стороны много разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣлѣ и о народѣ, среди котораго ему приходилось работать, о скрывающихся священникахъ и якобитахъ, объ актѣ о разоруженіи, объ одеждѣ и другихъ любопытныхъ явленіяхъ того мѣста и времени. Онъ казался умѣреннымъ: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ осуждалъ парламентъ, въ особенности за то, что въ актѣ строже преслѣдовались носящіе національную одежду, чѣмъ оружіе.

Его умѣренность навела меня на мысль разспросить его о Красной Лисицѣ и объ аппинскихъ фермерахъ; я думалъ, что эти вопросы покажутся совершенно естественными въ устахъ человѣка, направляющагося въ эту страну.

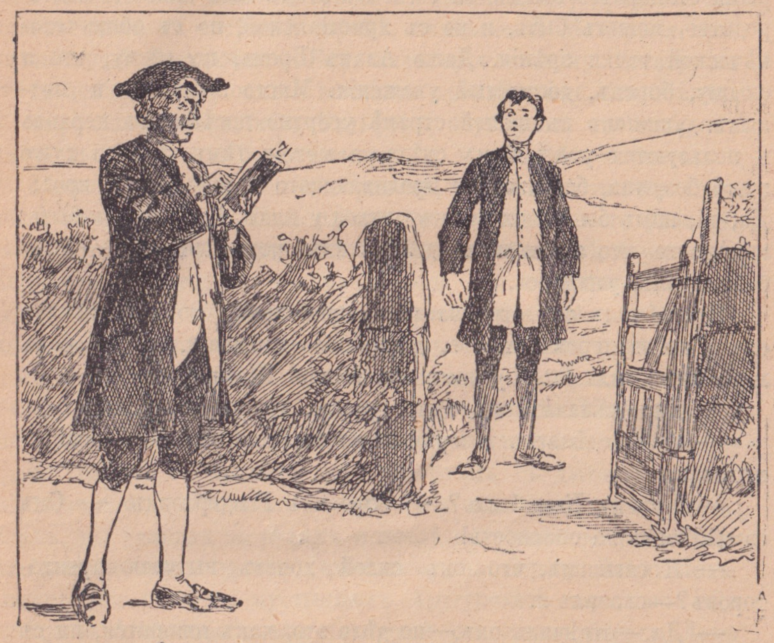
Онъ отвѣчалъ, что это скверная исторія.

— Просто удивительно,—говорилъ онъ,—откуда эти несчастные берутъ деньги, тогда какъ сами умираютъ отъ голода. У васъ нѣтъ съ собой табаку, м-ръ Бальфуръ? Нѣтъ? Прекрасно, я обойдусь безъ него. Но, безъ сомнѣнія, этихъ фермеровъ отчасти принуждаютъ. Джэмсъ Стюартъ Дюроръ (его называютъ Джэмсъ Глэнскій)—единокровный братъ Ардшиля, начальника клана. Онъ пользуется большимъ значеніемъ и сильно вліяетъ

на фермеровъ. А потомъ есть еще другой, по имени Аланъ Брекъ.

— О,—воскликнулъ я,—а этотъ что?

— Что можно сказать о перелетномъ вѣтрѣ? — сказалъ Гендерлэндъ.—Онъ то здѣсь, то тамъ; сегодня тутъ, а завтра уѣхалъ. Ловкій малый! Я бы нисколько не удивился, если бы онъ

Онъ читалъ книгу, отмѣчая что-то ногтемъ...

выглянулъ сейчасъ изъ-за того куста дрока! Вы не носите съ собой табаку, а?

Я отвѣчалъ, что не ношу и что онъ уже не разъ спрашивалъ меня объ этомъ.

— Очень возможно, — сказалъ онъ, вздыхая. — Но это мнѣ кажется страннымъ. Итакъ, какъ я говорилъ вамъ, этотъ Аланъ Брекъ—смѣлый, отчаянный контрабандистъ и правая рука Джэмса. Онъ уже осужденъ и ему теперь все нипочемъ. Очень вѣроятно, что если бы одинъ изъ фермеровъ сталъ отказываться, онъ проткнулъ бы его кинжаломъ.

— Вы выставляете все въ очень некрасивомъ видѣ, м-ръ Гендерлэндъ, — сказалъ я. — Если съ обѣихъ сторонъ дѣйствуетъ одинъ только страхъ, то не хотѣлось бы и слушать объ этомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ м-ръ Гендерлэндъ, — здѣсь, кромѣ страха, играетъ роль и любовь, и самоотреченіе, предъ которыми становится стыдно за себя. Въ этомъ есть какое-то благородство, можетъ быть, и не съ христіанской, но съ обще-человѣческой точки зрѣнія. Даже Аланъ Брекъ, по всему, что я слышу, борецъ, достойный уваженія. Много лживыхъ и подлыхъ душонокъ въ нашей странѣ усердно посѣщаютъ церковь и пользуются уваженіемъ свѣта, а между тѣмъ гораздо хуже этого безумца, безразсудно проливающаго человѣческую кровь. Да, да, намъ бы слѣдовало поучиться у нихъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что я слишкомъ долго жилъ среди горцевъ? — прибавилъ онъ, улыбаясь.

Я отвѣчалъ ему отрицательно, прибавивъ, что я встрѣчалъ среди гайлэндеровъ многое, достойное удивленія, и что самъ м-ръ Кемпбелль былъ родомъ изъ горной Шотландіи.

— Да,—сказалъ онъ,—это правда, это знатный родъ.

— А что дѣлаетъ теперь королевскій агентъ? — освѣдомился я.

— Колинъ Кемпбелль? — спросилъ Гендерлэндъ. — Онъ самъ лѣзетъ на опасность!

— Я слышалъ, что онъ силой хочетъ выгнать арендаторовъ?—сказалъ я.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—но дѣло это, какъ говорится, ни съ мѣста. Во-первыхъ, Джэмсъ Глэнскій поѣхалъ въ Эдинбургъ и нашелъ тамъ юриста (безъ сомнѣнія, Стюарта—они всѣ стояли другъ за друга), который добился пріостановки выселенія. А затѣмъ Колинъ Кемпбелль снова выигралъ дѣло въ судѣ государственнаго казначейства. Теперь я слышалъ, что первая партія должна отправиться завтра. Выселеніе начнется съ Дюрора, подъ самыми окнами Джэмса, что, по моему скромному пониманію, очень безразсудно.

— Вы думаете, что они станутъ защищаться?—спросилъ я.

— Положимъ, они обезоружены,—сказалъ Гендерлэндъ,— или предполагаются безоружными, потому что еще много холоднаго оружія спрятано въ укромныхъ мѣстахъ. Кромѣ того. Ко-

липъ Кемпбель вытребовалъ солдатъ. И все-таки, будь я на мѣстѣ его жены, я не былъ бы спокоенъ, пока онъ не вернется домой. За этихъ Аппинскихъ Стюартовъ никогда нельзя поручиться.

Я спросилъ, опаснѣе ли они своихъ сосѣдей.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — это-то и скверно, потому, что если Колинъ Рой добьется своего въ Аппинѣ, ему придется начинать снова въ сосѣдней странѣ, называемой Маморъ и принадлежащей Камеронамъ. Ему, какъ королевскому агенту въ этихъ земляхъ, приходится выселять арендаторовъ изъ обѣихъ; и, откровенно говоря, м-ръ Бальфуръ, я увѣренъ, что если онъ на первый разъ и избѣгнетъ смерти, то на второй погибнетъ.

Разговаривая подобнымъ образомъ, мы шли почти весь день, пока, наконецъ, м-ръ Гендерлэндъ не выразилъ своего удовольствія, что провелъ время такъ пріятно въ обществѣ друга м-ра Кемпбелля, «котораго, — сказалъ онъ, — я осмѣлюсь назвать сладкогласнымъ пѣвцомъ нашего духовнаго Сіона», и предложилъ мнѣ сдѣлать небольшой привалъ и провести ночь въ его домѣ, немного въ сторону отъ Кинайрлоха. По правда сказать, я былъ чрезвычайно радъ: у меня не было ни малѣйшаго желанія знакомиться съ Джономъ Клайморомъ, и послѣ двойной неудачи, сперва съ проводникомъ, а затѣмъ съ джентльмэномъ-перевозчикомъ, я немного побаивался незнакомыхъ горцевъ. Итакъ, мы ударили по рукамъ и послѣ полудня подошли къ маленькому домику, одиноко стоявшему на берегу Линни-Лоха. Солнце уже ушло съ пустынныхъ Ардгурскихъ горъ, но еще освѣщало Аппинскія скалы на противоположномъ берегу. Лохъ былъ спокоенъ, какъ озеро, и только чайки кричали вокругъ. И вся мѣстность имѣла странный и торжественный видъ.

Не успѣли мы дойти до двери дома м-ра Гендерлэнда, какъ, къ моему великому удивленію (я успѣлъ привыкнуть къ гайлэндерской вѣжливости) онъ бурно промчался мимо меня, влетѣлъ въ комнату, схватилъ банку и роговую ложечку и началъ набивать свой носъ табакомъ въ самомъ неумѣренномъ количествѣ. Затѣмъ онъ хорошенько прочихался и оглянулся на меня съ довольно глуповатой улыбкой.

— Я далъ обѣтъ,—сказалъ онъ,—что не буду брать съ собой табакъ. Это, разумѣется, большое лишеніе. Но когда я вспоминаю о мученикахъ, не только шотландскихъ, но и въ другихъ

христіанскихъ страпахъ, мнѣ дѣлается стыдно и думать объ этомъ.

Какъ только мы поѣли,—похлебка и сыворотка были лучшими изъ блюдъ добряка,—онъ съ серьезнымъ лицомъ заявилъ, что у него есть обязанности по отношенію къ м-ру Кемпбеллю, а именно освѣдомиться о состояніи моей души. Вспомнивъ случай съ табакомъ, я готовъ былъ улыбнуться, но вскорѣ отъ словъ его на глазахъ у меня выступили слезы. Доброта и скромность — вотъ два качества, которыя никогда не должны бы утомлять человѣка. Мы рѣдко встрѣчаемъ ихъ въ этомъ грубомъ мірѣ, среди холодныхъ и тщеславныхъ людей. Хотя я порядочно заважничалъ послѣ удачнаго исхода моихъ приключеній, но слова м-ра Гендерлэнда, полныя доброты и скромности, вскорѣ заставили меня опуститься на колѣни предъ этимъ простымъ, бѣднымъ старикомъ и радоваться, и гордиться своимъ положеніемъ.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ предложилъ мнѣ на дорогу шесть пенсовъ изъ скудныхъ сбереженій, хранимыхъ въ земляной стѣнѣ его дома, и такой избытокъ доброты привелъ меня въ большое смущеніе. Но онъ такъ настаивалъ, что я счелъ наиболѣе вѣжливымъ исполнить его желаніе, хотя послѣ этого онъ сталъ бѣднѣе меня.

XVII. Смерть Красной Лисицы.

На слѣдующій день м-ръ Гендерлэндъ нашелъ человѣка, владѣльца лодки, который въ этотъ день долженъ былъ для рыбной ловли переплыть Линни-Лохъ къ Аппину. Такъ какъ этотъ человѣкъ принадлежалъ къ его паствѣ Гендерлэндъ убѣдилъ его взять меня, и такимъ образомъ мое путешествіе сократилось на цѣлый день, и я сберегъ деньги, которыя пришлось бы уплатить за переправу на двухъ паромахъ.

Мы отправились около полудня. День былъ темный, небо было покрыто облаками, пробиваясь сквозь которыя солнечные лучи только кое-гдѣ освѣщали землю. Линни-Лохъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень глубокъ и спокоенъ, такъ что я долженъ былъ взять воду въ ротъ чтобы провѣрить, что она дѣйствительно соленая. Со всѣхъ сторонъ поднимались высокія, неровныя, безплодныя скалы, черныя и мрачныя въ тѣни облаковъ, и сере-

бристыя, избороженныя горными потоками, когда ихъ освѣщало солнце. Аппинская страна казалась настолько суровой, что страстная привязанность къ ней Алана была мнѣ непонятна.

Надо упомянуть еще объ одномъ. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда солнце освѣтило небольшой красный двигающійся предметъ вблизи сѣвернаго берега. Его цвѣтъ очень напоминалъ одежду солдатъ. Кромѣ того, на немъ отъ времени до времени что-то блестѣло и искрилось, какъ сталь при солнечномъ свѣтѣ.

Я спросилъ лодочника, что это можетъ быть; онъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, красные солдаты, вызванные изъ форта Вилліама по случаю выселенія бѣдныхъ арендаторовъ Аппина. Сознаюсь, что это зрѣлище опечалило меня. Оттого ли, что я думалъ объ Аланѣ, или отъ какого-то предчувствія, я, только во второй разъ видѣвшій войско короля Георга, не чувствовалъ къ нему особеннаго расположенія.

Наконецъ, мы такъ близко подошли къ берегу у входа въ Лохъ-Левенъ, что я попросилъ высадить меня. Мой лодочникъ (честный малый, помнившій обѣщаніе, данное законоучителю) охотно бы довезъ меня до Балахулиша. Но такъ какъ это отдаляло меня отъ мѣста моего тайнаго назначенія, я настоялъ на своемъ и былъ, наконецъ, высаженъ на берегъ около Леттерморскаго (или Леттеворскаго, мнѣ приходилось слышать и то, и другое) лѣса въ Аппинѣ, родинѣ Алана.

Лѣсъ этотъ, состоявшій изъ березъ, покрывалъ крутой, скалистый склонъ горы, висѣвшей надъ Лохомъ. Въ немъ было много прогалинъ и долинокъ, поросшихъ папоротникомъ, а посреди него съ сѣвера на югъ шла дорога или, вѣрнѣе, тропинка для всадниковъ. У поворота тропинки билъ ключъ, у котораго я усѣлся, чтобы закусить овсянымъ хлѣбомъ м-ра Гендерлэнда и подумать о своемъ положеніи.

Тутъ меня стали безпокоить не только цѣлая стая комаровъ, но также и сомнѣнія, бродившія въ моей головѣ. Какъ слѣдовало мнѣ поступить? Зачѣмъ мнѣ было встрѣчаться въ Аланомъ, уже осужденнымъ и готовымъ совершить убійство? Не благоразумнѣе ли будетъ немедленно совершенно самостоятельно отправиться на югъ? Что подумаютъ обо мнѣ м-ръ Кемпбелль и м-ръ Гендерлэндъ, если когда-нибудь узнаютъ о моемъ

безразсудствѣ и самонадѣянности? Вотъ мысли, которыя сильнѣе чѣмъ когда-либо безпокоили меня.

Пока я сидѣлъ и думалъ, въ лѣсу раздались человѣческіе шаги и топотъ лошадей, и вскорѣ затѣмъ на поворотѣ дороги показались четыре путешественника. Дорога въ этомъ мѣстѣ была такая неровная и узкая, что они шли поодиночкѣ и вели лошадей подъ уздцы. Впереди шелъ высокій рыжеволосый джентльмэнъ съ надменнымъ и краснымъ лицомъ; шляпу свою онъ несъ въ рукахъ и обмахивался ею, такъ какъ задыхался отъ жары. Второго я по черной приличной одеждѣ и бѣлому парику совершенно вѣрно принялъ за юриста. Третій былъ слуга въ одеждѣ изъ клѣтчатой матеріи; это доказывало, что господинъ его—гайлэндеръ или осужденъ закономъ, или, напротивъ, находится въ странно дружескихъ отношеніяхъ съ правительствомъ, такъ какъ ношеніе тартана воспрещалось актомъ. Если бы я больше понималъ въ этомъ дѣлѣ, то замѣтилъ бы на тартанѣ цвѣта Арджейлей (или Кемпбеллей). Къ лошади слуги ремнями былъ привязанъ объемистый чемоданъ, а у луки сѣдла висѣла сѣтка съ лимонами (для пунша); такъ часто ѣздили богатые путешественники въ этой странѣ.

Что же касается четвертаго, замыкавшаго шествіе, то я и прежде встрѣчалъ ему подобныхъ и сейчасъ же призналъ въ немъ чиновника шерифа.

Какъ только я увидѣлъ этихъ людей, то рѣшилъ (не знаю почему), что буду продолжать свои похожденія. Когда первый всадникъ приблизился ко мнѣ, я поднялся съ папоротника и спросилъ у него дорогу въ Аухарнъ.

Онъ остановился и, какъ мнѣ показалось, взглянулъ на меня немного странно. Затѣмъ, оборачиваясь къ стряпчему, сказалъ:

— Мунго, многіе сочли бы это за дурное предзнаменованіе: я ѣду въ Дюроръ по извѣстному вамъ дѣлу, и вдругъ изъ папоротника появляется мальчикъ и спрашиваетъ, не направляюсь ли я въ Аухарнъ?

— Гленуръ, — сказалъ тотъ,—это плохая тема для шутокъ.

Оба они подошли близко и смотрѣли на меня, тогда какъ двое остальныхъ остановились за ними на разстояніи брошеннаго камня.

— А что вамъ нужно въ Аухарнѣ? — сказалъ Колинъ Рой

Кемпбелль изъ Гленура, называемый Красной Лисицей (это былъ онъ).

— Видѣть живущаго тамъ человѣка, — сказалъ я.

— Джэмса изъ Глэнса?—спросилъ Гленуръ, размышляя, и прибавилъ, обращаясь къ стряпчему:—Какъ вы думаете, собираетъ онъ своихъ людей?

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ стряпчій, — намъ лучше подождать тутъ и велѣть солдатамъ присоединиться къ намъ.

— Если вы думаете обо мнѣ, — сказалъ я, — то я не принадлежу ни къ вашей, ни къ его партіи. Я честный подданный короля Георга, никого не боюсь и никому не обязанъ.

— Прекрасно сказано, — отвѣчалъ агентъ.—Но осмѣлюсь спросить, что этотъ честный человѣкъ дѣлаетъ такъ далеко отъ своей родины и зачѣмъ онъ ищетъ брата Ардшиля? Долженъ сказать вамъ, что я пользуюсь здѣсь властью. Я королевскій агентъ надъ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ помѣстій и имѣю солдатъ въ своемъ распоряженіи.

— О васъ идетъ молва, — сказалъ я, немного раздраженный, — что съ вами трудно ладить.

Онъ съ прежнимъ сомнѣніемъ продолжалъ смотрѣть на меня.

— Да, — сказалъ онъ, наконецъ,—вы смѣло выражаетесь, но я ничего не имѣю противъ откровенности. Если бы вы спросили у меня дорогу къ Джэмсу Стюарту въ какой-нибудь другой день, я показалъ бы ее вамъ и пожелалъ бы добраго пути. Но сегодня... Эй, Мунго!

И онъ опять повернулся къ стряпчему.

Но не успѣлъ онъ этого сдѣлать какъ сверху горы раздался ружейный выстрѣлъ, и въ ту же минуту Гленуръ упалъ на дорогу.

— О, я умираю!—нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Стряпчій поднялъ его и поддержалъ на рукахъ, а слуга стоялъ рядомъ, ломая руки. Тогда раненый окинулъ ихъ испуганнымъ взглядомъ и произнесъ измѣнившимся голосомъ, который трогалъ мое сердце:

— Позаботьтесь о себѣ, я умираю.

Онъ попробовалъ разстегнутъ одежду, какъ бы отыскивая рану, но пальцы его соскользнули съ пуговицъ. Онъ испустилъ тяжелый вздохъ, опустилъ голову на плечо и скончался.

Стряпчій не произнесъ ни слова, но лицо его вытянулось и

поблѣднѣло, какъ у покойника. Слуга сталъ громко плакать и кричать, точно ребенокъ. Я же стоялъ и въ какомъ-то ужасѣ смотрѣлъ на нихъ. Чиновникъ при первомъ звукѣ выстрѣла побѣжалъ обратно, чтобы поторопить солдатъ.

Наконецъ, стряпчій опустилъ мертвеца тутъ же на дорогу, залитую его кровью, и, шатаясь, всталъ на ноги.

Это движеніе, вѣроятно, вернуло мнѣ сознаніе, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ я бросился къ горѣ и сталъ быстро карабкаться, крича:

— Убійца, убійца!

Времени прошло такъ мало, что, когда я взобрался на первый выступъ и могъ видѣть часть обнаженной горы, убійца былъ еще очень недалеко. Это былъ высокій человѣкъ въ черной одеждѣ съ металическими пуговицами; въ рукахъ онъ несъ длинное охотничье ружье.

— Вотъ онъ, — закричалъ я, — я вижу его!

Тутъ убійца бросилъ краткій, быстрый взглядъ черезъ плечо и пустился бѣжать. Въ слѣдующую минуту онъ скрылся между березами, потомъ появился снова, сталъ карабкаться, лѣзть, какъ обезьяна, на слѣдующій чрезвычайно крутой уступъ скалы. Затѣмъ онъ исчезъ за поворотомъ, и я больше не видѣлъ его.

Все это время я тоже бѣжалъ и уже взобрался довольно высоко, когда кто-то закричалъ, чтобы я остановился.

Я былъ на краю верхняго лѣса и, когда остановился и оглянулся, увидѣлъ передъ собою всю открытую часть горы.

Стряпчій и чиновникъ шерифа стояли надъ дорогой, крича, чтобы я спустился. Налѣво отъ нихъ изъ нижняго лѣса начинали поодиночкѣ выходить солдаты съ ружьями въ рукахъ.

— Зачѣмъ мнѣ возвращаться? — закричалъ я. — Лучше вы идите сюда!

— Десять фунтовъ тому, кто поймаетъ этого мальчишку!— закричалъ стряпчій. — Онъ соучастникъ. Его поставили здѣсь, чтобы задержать насъ разговорами.

При этихъ словахъ (которыя я отлично слышалъ, хотя онъ кричалъ это солдатамъ, а не мнѣ) душа моя ушла въ пятки отъ совершенно новаго чувства. Одно дѣло — подвергать опасности жизнь, и другое — рисковать не только жизнью, но и честью. Къ тому же все это совершилось такъ внезапно, точно гроза въ

ясный день, что я чувствовалъ себя пораженнымъ и безпомощнымъ.

Солдаты разсыпались по горѣ; нѣкоторые изъ нихъ побѣжали впередъ, другіе вынули ружья и стали цѣлиться въ меня, я же стоялъ неподвижно.

— Спрячьтесь сюда за деревья,—сказалъ голосъ рядомъ со мной.

Я едва соображалъ, что дѣлаю, но послушался. И не успѣлъ я спрятаться, какъ услышалъ залпы ружей и свистъ пуль между березами.

Подъ защитой деревьевъ стоялъ Аланъ Брекъ, съ удочкой въ рукахъ. Онъ не здоровался со мной. Намъ было не до учтивости. Онъ только сказалъ: «Идемъ!» и побѣжалъ по склону горы по направленію къ Балахулишу; а я, какъ овца, слѣдовалъ за нимъ.

Мы то бѣжали между березами, то прятались за низкими выступами на склонѣ горы, то ползли на четверенькахъ между верескомъ. Мы бѣжали такъ быстро, что сердце мое готово было разорваться, и я не могъ ни думать, ни говорить. Помню только, что съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ Аланъ отъ времени до времени поднимался во весь ростъ и оглядывался, причемъ каждый разъ вдали раздавались крики солдатъ.

Черезъ четверть часа Аланъ остановился, бросился плашмя въ верескъ и обратился ко мнѣ.

— А теперь, — сказалъ онъ, — начинается самое трудное. Если хотите спасти жизнь, слѣдуйте за мной.

И съ тою же быстротою, но съ гораздо большими предосторожностями, мы отправились обратно по склону холма, пересѣкая его, можетъ быть, немного выше. Наконецъ, въ верхнемъ Леттерморскомъ лѣсу, гдѣ я встрѣтилъ Алана, онъ бросился на землю и долго лежалъ, спрятавъ лицо въ папоротникъ и едва переводя духъ.

Мои бока такъ болѣли, голова такъ кружилась, во рту такъ пересохло, что я лежалъ рядомъ съ нимъ точно мертвый.

XVIII. Разговоръ съ Аланомъ въ Леттерморскомъ лѣсу.

Аланъ оправился первый. Онъ всталъ, вышелъ изъ-за деревьевъ, оглянулся и, возвратившись, сѣлъ на землю.

— Да, — сказалъ онъ, — это было трудное дѣло, Давидъ.

Я ничего не отвѣчалъ и даже не поднялъ головы. Я былъ свидѣтелемъ убійства, видѣлъ, какъ высокій, здоровый, веселый джентльмэнъ въ одну минуту былъ лишенъ жизни. Жалость, испытанная мною при этомъ зрѣлищѣ, еще не прошла, но не это одно тревожило меня въ ту минуту. Былъ убитъ человѣкъ, котораго Аланъ ненавидѣлъ, самъ Аланъ прятался между деревьями и убѣгалъ отъ солдатъ. Онъ ли самъ стрѣлялъ или только отдалъ приказаніе — это было безразлично. Выходило, что мой единственный другъ въ этой дивной странѣ — завзятый убійца. Я чувствовалъ къ нему отвращеніе, не могъ взглянуть ему въ лицо и охотнѣе согласился бы лежать одинъ подъ дождемъ на моемъ холодномъ островѣ, чѣмъ въ этомъ тепломъ лѣсу рядомъ съ убійцей.

— Вы все еще чувствуете усталость?—спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, не поднимая лица изъ папоротника, — нѣтъ, я теперь не чувствую усталости и могу говорить. Намъ надо разстаться, — сказалъ я. — Вы очень мнѣ нравились, Аланъ. Но вашъ путь — не мой и не Божій; однимъ словомъ, намъ надо разстаться.

— Мнѣ жаль будетъ разстаться съ вами, Давидъ, безъ всякой на то причины, — сказалъ Аланъ чрезвычайно серьезно. Если вамъ извѣстно что-либо, роняющее мою честь, то во имя нашего стараго знакомства вамъ слѣдовало бы высказаться. А если вамъ просто перестало нравиться мое общество, то мнѣ слѣдуетъ считать себя оскорбленнымъ.

— Аланъ, — сказалъ я, — къ чему вы это говорите? Вы прекрасно знаете, что этотъ Кемпбелль лежитъ въ крови на дорогѣ.

Онъ нѣкоторое время молчалъ, а затѣмъ спросилъ:

— Слышали вы когда-нибудь о «Человѣкѣ и Добромъ Народѣ»? — подразумѣвая сказку.

— Нѣтъ, — сказалъ я. — И не желаю слышать.

— Съ вашего позволенія, м-ръ Бальфуръ, я все-таки разскажу вамъ, — сказалъ Аланъ. — Человѣкъ былъ выброшенъ на скалистый островъ, гдѣ, какъ видно, Добрый Народъ останавливался и отдыхалъ по пути въ Ирландію. Скала эта называется Скерриворъ и находится недалеко отъ мѣста, гдѣ мы потерпѣли крушеніе. Человѣкъ, должно быть, очень жалобно сто-

налъ, что передъ смертью не увидитъ своего ребенка. Наконецъ, надъ нимъ сжалился король Добраго Народа и послалъ гонца, который принесъ ребенка въ мѣшкѣ и положилъ его рядомъ съ человѣкомъ, пока тотъ спалъ, такъ что, когда человѣкъ проснулся, онъ увидѣлъ рядомъ съ собой мѣшокъ, въ которомъ что-то шевелилось. Онъ, должно быть, принадлежалъ къ тѣмъ джентльмэнамъ, которые всегда ожидаютъ худшаго. Прежде чѣмъ открыть мѣшокъ, онъ, для безопасности, пронзилъ его кинжаломъ, такъ что ребенокъ былъ найденъ мертвымъ. Мнѣ кажется, м-ръ Бальфуръ, что вы очень похожи на этого человѣка.

— Вы хотите сказать, что не причастны этому дѣлу?—воскликнулъ я, садясь.

— Я прежде всего скажу вамъ, м-ръ Бальфуръ изъ Шооса, какъ другу,—сказалъ Аланъ,—что если бы я хотѣлъ убить джентльмена, то не сдѣлалъ бы этого въ своей собственной странѣ, чтобы не доставить непріятностей моему клану. И вы не встрѣтили бы меня безъ шпаги и ружья, а только съ удочкой за спиной.

— Да,—сказалъ я,—это правда!

— А теперь, — продолжалъ Аланъ, вынимая кинжалъ и кладя на него руку,—я клянусь Священнымъ Мечомъ, что не принималъ въ этомъ никакого участія, ни дѣломъ, ни мыслью.

— Благодарю за это Бога!—воскликнулъ я и протянулъ ему руку.

Онъ какъ будто не замѣчалъ этого.

— Мнѣ кажется, что какой-нибудь Кемпбелль не стоитъ столькихъ разговоровъ!—сказалъ онъ. — Они вовсе не такъ рѣдки, насколько мнѣ извѣстно!

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣчалъ я,—вы не можете особенно осуждать меня, Аланъ, такъ какъ прекрасно знаете, что говорили мнѣ на бригѣ. Но желаніе и дѣйствіе не одно и то же, и я снова благодарю за это Бога. Всѣми нами можетъ овладѣть искушеніе, но хладнокровно лишать человѣка жизни...—Въ эту минуту я больше ничего не могъ сказать.—Вы знаете, кто это сдѣлалъ?—прибавилъ я.—Знаете вы того человѣка въ черномъ кафтанѣ?

— Я не вполнѣ увѣренъ въ цвѣтѣ кафтана,—сказалъ Аланъ хитро.—Но мнѣ почему-то кажется, что онъ былъ синій.

— Синій ли, черный ли, знаете вы его?—спросилъ я.

— По совѣсти я не могу поклясться въ этомъ,—сказалъ Аланъ.—Правда, что онъ прошелъ очень близко отъ меня, но, по странной случайности, я въ это время завязывалъ башмаки.

— Можете ли вы поклясться, что не знаете его, Аланъ?—закричалъ я, готовый и сердиться, и смѣяться его уловкамъ.

— Пока нѣтъ,—сказалъ онъ,—но у меня очень короткая память, Давидъ.

— Но я ясно видѣлъ одно,—сказалъ я,—а именно, что вы старались отвлечь вниманіе солдатъ на себя и меня.

— Очень возможно, — отвѣчалъ Аланъ. — И каждый джентльменъ поступилъ бы такъ же, мы оба невинны въ этомъ дѣлѣ.

— Тѣмъ болѣе причинъ намъ оправдываться, если насъ невинно подозрѣваютъ!—воскликнулъ я.—Во всякомъ случаѣ, о невинныхъ надо подумать раньше, чѣмъ о виновныхъ.

— Нѣтъ, Давидъ,—сказалъ онъ,—у невинныхъ еще есть надежда, что все выяснится въ судѣ. Для человѣка же, выпустившаго пулю, лучшее мѣсто, я думаю, въ верескѣ. Люди, не замѣшанные ни въ какихъ непріятностяхъ, должны помнить о тѣхъ, кто замѣшанъ. Это и есть настоящее христіанство. Если бы случилось наоборотъ, и человѣкъ, котораго я не могъ разсмотрѣть, былъ бы на нашемъ, а мы на его мѣстѣ (что легко могло случиться), то мы, безъ сомнѣнія, были бы очень благодарны ему за то, что онъ привлекъ на себя вниманіе солдатъ.

Когда дѣло дошло до этого, я потерялъ надежду убѣдить Алана. Онъ, казалось, такъ наивно вѣрилъ въ свои слова и выражалъ такую готовность жертвовать собой для воображаемаго долга, что я не могъ возражать. Я вспомнилъ слова м-ра Гендерлэнда, что мы сами могли бы поучиться у этихъ дикихъ тайлэндеровъ, и принялъ къ свѣдѣнію этотъ урокъ. У Алана были совершенно извращенныя нравственныя понятія, но все-таки онъ готовъ былъ жертвовать за нихъ жизнью.

— Аланъ,—сказалъ я,—не могу сказать, чтобы я такимъ образомъ понималъ христіанскій долгъ, но и это все-таки хорошо, и я во второй разъ протягиваю вамъ руку.

На это онъ подалъ мнѣ обѣ руки и сказалъ, что я, вѣроятно, сколдовалъ его, такъ какъ онъ можетъ мнѣ все простить. Затѣмъ очень серьезно прибавилъ, что намъ нельзя терять времени, по

надо обоимъ бѣжать изъ этой страны: ему, потому что онъ дезертиръ, а теперь весь Аппинъ будетъ тщательно обысканъ, и у всякаго потребуютъ подробный отчетъ; мнѣ же потому, что меня считаютъ замѣшаннымъ въ убійствѣ.

— О,—сказалъ я, желая дать ему маленькій урокъ,—я не боюсь суда моей родины.

— Точно это ваша родина,—сказалъ онъ,—и точно васъ будутъ судить здѣсь, въ странѣ Стюартовъ!

— Это все Шотландія,—отвѣчалъ я.

— Я, право, удивляюсь вамъ,—замѣтилъ Аланъ.—Убитъ Кемпбелль, значитъ и разбираться будетъ дѣло въ Инверарѣ, главной резиденціи Кемпбеллей; пятнадцать Кемпбеллей будутъ присяжными, а самый главный Кемпбелль (самъ герцогъ) будетъ важно предсѣдательствовать въ судѣ. Судъ, Давидъ? Увѣряю васъ, это будетъ такой же судъ, какой Гленуръ нашелъ недавно тамъ на дорогѣ.

Признаюсь, это меня немного смутило. Но я испугался бы еще больше, если бы зналъ, какъ вѣрны предсказанія Алана: дѣйствительно, онъ преувеличилъ только въ одномъ отношеніи, такъ какъ среди присяжныхъ было только одиннадцать Кемпбеллей. Но остальные четверо тоже зависѣли отъ герцога, такъ что это мало мѣняло дѣло.

Я все-таки воскликнулъ, что онъ несправедливъ къ герцогу Арджайльскому, который (хотя и вигъ) былъ мудрымъ и честнымъ дворяниномъ.

— Положимъ,—сказалъ Аланъ,—онъ вигъ. Но я никогда не стану отрицать, что онъ хорошій начальникъ своего клана. Убитъ одинъ изъ Кемпбеллей, и что скажетъ кланъ, если судъ подъ предсѣдательствомъ герцога не приговоритъ кого-нибудь къ повѣшенію? Но я часто замѣчалъ, что вы, жители низменной Шотландіи, не имѣете яснаго понятія о справедливости.

Тутъ я, наконецъ, громко разсмѣялся, и, къ моему удивленію, Аланъ сталъ вторить мнѣ, смѣясь такъ же весело, какъ и я.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—вѣдь мы въ горахъ, Давидъ, и если я совѣтую вамъ бѣжать, то слушайте меня и бѣгите. Разумѣется, тяжело прятаться и голодать въ заросляхъ, но еще тяжелѣе сидѣть закованнымъ въ тюрьмѣ красныхъ мундировъ.

Я спросилъ его, куда же намъ бѣжать. Онъ отвѣчалъ: «Въ низменность»; тогда я охотнѣе согласился отправиться съ нимъ, такъ какъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности возвратиться и восторжествовать надъ моимъ дядей. Кромѣ того, Аланъ былъ такъ увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи о справедливости, что я начиналъ бояться, не правъ ли онъ. Изъ всѣхъ родовъ смертей мнѣ менѣе всего нравилась смерть на висѣлицѣ. Это отвратительное сооруженіе съ необыкновенной ясностью стало представляться моему воображенію (я разъ видѣлъ ея изображеніе на обложкѣ баллады) и отняло у меня всякую охоту къ суду.

— Я попытаю счастья, Аланъ,—сказалъ я,—и пойду съ вами.

— Но помните только,—отвѣчалъ Аланъ,—что это не легкое дѣло. Можетъ случиться, что вамъ будетъ очень тяжело, что у васъ не будетъ ни крова, ни пищи. Постелью вамъ будетъ служить верескъ, жить вы будете, какъ преслѣдуемый олень, и спать съ оружіемъ въ рукѣ. Да, любезный, вамъ много придется перенести, прежде чѣмъ мы будемъ въ безопасности! Я говорю вамъ это впередъ, такъ какъ хорошо знаю эту жизнь. Но, если вы спросите меня, какой же другой выходъ вамъ остается, я скажу: никакого. Или бѣгите со мной, или ступайте на висѣлицу.

— Этотъ выборъ очень легко сдѣлать,—сказалъ я, и мы на этомъ ударили по рукамъ.

— А теперь взглянемъ еще разъ украдкой на красные мундиры, — сказалъ Аланъ и повелъ меня къ сѣверо-восточной опушкѣ лѣса.

Выглядывая изъ-за деревьевъ, мы могли видѣть обширный склонъ горы, очень круто спускающійся къ лоху. Мѣсто это было неровное, покрытое нависшими скалами, верескомъ и тощимъ березовымъ лѣсомъ. На отдаленномъ концѣ склона, по направленію къ Балахулишу, то поднимаясь на холмы, то спускаясь въ долины и уменьшаясь съ каждой минутой, двигались крошечные красные солдатики. Утомленные ходьбой, они больше не кричали, но продолжали придерживаться нашего слѣда и, вѣроятно, думали, что скоро нагонятъ насъ.

Аланъ наблюдалъ за ними, улыбаясь.

— Ну,—сказалъ онъ,—они устанутъ прежде, чѣмъ достиг-

нутъ цѣли! А потому, Давидъ, мы можемъ присѣсть и поѣсть, немного передохнуть и выпить глотокъ изъ моей фляжки. Затѣмъ мы должны отправиться въ Аухарнъ, въ домъ моего родственника, Джэмса изъ Глэнса, откуда мнѣ надо захватить одежду, оружіе и денегъ на дорогу. А затѣмъ, Давидъ, мы закричимъ: «Впередъ, наудачу!» и бросимся въ заросли.

Мы пили и ѣли, сидя на мѣстѣ, откуда было видно, какъ солнце закатывалось за громадными, дикими и пустынными скалами, по которымъ я былъ обреченъ скитаться съ моимъ товарищемъ. Во время этого привала, а также послѣ, по дорогѣ въ Аухарнъ, мы разсказали другъ другу свои приключенія. Изъ похожденій Алана я приведу здѣсь тѣ, которыя мнѣ кажутся наиболѣе нужными или интересными.

Оказывается, что онъ подбѣжалъ къ бульваркамъ, какъ только прошла волна, замѣтилъ меня въ водѣ, затѣмъ потерялъ изъ виду, потомъ снова увидѣлъ, когда я попалъ въ теченіе и ухватился за рей. Это возбудило въ немъ надежду, что я, можетъ быть, достигну земли, и побудило сдѣлать тѣ распоряженія, вслѣдствіе которыхъ я попалъ (за мои грѣхи) въ эту несчастную Апшинскую страну.

Въ это время на бригѣ успѣли спустить лодку, и двое или трое уже находились въ ней, когда подошла вторая, еще болѣе сильная волна, приподняла бригъ и, навѣрное, потопила бы его, если бы онъ не засѣлъ на рифѣ. До сихъ поръ носъ брига находился выше, а корма была внизу. Но теперь корму подбросило кверху, а носъ погрузился въ море. И при этомъ вода устремилась въ переднiй люкъ, точно изъ прорвавшейся плотины.

При одномъ воспоминаніи о томъ, что послѣдовало, краска сбѣжала съ лица Алана. Въ каютѣ еще оставалось двое матросовъ, безпомощно лежавшихъ на койкахъ. Увидя врывающуюся воду, они подумали, что судно погружается, и стали громко кричать, и это было такъ ужасно, что всѣ бывшіе на палубѣ бросились въ лодку и взялись за весла. Не успѣли они еще отплыть двухсотъ ярдовъ, какъ нашла третья большая волна и сняла бригъ съ рифа. Паруса его на минуту надулись, и онъ, казалось, двигался по вѣтру, постепенно осѣдая; вскорѣ онъ сталъ погружаться все глубже и глубже, и море поглотило «Конвентъ» изъ Дайзерта.

Пока лодка плыла къ берегу, не было произнесено ни одного

слова; всѣ молчали, ошеломленные страшнымъ крикомъ погибавшихъ матросовъ. Не успѣли всѣ выйти на берегъ, какъ Хозизенъ пришелъ въ себя и приказалъ схватить Алана. Матросы сначала не хотѣли повиноваться. Но въ Хозизена, казалось, вселился бѣсъ; онъ кричалъ, что теперь Аланъ одинъ, что у него большая сумма денегъ, что онъ причина гибели корабля и смерти ихъ товарищей и что они заразъ могли отомстить ему и обогатиться. Ихъ было семеро противъ одного; по близости не было ничего, что могло бы служить прикрытіемъ Алану, а матросы обступили его и стали подходить къ нему сзади.

— И тогда,—сказалъ Аланъ,—выступилъ на сцену рыжеволосый человѣчекъ. Я позабылъ, какъ его звали.

— Райэчъ?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ Аланъ,—Райэчъ! Онъ принялъ мою сторону, спросилъ матросовъ, неужели они не боятся суда, и прибавилъ: «Хорошо, я самъ стану защищать этого гайлэндера». Этотъ рыжій не совсѣмъ ужъ дурной человѣкъ, — сказалъ Аланъ.—Въ немъ есть порядочность.

— Да,—замѣтилъ я,—онъ по своему былъ добръ ко мнѣ.

— И ко мнѣ также,—сказалъ Аланъ,—и, честное слово, я нахожу поведеніе его очень хорошимъ! Но видите ли, Давидъ, гибель корабля и крики тѣхъ несчастныхъ очень сильно подѣйствовали на него, и я думаю, что это и было главной причиной его доброты.

— Да, вѣроятно,—сказалъ я,—потому что сначала онъ не отставалъ отъ другихъ. Но какъ же отнесся къ этому Хозизенъ?

— Очень дурно, насколько я помню,—сказалъ Аланъ.—Но тутъ маленькій человѣкъ крикнулъ, чтобы я бѣжалъ, и, найдя его совѣтъ хорошимъ, я побѣжалъ. Взглянувъ на нихъ въ послѣдній разъ, я увидѣлъ, что они толпой стояли на берегу и, казалось, ссорились.

— Почему вы это заключаете?—спросилъ я.

— Ну, въ дѣло были пущены кулаки,—сказалъ Аланъ.—Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ безсильно хлопнулся на землю. Я счелъ болѣе благоразумнымъ не ждать развязки. Въ этой части Мулля, знаете, есть небольшой участокъ, принадлежащій Кемпбеллямъ, а они плохая компанія для подобныхъ мнѣ джентльменовъ. Если бы не это, я бы остался и поискалъ бы васъ самъ, не слушая совѣтовъ маленькаго человѣка (было смѣшно, что Аланъ

постоянно напиралъ на маленькій ростъ м-ра Райэча, хотя, по правдѣ сказать, самъ былъ немногимъ выше). Такимъ образомъ,—продолжалъ онъ,—я со всѣхъ ногъ побѣжалъ впередъ и, встрѣчая кого-нибудь, кричалъ, что у берега случилось крушеніе. Увѣряю васъ, что они не останавливались и не задерживали меня! Вы бы только посмотрѣли, какъ они устремлялись къ берегу! А достигнувъ его, убѣждались, что бѣжали напрасно, а это очень хорошо для Кемпбеллей. Я думаю, что въ наказаніе ихъ клану бригъ пошелъ ко дну цѣликомъ, а не разбился. Но это было

Я со всѣхъ ногъ побѣжалъ впередъ...

очень несчастливо для васъ; если бы какіе-нибудь обломки были выброшены на берегъ, они стали бы рыскать по всѣмъ направленіямъ и нашли бы васъ.

XIX. Домъ страха.

Пока мы шли, наступила ночь, и облака, показавшіяся днемъ, сгустились настолько, что для этого времени года было чрезвычайно темно. Путь нашъ шелъ по неровнымъ горнымъ склонамъ, и хотя Аланъ подвигался впередъ съ увѣренностью, я не могъ понять, какъ онъ находилъ дорогу.

Наконецъ, въ половинѣ одиннадцатаго, мы пришли на вер-

шину горы и увидѣли внизу огни. Казалось, точно дверь дома была открыта, и черезъ нее проходилъ свѣтъ очага и свѣчей. Вокругъ дома и службъ торопливо двигалось пять или шесть человѣкъ, каждый съ горящимъ факеломъ въ рукахъ.

— У Джэмса, должно быть, помраченіе разсудка,—сказалъ Аланъ.—Если бы вмѣсто насъ съ вами подошли солдаты, попалъ бы онъ въ передѣлку! Но, вѣроятно, у него поставленъ часовой на дорогѣ, и онъ отлично знаетъ, что ни одинъ солдатъ не найдетъ пути, по которому мы пришли.

Съ этими словами Аланъ три раза свистнулъ условленнымъ образомъ. Странно было видѣть, какъ при первомъ звукѣ всѣ двигавшіеся факелы остановились, точно люди, несшіе ихъ, испугались, и какъ послѣ третьяго свистка суматоха возобновилась.

Успокоивъ ихъ такимъ образомъ, мы спустились по склону и были встрѣчены у воротъ (жилище было похоже на богатую ферму) высокимъ, красивымъ мужчиной лѣтъ около пятидесяти, который окликнулъ Алана по-гэльски.

— Джэмсъ Стюартъ,—сказалъ Аланъ,—я попрошу васъ говорить по-шотландски, потому что я привелъ молодого джентльмена, не понимающаго гэльскаго нарѣчія. Вотъ онъ, — прибавилъ Аланъ, взявъ меня подъ руку,—молодой джентльменъ изъ низменности, лэрдъ въ своей странѣ, но я думаю, для него будетъ лучше, если мы не назовемъ его имени.

Джэмсъ изъ Глэнса повернулся ко мнѣ и поздоровался довольно любезно. Затѣмъ онъ обратился къ Алану.

— Это былъ ужасный случай, который навлечетъ на страну несчастіе!—воскликнулъ онъ, ломая руки.

— Ну,—сказалъ Аланъ,—вы должны мириться съ ложкой дегтя въ бочкѣ меду. Колинъ Рой умеръ, и за это надо быть благодарнымъ.

— Да,—продолжалъ Джэмсъ,—но, честное слово, я бы желалъ, чтобы онъ снова былъ живъ! Хорошо впередъ толковать и божиться. Но теперь дѣло сдѣлано, Аланъ, и на кого падетъ отвѣтственность за него? Случай этотъ произошелъ въ Аппинѣ,— помните это, Аланъ? И Аппинъ долженъ будетъ разсплачиваться; а у меня семья!

Пока они разговаривали, я наблюдалъ за слугами. Нѣкоторые влѣзли на лѣстницы и рылись въ соломѣ на крышѣ дома и

домашнихъ построекъ, вытаскивая оттуда ружья, кинжалы и различные военные доспѣхи; другіе уносили ихъ, и, по ударамъ кирки, раздававшимся гдѣ-то ниже по склону, я предположилъ, что они ихъ зарывали. Хотя всѣ они работали усердно, но въ работѣ ихъ не замѣчалось порядка; люди вырывали другъ у друга ружья и сталкивались горящими факелами. А Джэмсъ, постоянно прерывая свой разговоръ съ Аланомъ, отдавалъ приказанія, которыхъ, очевидно, не понимали. При свѣтѣ факеловъ лица всѣхъ выражали страхъ и торопливость, и хотя всѣ говорили шепотомъ, въ голосахъ ихъ слышались опасенія и гнѣвъ.

Вскорѣ изъ дому вышла дѣвушка съ какимъ-то пакетомъ или узломъ, и я часто потомъ улыбался при воспоминаніи, какъ при видѣ его Аланъ проявилъ истинктивную догадливость.

— Что такое у дѣвушки?—спросилъ онъ.

— Мы теперь приводимъ домъ въ порядокъ, Аланъ,—отвѣчалъ Джэмсъ испуганнымъ и немного льстивымъ голосомъ.— Вѣдь они будутъ обыскивать Аппинъ съ фонарями и надо, чтобъ у насъ все было въ порядкѣ. Мы, видите ли, зарываемъ ружья и кинжалы въ мохъ. А это, вѣроятно, вашъ французскій мундиръ.

— Зарыть мой французскій мундиръ!—закричалъ Аланъ.— Клянусь этого не будетъ! Онъ отнялъ пакетъ и пошелъ на гумно переодѣться, а меня пока поручилъ своему родственнику.

Джэмсъ повелъ меня на кухню, сѣлъ со мною за столъ, улыбаясь и разговаривая сначала довольно гостепріимно. Но вскорѣ печаль его вернулась; онъ сталъ хмуриться и кусать ногти. Только отъ времени до времени вспоминая обо мнѣ, онъ произносилъ, слабо улыбаясь, одно, два слова и снова отдавался своему горю. Жена его сидѣла у очага и плакала, закрывъ лицо руками. Старшій сынъ, сидя на полу, просматривалъ кипу бумагъ и отъ времени до времени сжигалъ какую нибудь изъ нихъ. Служанка все время суетливо хозяйничала въ комнатѣ, хныкая отъ страха. Отъ времени до времени въ дверяхъ показывалось лицо какого-нибудь работника, спрашивавшаго приказанія.

Наконецъ, Джэмсъ не могъ долѣе сидѣть, извинился за свою невѣжливость и пошелъ наблюдать за работами.

— Я плохая компанія, сэръ,—сказалъ онъ,—я не могу думать ни о чемъ, кромѣ этого ужаснаго происшествія, которое подвергаетъ такой тревогѣ совершенно невинныхъ людей.

Немного позже онъ, замѣтивъ, что сынъ его жжетъ бумагу, ко-

торую онъ предполагалъ сохранить, онъ не могъ болѣе бороться со своимъ волненіемъ и больно было видѣть, какъ онъ нѣсколько разъ ударилъ мальчика.

— Ты съ ума сошелъ?—воскликнулъ онъ.—Ты хочешь, чтобъ отца твоего повѣсили?—И, забывъ о моемъ присутствіи, еще долго продолжалъ кричать по-гэльски, на что юноша не отвѣчалъ ни слова. Только жена при словѣ «повѣсили» накинула передникъ на лицо и зарыдала громче прежняго.

Для посторонняго свидѣтеля, какимъ былъ я, тяжело было видѣть и слышать все это, и я очень обрадовался, когда возвратился Аланъ, снова похожій на себя, въ французскомъ мундирѣ, хотя теперь онъ такъ износился и вылинялъ, что едва заслуживалъ своего названія. Въ то же время меня увелъ другой сынъ Джэмса и далъ мнѣ перемѣну платья, въ которомъ я такъ давно нуждался. Кромѣ того, я получилъ пару башмаковъ изъ оленьей кожи, какіе носятъ горцы. Сначала они казались мнѣ странными, но вскорѣ я привыкъ и находилъ ихъ очень удобными.

Когда я вернулся, Аланъ, должно быть, уже успѣлъ разсказать мою исторію, такъ какъ у нихъ было уже рѣшено, что я долженъ бѣжать съ нимъ, и всѣ занимались нашимъ снаряженіемъ. Каждому изъ насъ дали по шпагѣ и пистолету, хотя я признался въ своемъ неумѣніи владѣть первой. Съ этимъ оружіемъ, боевыми запасами, мѣшкомъ овсяной муки, желѣзнымъ котелкомъ и бутылкой настоящей французской водки мы были готовы въ путь. Денегъ, правда, было у насъ немного. У меня оставалось около двухъ гиней. Деньги же Алана были отосланы съ другимъ гонцомъ, такъ что все состояніе этого вѣрнаго посланника составляли семнадцать пенсовъ. Что же касается Джэмса, то онъ, кажется, такъ поистратился на свои поѣздки въ Эдинбургъ и на судебныя издержки по дѣлу арендаторовъ, что могъ собрать только три шиллинга и пять съ половиной пенсовъ, почти все мѣдью.

— Этого не хватитъ,—рѣшилъ Аланъ.

— Вы должны найти гдѣ-нибудь по близости безопасное убѣжище,—сказалъ Джэмсъ,—и извѣстить меня. Видите ли, вамъ надо поскорѣй выпутаться изъ этого дѣла, Аланъ. Теперь не время останавливаться изъ-за одной или двухъ гиней. Пронюхавъ о васъ, они станутъ искать и, навѣрное, припишутъ

всю исторію вамъ. А вы сами должны понять, что если обвинятъ васъ, то и мнѣ не уберечься, такъ какъ я вашъ близкій родственникъ и принималъ васъ у себя, когда вы бывали въ этомъ краю. А если меня обвинятъ... — тутъ онъ остановился и, страшно поблѣднѣвъ, сталъ кусать свои ногти.—Нашимъ друзьямъ придется тяжело, если меня повѣсятъ,—прибавилъ онъ.

— Это будетъ страшный день для Аппина,—сказалъ Аланъ.

— При мысли объ этомъ днѣ у меня стягивается горло,—сказалъ Джэмсъ.—О, Аланъ, Аланъ, мы оба разсуждали, какъ дураки!—воскликнулъ онъ ,ударивъ кулакомъ въ стѣну, такъ что ударъ отдался во всемъ домѣ.

— Да, это правда,—сказалъ Аланъ,—и мой другъ изъ Лоулэнда (при этомъ онъ кивнулъ на меня) давалъ мнѣ по этому поводу хорошій совѣтъ. Если бы я тогда послушалъ его!

— Но выслушайте дальше,—продолжалъ Джэмсъ прежнимъ заискивающимъ голосомъ.—Если они посадятъ меня въ тюрьму, Аланъ, то тогда то вамъ и понадобятся деньги, потому что послѣ всего, что мы говорили, на насъ съ вами падутъ очень тяжкія подозрѣнія, понимаете? Ну, теперь поразмыслите хорошенько, и вы увидите, что мнѣ самому придется донести на васъ. Мнѣ придется объявить награду тому, кто васъ поймаетъ, да, придется! Тяжело прибѣгать къ этому между такими близкими друзьями. Но если на меня падетъ подозрѣніе въ этомъ ужасномъ преступленіи, то мнѣ придется защищаться, Аланъ. Согласны вы съ этимъ?

Джэмсъ говорилъ серьезно и какъ бы оправдываясь и держалъ Алана за бортъ мундира.

— Да,—отвѣтилъ послѣдній,—я съ этимъ согласенъ.

— А вамъ, Аланъ, надо бѣжать отсюда и даже изъ Шотландіи, а также и вашему другу изъ Лоулэнда, потому что мнѣ придется объявить награду и за него. Вы понимаете, что такъ нужно, Аланъ? Да скажите же, что понимаете!

Мнѣ показалось, что Аланъ немного покраснѣлъ.

— Это жестоко по отношенію ко мнѣ, такъ какъ я привелъ его сюда, Джэмсъ,—сказалъ онъ, поднимая голову,—Это значитъ выставлять меня предателемъ!

— Нѣтъ, Аланъ, нѣтъ!—закричалъ Джэмсъ.—Взгляните на дѣло прямо! На него все равно напишутъ объявленіе. Я увѣренъ, что Мунго Кемпбелль объявитъ за него награду! Не все

ли равно, если я также объявлю? Кромѣ того, Аланъ, у меня есть семья.—Потомъ, послѣ краткаго обоюднаго молчанія, онъ прибавилъ:—А вѣдь присяжными, Аланъ, будутъ Кэмпбелли.

— Хорошо одно,—сказалъ Аланъ, размышляя,—что никто не знаетъ его имени.

— Никто и теперь не узнаетъ, Аланъ! Вотъ вамъ въ томъ моя рука,—воскликнулъ Джэмсъ, причемъ можно было подумать, что онъ дѣйствительно знаетъ мое имя и жертвуетъ своей выгодой.—Придется только описать его одежду, лѣта и какъ онъ выглядитъ и тому подобное. Я не могу поступить иначе.

— Я удивляюсь вамъ!—строго воскликнулъ Аланъ.—Неужели вы хотите продать его съ помощью вашего же подарка? Вы дали ему новую одежду, а вслѣдъ затѣмъ хотите выдать его?

— Нѣтъ, нѣтъ, Аланъ,—отвѣтилъ Джэмсъ,—нѣтъ, мы опишемъ одежду, которую онъ снялъ, ту, въ которой его видѣлъ Мунго.—Но мнѣ показалось, что послѣ этого онъ сильно упалъ духомъ. Дѣйствительно, бѣдняга хватался за соломинку и, я увѣренъ, передъ нимъ все время мелькали лица его исконныхъ враговъ, занимавшихъ скамью присяжныхъ, а за ними—висѣлица.

— А вы, сэръ,—спросилъ Аланъ, обращаясь ко мнѣ,—что на это скажете? Вы здѣсь подъ охраной моей чести, и моя обязанность позаботиться, чтобы ничего не дѣлалось противъ вашего желанія.

— Могу сказать только одно,—отвѣтилъ я,—что вашъ споръ мнѣ совершенно непонятенъ. Простой здравый смыслъ говоритъ, что за преступленіе долженъ отвѣчать тотъ, кто совершилъ его, т. е. стрѣлявшій. Объявите о немъ, направьте преслѣдованіе по его слѣдамъ, и тогда честные, невинные люди будутъ въ безопасности.

Но отъ этихъ словъ и Аланъ, и Джэмсъ пришли въ ужасъ и велѣли мнѣ держать языкъ за зубами, потому что объ этомъ и думать было нечего.

— Что подумаютъ Камероны?—говорили они, и это убѣдило меня, что убійство совершилъ Камеронъ изъ Мамора.— И развѣ вы не понимаете, что этого человѣка могутъ поймать? Вы, вѣроятно, не думали объ этомъ?—прибавили они съ такой наивной серьезностью, что у меня опустились руки отъ отчаянія.

— Прекрасно,—объявилъ я,—пожалуйста, доносите на меня, Алана, хоть на короля Георга! Вѣдь мы всѣ трое невинны, а это то, очевидно, и требуется! Сэръ,—обратился я къ Джэмсу, когда прошло мое раздраженіе,—я—другъ Алана, и если могу быть полезнымъ его друзьямъ, меня не остановитъ опасность.

Я нашелъ, что лучше дать свое согласіе добровольно, потому что Аланъ начиналъ волноваться. И, кромѣ того, соглашусь я или нѣтъ, думалъ я, какъ только я уйду, они все равно оцѣнятъ мою голову. Но я ошибался и сейчасъ же замѣтилъ это: не успѣлъ я сказать послѣднихъ словъ, какъ мистриссъ Стюартъ вскочила со стула, подбѣжала къ намъ и бросилась съ плачемъ на грудь ко мнѣ, потомъ къ Алану, благословляя Бога за нашу доброту къ ея семьѣ.

— Вы, Аланъ, исполняете только священный долгъ,—сказала она.—Но этотъ мальчикъ только что пришелъ сюда и увидѣлъ насъ въ худшемъ видѣ: видѣлъ хозяина, умоляющаго точно нищій, тогда какъ онъ рожденъ, чтобы приказывать, какъ король! Мой мальчикъ, я, къ сожалѣнію, не знаю вашего имени,—прибавила она,—но я видѣла ваше лицо, и пока сердце бьется у меня въ груди, я буду помнить васъ, думать о васъ и благословлять васъ.—Съ этими словами она поцѣловала меня и снова разразилась такими рыданіями, что я пришелъ въ смущеніе.

— Ну, ну,—сказалъ Аланъ съ растроганнымъ видомъ,—въ іюлѣ день наступаетъ рано, а завтра въ Аппинѣ будетъ порядочная суматоха, разъѣзды драгуновъ, крики «Круаханъ» *) и бѣготня красныхъ мундировъ, и намъ съ вами слѣдуетъ уйти поскорѣе.

Мы попрощались и снова отправились въ путь, направляясь къ востоку. Была чудная, теплая, темная ночь, но мѣстность, гдѣ мы шли, такая же неровная, какъ и прежде.

XX. Бѣгство сквозь вересковыя заросли и скалы.

Мы то шли, то бѣжали, а когда время стало близиться къ утру, то бѣжать пришлось почти безпрерывно. Хотя при первомъ взглядѣ мѣстность казалась пустыней, но тамъ встрѣчались

---

*) Боевой кличъ Кемпбеллей.

хижины, спрятанныя уединенно между холмами. По дорогѣ мы встрѣтили около двадцати такихъ жилищъ. Когда мы приближались къ одному изъ нихъ, Аланъ оставлялъ меня на дорогѣ, а самъ подходилъ, стучалъ и говорилъ нѣкоторое время черезъ окно съ разбуженнымъ хозяиномъ, сообщая ему новости. Въ той части Шотландіи это считалось настолько обязательнымъ, что Аланъ долженъ былъ останавливаться, даже подвергая свою жизнь опасности, и такъ хорошо исполнялось всѣми, что въ большей части домовъ, у которыхъ мы останавливались, уже слышали объ убійствѣ. Въ остальныхъ же, насколько я могъ судить, такъ какъ стоялъ далеко и слышалъ чуждый мнѣ языкъ, новость эта встрѣчалась скорѣе съ ужасомъ, чѣмъ съ удивленіемъ.

Несмотря на нашу поспѣшность, мы все еще были далеко отъ убѣжища, когда день сталъ наступать. Утро застало насъ въ обширной, усѣянной скалами долинѣ, по которой пробѣгалъ пѣнящійся потокъ. Ее окружали дикія скалы и въ ней не видно было ни травы, ни деревьевъ. Вспоминая о ней потомъ, я иногда предполагалъ, что это была долина Гленко, гдѣ произошло избіеніе во времена короля Вильгельма. Подробностей нашего путешествія я совсѣмъ не помню; мы шли, то прямо направляясь къ цѣли, то дѣлая длинные обходы. Мы очень спѣшили, путешествовали обыкновенно ночью, а названія мѣстъ, которыя мы проходили, я хотя и слышалъ, но по-гэльски и потому они легко забывались.

Итакъ, первые лучи разсвѣта застали насъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ и я увидѣлъ, что Аланъ нахмурилъ брови.

— Это неподходящее мѣсто для насъ съ вами,—сказалъ онъ,—потому что они обязаны его охранять.

Съ этими словами онъ еще скорѣе побѣжалъ внизъ, къ тому мѣсту, гдѣ потокъ раздѣлялся на-двое. Онъ прорывался между тремя скалами со страшнымъ грохотомъ, отъ котораго содрогнулось мое сердце, а надъ нимъ стоялъ точно туманъ отъ брызгъ. Аланъ, не оглядываясь по сторонамъ, прыгнулъ прямо на средній утесъ и, упираясь руками и ногами, едва удержался на немъ, такъ какъ утесъ былъ невеликъ и Аланъ легко могъ перелетѣть на другую сторону. Я, не успѣвъ ни разсчитать разстоянія, ни понять опасности, послѣдовалъ за нимъ, но онъ поймалъ и поддержалъ меня.

Мы стояли рядомъ на маленькомъ утесѣ, мокромъ и скользкомъ, и намъ предстояло сдѣлать еще гораздо большій скачекъ черезъ потокъ, грохотавшій вокругъ насъ. Когда я увидѣлъ, гдѣ нахожусь, у меня отъ страха закружилась голова и я закрылъ глаза рукой. Аланъ потрясъ меня за плечо; я видѣлъ, что онъ говоритъ, но отъ грохота водопада и головокруженія не могъ ничего разслышать. Я замѣтилъ только, что онъ покраснѣлъ отъ гнѣва и топнулъ ногой. Но я видѣлъ также, какъ вода бѣшено неслась мимо, какъ въ воздухѣ висѣлъ туманъ, и, снова вздрогнувъ, закрылъ глаза.

Вслѣдъ затѣмъ Аланъ приложилъ къ моимъ губамъ бутылку съ водкой и заставилъ проглотить около чарки, послѣ чего мужество вернулось ко мнѣ. Затѣмъ, приложивъ руки къ своему рту, онъ крикнулъ мнѣ въ самое ухо:

— Висѣть на висѣлицѣ или утонуть!—и, обернувшись спиной, перепрыгнулъ черезъ слѣдующій рукавъ рѣки и благополучно упалъ на берегъ.

Теперь, когда я стоялъ одинъ на скалѣ, мнѣ было просторнѣе; въ головѣ шумѣло отъ водки; видя хорошій примѣръ Алана, я понялъ, что если не перепрыгну потока сейчасъ же, то не перепрыгну никогда. Низко присѣвъ, я бросился впередъ съ той злобой и отчаяніемъ, которыя иногда замѣняли мнѣ мужество. Но однѣ только руки мои достигли противоположнаго берега: я едва успѣлъ ухватиться, какъ сорвался и уже скользилъ обратно въ водопадъ; но тутъ Аланъ схватилъ меня сперва за волосы, потомъ за воротъ и, наконецъ, съ большимъ усиліемъ вытащилъ на безопасное мѣсто.

Не сказавъ ни слова, онъ снова пустился бѣжать, и я долженъ былъ вскочить на ноги и бѣжать вслѣдъ за нимъ. Уставъ еще раньше, я чувствовалъ теперь, что голова моя кружится, что, я совсѣмъ разбитъ и слегка пьянъ отъ выпитой водки. Я бѣжалъ, спотыкаясь и ощущая невыносимую боль въ боку, такъ что, когда, наконецъ, Аланъ остановился подъ большой скалой, окруженной другими скалами, то эта остановка была очень кстати для Давида Бальфура.

Я сказалъ, что Аланъ остановился подъ «большой скалой», но, вѣрнѣе, это были двѣ скалы, опирающіяся одна на другую вершинами. Высота ихъ достигала двадцати футовъ и при первомъ взглядѣ онѣ казались недоступными. Даже Аланъ, хотя

про него можно было сказать, что у него четыре руки: два раза безуспѣшно пробовалъ онъ вскарабкаться на нихъ и только на третій разъ, стоя на моихъ плечахъ и привскочивъ съ такою силою, что едва не переломилъ мнѣ ключицы, онъ смогъ удержаться. Попавъ на выступъ, онъ спустилъ мнѣ свой кожаный поясъ, и съ его помощью, а также двухъ углубленій въ скалѣ, на которыя можно было поставить ногу, я вскарабкался къ нему.

Тогда мнѣ стало ясно, зачѣмъ мы сюда пришли: обѣ скалы имѣли наверху склоны и образовали выемку, напоминавшую формой блюдечко. Въ этомъ углубленіи, лежа, могли скрываться три-четыре человѣка.

Все это время Аланъ не говорилъ ни слова, а только бѣжалъ и карабкался съ дикой, молчаливой и безумной поспѣшностью, очевидно, крайне опасаясь какой нибудь неудачи. Даже теперь, когда мы уже были на скалѣ, онъ молчалъ и лицо его оставалось попрежнему нахмуреннымъ. Онъ легъ, плотно прижавшись къ камню, и поднявъ слегка голову изъ своего убѣжища, только однимъ глазомъ сталъ изучать окружающую мѣстность. Уже совсѣмъ свѣтало, и мы могли разглядѣть каменныя стѣны долины, дно, усѣянное скалами, и потокъ, который пересѣкалъ ее, образуя пѣнившіеся водопады. Но нигдѣ не было видно ни дыма жилища, ни живого существа, кромѣ орловъ, кричавшихъ надъ утесомъ.

Наконецъ, Аланъ улыбнулся.

— Ну,—сказалъ онъ,—теперь у насъ есть надежда.—Затѣмъ, глядя на меня съ улыбкой, прибавилъ:—Вы не особенно бойко прыгаете.

При этихъ словахъ я, вѣроятно, покраснѣлъ отъ оскорбленія, потому что онъ сейчасъ же прибавилъ:

— Ну, я васъ не виню! Бороться со страхомъ и все-таки не отступать передъ опасностью достойно порядочнаго человѣка. Кромѣ того, кругомъ была вода, которая даже меня пугаетъ. Нѣтъ, нѣтъ,—заключилъ Аланъ,—не вы заслуживаете порицанія, а я.

Я попросилъ его объясниться яснѣе.

— Сегодня ночью я оказался совершеннымъ дуракомъ. Во-первыхъ, я ошибся дорогой, несмотря на то, что мы въ моей родной Аппинской странѣ; поэтому утро застало насъ тамъ, гдѣ

*

Теперь я стоялъ одинъ на скалѣ...

намъ совсѣмъ не слѣдовало быть, и, благодаря тому же, мы теперь лежимъ здѣсь очень неудобно и подвергаясь отчасти опасности. Во-первыхъ (и это непростительнѣе всего для человѣка, часто бывавшаго въ горахъ), я не взялъ бутылки съ водой, и вотъ мы должны лежать здѣсь длинный лѣтній день, имѣя съ собой только чистый спиртъ. Вы, можетъ быть, думаете,

что это неважно, но еще до наступленія ночи, Давидъ, вы заговорите иначе.

Мнѣ очень хотѣлось загладить свое поведеніе, и я предложилъ Алану сбѣжать внизъ и наполнить бутылку изъ рѣки, если онъ только выльетъ водку.

— Мнѣ не хотѣлось бы даромъ тратить хорошую водку,— сказалъ онъ.—Она оказала вамъ сегодня большую услугу. Безъ нея, по моему скромному мнѣнію, вы все бы еще торчали на томъ камнѣ. А что еще важнѣе,—прибавилъ онъ,—вы могли замѣтить (вы такой наблюдательный), что Аланъ Брекъ Стюартъ шелъ, пожалуй, скорѣе обыкновеннаго.

— О, да!—воскликнулъ я.—Слѣдуя за вами, можно было задохнуться.

— Неужели?—спросилъ онъ.—Ну, такъ будьте увѣрены, что, значитъ, нельзя было терять времени; но теперь довольно объ этомъ; ложитесь спать, мой милый, а я буду сторожить.

Согласно этому приказу, я улегся спать; между вершинами скалъ нанесло вѣтромъ немного торфяной земли, на которой росло нѣсколько папоротниковъ, и такимъ образомъ образовалась для меня постель. Послѣднее, что я слышалъ, былъ все еще крикъ орловъ.

Должно быть часовъ около девяти утра Аланъ грубо разбудилъ меня, зажимая мнѣ ротъ рукой.

— Тсс...—прошепталъ онъ.—Вы храпѣли.

— Что же,—спросилъ я, удивленный его испуганнымъ и мрачнымъ лицомъ,—развѣ нельзя храпѣть?

Онъ выглянулъ изъ-за угла скалы и знакомъ пригласилъ меня сдѣлать то же.

Стоялъ ясный, безоблачный и очень жаркій день. Долина была видна отчетливо, какъ на картинѣ. На полмилю выше на берегу потока расположились лагеремъ солдаты въ красныхъ мундирахъ. По серединѣ горѣлъ большой костеръ, у котораго нѣкоторые стряпали. Вблизи, на вершинѣ скалы почти такой же вышины, какъ наша, стоялъ часовой, и солнце играло на его оружіи. Внизъ по теченію потока стояли на постахъ часовые, то близко другъ къ другу, то на нѣкоторомъ разстояніи; одни, какъ первый, помѣщались на возвышеніяхъ, другіе шагали внизу взадъ и впередъ, встрѣчаясь на полдорогѣ. Выше по теченію, въ мѣстности болѣе открытой, сторожевая цѣпь поддер-

живалась конными солдатами, и мы видѣли, какъ они вдали разъѣзжали взадъ и впередъ. Ниже стояли цѣпью пѣхотинцы; но такъ какъ потокъ здѣсь неожиданно расширялся отъ впаденія значительнаго ручья, то они были расположены на большихъ разстояніяхъ и оберегали только броды и камни, служившіе для переправы.

Я только разъ взглянулъ на нихъ и снова улегся на свое мѣсто. Странно было видѣть, что эта долина, такая безлюдная на разсвѣтѣ, теперь сверкала оружіемъ и пестрѣла красными мундирами и штанами.

— Вы видите,—сказалъ Аланъ,—вотъ чего я боялся, Давидъ: что они будутъ сторожить берегъ потока. Они начали появляться уже два часа тому назадъ. Ужъ и мастеръ же вы спать, милый мой. Мы теперь въ опасномъ мѣстѣ. Если они взберутся на уступы горъ, то могутъ увидѣть насъ въ зрительную трубу; но если они останутся въ глубинѣ долины, мы пока еще продержимся. Посты рѣже внизу, и ночью мы попытаемся пробраться мимо нихъ.

— А что же намъ дѣлать до наступленія ночи?—спросилъ я.

— Лежать здѣсь,—сказалъ онъ,—и печься.

Это слово «печься» дѣйствительно всего яснѣе выражало наше состояніе въ продолженіе дня, который намъ предстояло провести. Надо припомнить, что мы лежали на голой вершинѣ скалы, точно рыба на сковородѣ. Солнце жестоко палило насъ. Скала такъ раскалилась, что едва можно было прикоснуться къ ней. А на маленькомъ клочкѣ земли и папоротникахъ, гдѣ было свѣжѣе, могъ помѣститься только одинъ человѣкъ. Мы поочереди лежали на раскаленной скалѣ, и это дѣйствительно напоминало положеніе святого, замученнаго на рашперѣ. Мнѣ пришло въ голову странное несоотвѣтствіе: въ томъ же самомъ климатѣ нѣсколько дней тому назадъ я жестоко страдалъ отъ холода на моемъ островѣ, а теперь мнѣ приходилось жариться на этой скалѣ.

Все это время у насъ не было воды, а только чистая водка для питья, а это было хуже, чѣмъ ничего. Но мы старались держать бутылку возможно прохладнѣе, зарывая ее въ землю, и получали нѣкоторое облегченіе, смачивая водкой грудь и виски.

Солдаты весь день продолжали расхаживать въ глубинѣ долины, то смѣняя часовыхъ, то обыскивая скалы. Послѣднихъ было кругомъ такое множество, что искать между ними людей было такъ же легко, какъ иголку въ охапкѣ сѣна. Это было настолько безполезное занятіе, что солдаты исполняли его безъ особеннаго старанія. Однако, мы видѣли, какъ они иногда погружали въ верескъ штыки, и я чувствовалъ холодную дрожь во всемъ тѣлѣ. Иногда они подолгу не отходили отъ нашей скалы, такъ что мы едва смѣли дышать.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я въ первый разъ услышалъ настоящій англійскій говоръ.

Одинъ солдатъ, проходя мимо, дотронулся до нашей скалы па солнечной сторонѣ и сейчасъ же отдернулъ руку съ ругательствомъ.

— И накалилась же она, скажу вамъ!—воскликнулъ онъ.

И меня удивили короткіе звуки и скучное однообразіе его рѣчи, а также странная манера выпускать букву «h». Правда, я слыхалъ Рэнсома; но онъ позаимствовалъ свой говоръ отъ разнаго люда, и я большею частью приписывалъ недостатки рѣчи его дѣтскому возрасту. Поэтому я такъ удивлялся, услышавъ ту же манеру разговора въ устахъ взрослаго человѣка. Дѣйствительно, я никогда не могъ привыкнуть какъ къ этому, такъ и къ англійской грамматикѣ, что очень строгій критикъ можетъ замѣтить тамъ и здѣсь въ этихъ запискахъ.

Утомленіе и страданія отъ неудобнаго пребыванія на скалѣ росли по мѣрѣ того, какъ подвигался день, такъ какъ скала становилась все горячѣй, а солнце свѣтило все ярче. Приходилось терпѣть и головокруженіе. и тошноту, и острыя, точно ревматическія, боли. Я вспомнилъ тогда и потомъ часто вспоминалъ слѣдующія строки нашего шотландскаго псалма:

Мѣсяцъ не будетъ поражать тебя ночью,
А также и солнце—днемъ.

и дѣйствительно, только благодаря Божьему милосердію, насъ не поразилъ солнечный ударъ.

Наконецъ, около двухъ часовъ положеніе наше стало невыносимо: кромѣ того, теперь надо было не только претерпѣвать мученія, но и бороться съ искушеніемъ. Солнце начинало кло-

ниться къ западу и потому на восточной сторонѣ нашей скалы показалась тѣневая полоса.

— Все равно, здѣсь умереть или тамъ,—сказалъ Аланъ и, соскользнувъ черезъ край, очутился на землѣ съ тѣневой стороны.

Я немедля послѣдовалъ за нимъ и растянулся на землѣ во всю длину, такъ какъ у меня кружилась голова и я совсѣмъ ослабъ отъ долгаго пребыванія на солнцѣ. Тутъ мы пролежали часъ или два обезсиленные, съ болью во всемъ тѣлѣ и совсѣмъ незащищенные отъ глазъ любого солдата, которому пришло бы въ голову пройти въ этомъ направленіи. Однако, ни одинъ не явился: всѣ проходили съ другой стороны, такъ что скала продолжала служить намъ защитой и въ нашемъ новомъ положеніи.

Вскорѣ мы начали набираться силъ, и, такъ какъ солдаты расположились теперь ближе къ берегу, Аланъ предложилъ отправиться въ путь. Я же въ то время боялся болѣе всего въ мірѣ очутиться снова па скалѣ и охотно согласился бы на что угодно другое. Итакъ, мы, приведя себя въ порядокъ, начали скользить одинъ за другимъ по скаламъ, то ползкомъ на животѣ въ тѣни скалъ, то со страхомъ въ душѣ перебѣгая открытое мѣсто.

Солдаты, обыскавшіе для вида эту сторону долины и, вѣроятно, сонные теперь отъ полуденной жары, утратили частью свою бдительность и дремали на постахъ, оглядывая только берега потока. Идя внизъ по долинѣ, по направленію къ горамъ, мы все время удалялись отъ нихъ. Но это было самое утомительное дѣло, въ какомъ мнѣ когда-либо приходилось участвовать. Нужно было оглядываться во всѣ стороны, чтобы оставаться незамѣченнымъ въ этой неровной мѣстности, на разстояніи окрика отъ такой массы разсѣянныхъ всюду часовыхъ. Когда намъ приходилось перебѣгать открытое пространство, требовалась не одна быстрота движенія, но и сообразительность; нужно было отдать себѣ отчетъ не только въ общемъ положеніи всей мѣстности, но и въ прочности каждаго камня, на который намъ приходилось ступать, такъ какъ день стоялъ тихій и паденіе камешка, какъ пистолетный выстрѣлъ, пробуждало эхо между холмами и утесами.

Къ закату мы уже порядочно удалились, даже при такомъ медленномъ передвиженіи, хотя часовые на скалѣ все еще были

ясно видны намъ. Но вдругъ мы замѣтили нѣчто, сразу заставившее насъ забыть всѣ опасенія: это былъ глубокій, стремительный ручей, мчащійся въ этой части внизъ для соединенія съ потокомъ, протекавшимъ въ долинѣ. При видѣ его мы бросились на землю и окунули голову и плечи въ воду. Не сумѣю сказать, какой моментъ былъ для насъ пріятнѣе: тотъ ли, когда холодный ручей покрылъ насъ, или тотъ, когда мы съ жадностью стали пить воду.

Мы лежали тутъ (берега закрывали насъ), снова пили, мочили себѣ грудь, опускали кисти рукъ въ проточную воду, пока ихъ начинало ломить отъ холода. Наконецъ, совершенно оправившись, мы достали мѣшокъ съ мукой и приготовили драммахъ *) въ желѣзномъ котелкѣ. Хотя это была только овсяная мука, замѣшанная на холодной водѣ, но все-таки она представляла довольно хорошее кушанье для толоднаго. Когда нѣтъ возможности развести огонь или, какъ въ нашемъ положеніи, есть причины не разводить его, такое тѣсто служитъ главной поддержкой скрывающихся въ заросляхъ.

Какъ только стало темнѣть, мы отправились дальше, сперва съ нѣкоторыми предосторожностями, а затѣмъ все смѣлѣе, поднявшись во весь ростъ и крупно шагая, какъ на прогулкѣ. Дорога была довольно трудная, извиваясь по крутымъ склонамъ горъ и по вершинамъ холмовъ. Съ закатомъ появились облака, и ночь стала темная и прохладная, такъ что я не особенно утомлялся, но постоянно боялся упасть и скатиться съ горы и не имѣлъ понятія о направленіи, куда мы шли.

Наконецъ, взошелъ мѣсяцъ и засталъ насъ еще на дорогѣ. Онъ былъ въ послѣдней четверти и долго не показывался изъ-за тучъ; но теперь онъ освѣтилъ намъ множество темныхъ горныхъ вершинъ, а далеко подъ нами отразился въ узкой излучинѣ лоха.

При этомъ мы оба остановились; я былъ пораженъ, что нахожусь такъ высоко и иду (какъ мнѣ казалось), по облакамъ; Аланъ же хотѣлъ убѣдиться въ вѣрности направленія.

Очевидно, онъ остался доволенъ и, вѣроятно, считалъ насъ далеко отъ всѣхъ нашихъ враговъ, потому что остальное время нашей ночной ходьбы насвистывалъ разныя пѣсни, жалобныя,

*) Драммахъ—мѣсиво изъ овсяной муки и воды.

Мы начали одинъ за другимъ скользить по скаламъ...

оинственныя или веселыя, плясовыя, которыя заставляли итти скорѣй. Я услышалъ также пѣсни моей родины, и мнѣ захотѣлось быть дома послѣ всѣхъ приключеній. Это развлекло насъ въ дорогѣ по темнымъ, пустыннымъ горамъ.

XXI. Бѣгство. Ущелье Корринаки.

Хотя въ іюлѣ свѣтаетъ очень рано, было еще темно, когда мы достигли мѣста своего назначенія—расщелины на вершинѣ горы, посрединѣ которой пробѣгалъ ручей, а съ правой стороны была пещера въ скалѣ. Березки образовали здѣсь рѣдкій, красивый лѣсокъ, который дальше переходилъ въ сосновый боръ. Потокъ кишѣлъ форелями, лѣсъ—дикими голубями, а вдалекѣ, на открытой сторонѣ горы, постоянно свистали дрозды и куковали кукушки. Изъ разсѣлины мы видѣли внизу часть Мамора и лохъ, отдѣляющій его отъ Аппина. Мы смотрѣли на все съ такой высоты, что любоваться этимъ видомъ служило для меня постояннымъ источникомъ удивленія и восторга.

Разсѣлина эта называлась Корринаки, и хотя, вслѣдствіе ея возвышеннаго положенія и близости къ морю, она часто закрывалась тучами, все-таки въ общемъ это было хорошее мѣсто, и пять дней, проведенныхъ тамъ, прошли пріятно.

Мы спали въ пещерѣ, закрываясь плащомъ Алана и устраивая себѣ постель изъ кустовъ вереска, которые срѣзали для этой цѣли. Въ одномъ углу ущелья было низкое закрытое мѣстечко, гдѣ мы рѣшались разводить огонь: такимъ образомъ мы могли согрѣваться, когда находили тучи, варить горячую похлебку и жарить маленькихъ форелей, которыхъ мы руками ловили подъ камнями и нависшими берегами ручья. Эта ловля служила нашимъ главнымъ занятіемъ и развлеченіемъ; не только изъ желанія сохранить муку на лучшія времена, но также и ради забавлявшаго насъ соперничества, мы проводили большую часть дня у воды, обнаженные по поясъ и ощупью отыскивая рыбу. Самая крупная изъ пойманныхъ нами вѣсила не болѣе четверти фунта, но онѣ были мясисты и вкусны, въ особенности испеченныя на угольяхъ, и заставляли сожалѣть только объ отсутствіи соли.

Въ свободное время Аланъ училъ меня обращаться со шпагой, такъ какъ мое неумѣнье приводило его въ отчаяніе. Я думаю, кромѣ того, что, замѣчая иногда мое превосходство въ рыбной ловлѣ, онъ съ радостью обратился къ упражненію, въ которомъ такъ превосходилъ меня. Онъ затруднялъ обученіе болѣе, чѣмъ слѣдовало, нападая на меня во время урока съ рѣзкимъ крикомъ и наступая такъ близко, что я боялся, какъ бы

онъ не проткнулъ меня шпагой. Мнѣ часто хотѣлось убѣжать, но я все-таки оставался на мѣстѣ, и уроки принесли мнѣ нѣкоторую пользу, научивъ обороняться съ увѣреннымъ видомъ, а иногда это все, что требуется. Итакъ, не будучи въ состояніи удовлетворить своего учителя, я самъ былъ не совсѣмъ недоволенъ собой.

Но читатель не долженъ предполагать, что мы въ это время забывали о своемъ главномъ дѣлѣ,—то есть о бѣгствѣ.

— Пройдетъ еще много дней,—сказалъ мнѣ Аланъ въ первое утро,—прежде чѣмъ солдатамъ придетъ въ голову обыскивать Корринаки, такъ что теперь намъ слѣдуетъ послать Джэмсу извѣщеніе, а онъ долженъ прислать намъ денегъ.

— А какъ мы пошлемъ извѣщеніе?—спросилъ я.—Мы здѣсь въ пустынной мѣстности, изъ которой не смѣемъ уйти; и если только вы не пошлете птицъ небесныхъ, я, право, не знаю, какъ мы можемъ это сдѣлать.

— Да?—сказалъ Аланъ.—Вы не отличаетесь изобрѣтательностью, Давидъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ погрузился въ размышленіе, глядя на пепелъ костра. Затѣмъ, взявъ кусокъ дерева, онъ сдѣлалъ изъ него крестъ, концы котораго обжегъ на угольяхъ. Потомъ немного робко взглянулъ на меня.

— Не можете ли вы уступить мнѣ пуговицу?—спросилъ онъ.—Конечно, странно спрашивать подарокъ обратно, но, сознаюсь, мнѣ жаль отрѣзать другую.

Я далъ ему пуговицу, и онъ надѣлъ ее на полоску, оторванную отъ его плаща, которой и перевязалъ крестъ; затѣмъ, прикрѣпивъ туда же вѣточку березы и сосны, съ довольнымъ видомъ взглянулъ на свою работу.

— Недалеко отъ Корринаки, — сказалъ онъ, — есть деревушка, называемая Колиснакоэнъ. Тамъ живетъ много моихъ друзей, которымъ бы я могъ довѣрить жизнь, и другіе люди, въ которыхъ я не такъ увѣренъ. Видите ли, Давидъ, за наши головы будетъ объявлена награда,—самъ Джэмсъ обѣщаетъ награду; а ужъ Кемпбелли никогда не пожалѣютъ денегъ, чтобы повредить Стюарту. Если бы дѣло обстояло иначе, я, несмотря ни на что , спустился бы въ Колиснакоэнъ и довѣрилъ бы свою жизнь этимъ людямъ такъ же свободно, какъ другому довѣрю перчатку.

— Ну, а теперь?—сказалъ я.

*

— А теперь,—отвѣчалъ онъ,—я бы скорѣе желалъ, чтобы они не видали меня. Вездѣ бываютъ дурные люди или, что еще хуже, слабые люди. Когда стемнѣетъ, я прокрадусь въ деревушку и поставлю этотъ крестъ на окно моего хорошаго друга Джона Брека Макколя, арендатора исполу въ Аппинѣ.

— Прекрасно,—сказалъ я,—и когда онъ увидитъ его, что онъ подумаетъ?

— Ну,—сказалъ Аланъ,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ болѣе проницательнымъ человѣкомъ, иначе, честное слово, боюсь, что онъ мало пойметъ! Но вотъ какъ я себѣ представляю это. Этотъ крестъ похожъ на смоляной или огненный крестъ, служащій сигналомъ для сбора нашихъ клановъ; но онъ отлично пойметъ, что кланъ не долженъ возставать, такъ какъ крестъ хотя будетъ стоять въ окнѣ, но при нёмъ не будетъ ни одного слова. Итакъ, онъ подумаетъ: «Кланъ не долженъ собираться, но что-то нужно». Тогда онъ увидитъ мою пуговицу, пуговицу Дункана Стюарта, и подумаетъ: «Сынъ Дункана въ зарусляхъ и нуждается во мнѣ».

— Хорошо,—сказалъ я,—предположимъ, что это возможно. Но вѣдь зарослей очень много отсюда до Форта.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Аланъ.—Но Джонъ Брекъ увидитъ вѣтку березы и сучекъ сосны и подумаетъ (если у него есть какая-нибудь сообразительность, въ чемъ я не сомнѣваюсь): «Аланъ прячется въ лѣсу изъ березъ и сосенъ». А затѣмъ: «Это здѣсь довольно рѣдко встрѣчается», и станетъ искать насъ въ Корринаки. А если онъ не сдѣлаетъ этого, Давидъ, то чортъ бы его побралъ совсѣмъ; онъ недостоинъ тогда посолить свою похлебку.

— Ну, любезный,—замѣтилъ я, слегка подшучивая надъ нимъ,—вы очень изобрѣтательны! Но не проще ли было бы написать ему нѣсколько словъ?

— Это прекрасное замѣчаніе, м-ръ Бальфуръ изъ Шооса,—отвѣчалъ Аланъ насмѣшливо.—Для меня было бы, конечно, гораздо проще написать, но Джону Бреку было бы нелегко прочесть это: ему пришлось бы походить въ школу года два-три, и мы, вѣроятно, устали бы ждать его.

Итакъ, ночью Аланъ понесъ внизъ свой огненный крестъ и поставилъ его въ окно арендатора. Онъ вернулся въ тревогѣ: почуявъ его, собаки залаяли, и народъ выбѣжалъ изъ домовъ;

Онъ погрузился въ размышленія, глядя на пепелъ.

ему даже послышался звонъ оружія и показалось, что солдатъ подходилъ къ одной изъ дверей. Во всякомъ случаѣ, мы на слѣдующій день не выходили изъ лѣса и внимательно наблюдали,

такъ что, если бы пришелъ Джонъ Брекъ, мы могли бы указать ему путь, а если бы пришли красные мундиры, у насъ не хватило бы времени уйти.

Около полудня можно было разглядѣть человѣка, плетущагося по освѣщенному солнцемъ открытому склону горы и оглядывавшагося вокругъ, заслоняя глаза рукой. Едва замѣтивъ его, Аланъ свистнулъ; человѣкъ повернулся и направился къ намъ. Тогда Аланъ свистнулъ еще разъ, и человѣкъ подошелъ еще ближе. Итакъ, по свисту онъ нашелъ путь къ мѣсту, гдѣ мы находились.

Это былъ оборванный, дикаго вида бородатый человѣкъ, лѣтъ около сорока, сильно обезображенный оспой и выглядѣвшій мрачнымъ и нелюдимымъ. Хотя по-англійски онъ говорилъ плохо и отрывочно, Аланъ (по своему милому обыкновенію) въ моемъ присутствіи не позволялъ ему говорить по-гэльски. Этотъ чуждый языкъ, можетъ быть, заставлялъ его казаться еще болѣе вялымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но мнѣ показалось, что онъ мало расположенъ помогать намъ, а если помогаетъ, то изъ страха.

Аланъ желалъ, чтобы онъ передалъ словесное порученіе Джэмсу; но арендаторъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ: «Я позабуду его», сказалъ онъ крикливымъ голосомъ и рѣшительно объявилъ, что если не получитъ письма, то махнетъ на насъ рукой.

Я думалъ, что это затруднитъ Алана, потому что въ этой пустынѣ не нашлось бы принадлежностей для письма. Но у него было больше изобрѣтательности, чѣмъ я предполагалъ. Онъ сталъ обыскивать лѣсъ, пока не нашелъ пера дикаго голубя, изъ котораго сдѣлалъ перо для писанія, приготовилъ нѣчто вродѣ чернилъ изъ пороху и воды и, оборвавъ уголъ своего французскаго военнаго патента (который онъ носилъ въ карманѣ, какъ талисманъ отъ висѣлицы), сѣлъ и написалъ слѣдующее:

«Дорогой родственникъ, пришлите пожалуйста деньги съ подателемъ сего въ извѣстное ему мѣсто.

Вашъ преданный братъ А. С.».

Эту записку онъ ввѣрилъ арендатору, который, обѣщавъ поторопиться, насколько возможно, отправился съ нею внизъ.

Онъ не показывался цѣлыхъ три дня, а въ пять часовъ вечера на третій день мы услышали въ лѣсу свистъ, на который

Аланъ отвѣтилъ. Вскорѣ арендаторъ показался на берегу рѣки и, оглядываясь направо и налѣво, искалъ насъ. Онъ казался менѣе угрюмымъ, чѣмъ прежде, и, по всей вѣроятности, былъ очень радъ, что покончилъ съ такимъ опаснымъ порученіемъ

Онъ разсказалъ намъ новости: вся мѣстность кишѣла красными мундирами, каждый день находили оружіе, и бѣдный народъ былъ въ постоянной тревогѣ; Джэмсъ и нѣкоторые его

Аланъ сѣлъ и принялся за письмо...

слуги уже были заключены въ тюрьму въ фортѣ Вилліамъ, подъ сильнымъ подозрѣніемъ въ соучастничествѣ. Казалось, вездѣ носился слухъ, что выстрѣлъ произвелъ Аланъ Брекъ, и было выпущено объявленіе о немъ и обо мнѣ, въ которомъ предлагалась награда въ сто фунтовъ.

Хуже этого ничего не могло быть, и записка, принесенная арендаторомъ отъ м-ссъ Стюартъ, была крайне печальна. Въ ней она умоляла Алана спасаться отъ враговъ, увѣряя, что если онъ попадется въ руки солдатъ, то ни ему, ни Джэмсу не избѣ-

жать смерти. Деньги, присланныя ею, составляли все, что она могла выпросить или занять, и бѣдная женщина молила небо, чтобы мы могли обойтись съ ними. Подъ конецъ она писала, что прилагаетъ одно изъ объявленій, въ которыхъ описаны наши примѣты.

Мы посмотрѣли на него съ большимъ любопытствомъ и немалымъ страхомъ, отчасти какъ человѣкъ глядится въ зеркало, отчасти какъ онъ взглянулъ бы въ дуло непріятельскаго ружья, чтобы судить, вѣренъ ли прицѣлъ. Объ Аланѣ было объявлено, какъ о «небольшомъ, изрытомъ оспой, живомъ человѣкѣ, лѣтъ около тридцати пяти, носящемъ шляпу съ перьями, французскій мундиръ синяго цвѣта съ серебряными пуговицами и сильно потускнѣвшими галунами, красный жилетъ и черныя плисовыя панталоны». Меня описывали, какъ «высокаго, сильнаго, безбородаго юношу лѣтъ восемнадцати, въ старой синей, сильно истрепанной курткѣ, старой гайлэндерской шапочкѣ, длинномъ жилетъ домашняго тканья, синихъ штанахъ, съ голыми икрами и въ башмакахъ лоулэндскаго покроя, съ продранными носками, говоритъ на нарѣчіи жителей низменности».

Алану понравилось, что его изящный костюмъ такъ помнили и описали; только когда дѣло дошло до слова «потускнѣвшіе», онъ взглянулъ на свой галунъ съ огорченнымъ видомъ. Я же подумалъ про себя, что представляю въ объявленіи очень несчастную личность, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ радъ, потому что съ тѣхъ поръ снялъ эти лохмотья, и описаніе ихъ перестало быть опаснымъ, а стало, напротивъ, источникомъ спасенія.

— Аланъ,—сказалъ я, — вамъ бы слѣдовало перемѣнить одежду.

— Пустяки,—отвѣтилъ онъ,—у меня нѣтъ другой. Хорошъ бы я былъ, еслибъ вернулся во Францію въ колпакѣ!

Это навело меня на размышленіе: покинувъ Алана съ его предательской одеждой, я могъ не опасаться ареста и свободно итти по своему дѣлу. Но это еще не все: предположимъ, что я буду арестованъ одинъ—противъ меня найдется мало уликъ; но если предположить, что меня захватили въ обществѣ человѣка, принимаемаго за убійцу, мое положеніе сразу становилось очень серьезнымъ. Изъ великодушія я не высказалъ этихъ мыслей, но онѣ тѣмъ не менѣе не выходили у меня изъ головы.

Я особенно призадумался объ этомъ, когда арендаторъ вытащилъ зеленый кошелекъ съ четырьмя золотыми гинеями и ме-

мочью почти на одну гинею. Правда, это было больше, чѣмъ я самъ имѣлъ. Но зато Алану съ пятью гинеями приходилось добраться до Франціи, а мнѣ съ двумя только до Куинсферри, такъ что, судя о вещахъ пропорціонально, общество Алана могло оказаться не только опаснымъ для моей жизни, но и обременительнымъ для кармана.

Но въ честной головѣ моего товарища не было подобныхъ мыслей. Онъ вѣрилъ, что служитъ мнѣ, помогаетъ и защищаетъ меня. Что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ не молчать, сердиться и рисковать жизнью?

— Этого мало,—сказалъ Аланъ, кладя кошелекъ въ карманъ,—но съ меня хватитъ. А теперь, Джонъ Брекъ, отдайте мнѣ пуговицу, и мы съ этимъ джентльменомъ пустимся въ путь.

Но арендаторъ, пошаривъ въ волосяномъ кошелькѣ, который висѣлъ у него спереди по обычаю горцевъ (хотя онъ носилъ лоулэндскую одежду и морскіе штаны), сталъ странно ворочать глазами и, наконецъ, сказалъ: «Она, вѣрно, пропала», подразумѣвая, что онъ, вѣрно, потерялъ ее.

— Какъ,—сказалъ Аланъ,—вы потеряли пуговицу, которая прежде принадлежала моему отцу? Скажу вамъ откровенно, Джонъ Брекъ, я думаю, что это худшій поступокъ, который вы совершили съ самаго своего рожденія.

И, говоря это, Аланъ опустилъ руки на колѣно и смотрѣлъ на арендатора съ насмѣшливо улыбающимся ртомъ, а въ глазахъ у него замелькалъ огонекъ, появлявшійся въ минуты злобы.

Можетъ быть, арендаторъ былъ и честный человѣкъ; можетъ быть, онъ сперва хотѣлъ смошенничать, затѣмъ, видя, что насъ двое противъ его одного въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, нашелъ болѣе безопаснымъ остаться честнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ сразу нашелъ пуговицу и отдалъ ее Алану.

— Это спасаетъ честь Макколей,—сказалъ Аланъ; затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—Вотъ вамъ моя пуговица обратно и благодарю васъ за то, что вы разстались съ ней; это одна изъ вашихъ многихъ услугъ мнѣ.—Затѣмъ онъ тепло попрощался съ арендаторомъ.—Вы поступили со мной очень честно,—сказалъ онъ,—подвергая свою голову опасности, и я всегда буду считать васъ хорошимъ человѣкомъ.

Наконецъ, арендаторъ ушелъ по одному направленію, а мы съ Аланомъ (собравъ свои пожитки) возобновили наше бѣгство въ другую сторону.

XXII. Бѣгство. Степь.

Послѣ болѣе чѣмъ одиннадцатичасовой непрерывной тяжелой ходьбы мы достигли рано утромъ конца горнаго кряжа. Передъ нами лежала площадь низменной, неровной, пустынной страны, которую намъ приходилось пересѣчь. Солнце появилось недавно и свѣтило намъ прямо въ глаза; легкій, прозрачный туманъ точно дымокъ поднимался съ поверхности болота, такъ что (какъ говорилъ Аланъ) тутъ могло быть двадцат эскадроновъ драгунъ, и мы не узнали бы объ этомъ.

Въ ожиданіи, когда разсѣется туманъ, мы усѣлись во впадинѣ на склонѣ холма, приготовили себѣ драммахъ и держали военный совѣтъ.

— Давидъ,—сказалъ Аланъ,—трудновато рѣшить, лежать ли намъ тутъ до ночи или рискнуть и итти впередъ?

— Ну,—отвѣтилъ я,—положимъ, я усталъ, но если нужно, то могу пройти еще столько же.

— Да, но это не все,—сказалъ Аланъ,—и даже не половина. Дѣло вотъ въ чемъ: Аппинъ для насъ вѣрная смерть. Къ югу все принадлежитъ Кемпбеллямъ, и объ этомъ нечего и думать. Къ сѣверу... но мы ничего не выиграемъ, идя къ сѣверу: вамъ нужно попасть въ Куинсферри, а мнѣ во Францію. Итакъ, намъ остается отправиться на востокъ.

— Отлично! На востокъ такъ на востокъ,—сказалъ я весело, но самъ думалъ: «Любезный мой, если бы вы придерживались одного направленія и позволили бы мнѣ итти по другому, было бы лучше для насъ обоихъ».

— Но видите, Давидъ,—продолжалъ Аланъ,—разъ мы пойдемъ на востокъ, въ эту степь, то попадемъ въ настоящую ловушку. Куда повернуть на этомъ обнаженномъ, плоскомъ мѣстѣ? Если солдаты станутъ на холмѣ, то увидятъ насъ за нѣсколько миль; и главное горе въ томъ, что они на лошадяхъ и скоро догонятъ насъ. Это скверное мѣсто, Давидъ, и, говорю откровенно, днемъ оно хуже, чѣмъ ночью.

— Аланъ,—сказалъ я,—выслушайте мое мнѣніе. Въ Аппинѣ насъ ожидаетъ смерть; у насъ нѣтъ ни лишнихъ денегъ, ни даже муки; чѣмъ дольше солдаты будутъ искать, тѣмъ вѣрнѣе догадаются, гдѣ мы; все это рискъ. Но я даю слово итти впередъ, пока хватитъ силъ

Аланъ былъ въ восторгѣ.

— Бываетъ иногда,—сказалъ онъ —что вы слишкомъ педантъ и вигъ для джентльмена, подобнаго мнѣ; но иногда въ васъ искрится энергія, и тогда, Давидъ, я люблю васъ, какъ брата.

Туманъ поднялся и разсѣялся, и мы увидѣли предъ собою поверхность, обширную, какъ море. Слышенъ былъ только крикъ болотной птицы, а далеко на востокѣ двигалось стадо оленей, казавшихся точками. Большая часть равнины краснѣла верескомъ, остальная была перерѣзана болотами и торфяными ямами; на нѣкоторомъ пространствѣ она чернѣла отъ степного пожара, а мѣстами виднѣлись цѣлые лѣса сухихъ деревьевъ, стоявшихъ точно скелеты. Едва ли кто-нибудь видѣлъ болѣе унылую пустыню; но, по крайней мѣрѣ, тамъ не было солдатъ, а это было самое важное.

Благодаря этому, мы спустились въ пустошь и продолжали свой трудный, извилистый путь по направленію къ востоку. Кругомъ (читатель, вѣрно, помнитъ) были вершины горъ, откуда насъ каждую минуту могли увидѣть. Поэтому намъ слѣдовало держаться углубленныхъ частей пустоши, а когда онѣ отклонялись отъ нашего пути, то съ безконечными предосторожностями пересѣкать открытое мѣсто. Иногда мы цѣлые полчаса должны были ползти отъ одного куста вереска къ другому, какъ охотники, преслѣдующіе краснаго звѣря. День снова былъ ясный, солнце палило; вода въ водочной бутылкѣ скоро истощилась. И если бы я впередъ зналъ, каково половину пути ползти на животѣ, а большую часть другой половины итти, согнувшись почти вдвое, то, разумѣется, отказался бы отъ такого ужаснаго предпріятія.

Утомляясь, отдыхая и снова уставая, мы прошли все утро и около полудня легли спать въ густыхъ кустахъ вереска. Аланъ первый сталъ сторожить, и мнѣ показалось, что я едва успѣлъ закрыть глаза, какъ онъ разбудилъ меня, чтобы смѣниться. У насъ не было часовъ, и Аланъ воткнулъ въ землю сучекъ вереску, чтобы замѣнить ихъ, такъ что, когда тѣнь отъ куста, падая къ востоку, дойдетъ до этого мѣста, я долженъ былъ разбудить его. Но я чувствовалъ себя настолько утомленнымъ, что могъ бы проспать двѣнадцать часовъ подъ-рядъ; всѣ мои суставы спали, даже когда умъ бодрствовалъ. Горячій запахъ вереска, жужжаніе дикихъ пчелъ совершенно усыпляли меня. Отъ времени до времени я вздрагивалъ и тогда замѣчалъ, что дремлю.

Когда я проснулся въ послѣдній разъ, мнѣ показалось, что я возвращаюсь откуда-то издалека. Солнце, подумалъ я, ушл что-то очень впередъ. Посмотрѣвъ на сучекъ вереска, я чуть не вскрикнулъ, такъ какъ понялъ, что не оправдалъ довѣрія Алана. Я почти потерялъ голову отъ страха и стыда; но когда окинулъ взглядомъ пустошь, то увидѣлъ тамъ нѣчто, отъ чего мое сердце замерло въ груди: во время моего сна сюда спустилась группа конныхъ солдатъ, которые приближались къ намъ съ юго-востока, разсѣянные въ формѣ вѣера и осматривавшіе тѣ мѣста, гдѣ верескъ былъ выше и гуще.

Когда я разбудилъ Алана, онъ сперва взглянулъ на солдатъ затѣмъ на замѣтку и положеніе солнца и, наморщивъ брови, бросилъ на меня быстрый взглядъ, одновременно злой и озабоченный: это былъ весь его упрекъ мнѣ.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросилъ я.

— Намъ надо изображать зайцевъ,—сказалъ онъ.—Видите вы ту гору?—спросилъ онъ, указывая на сѣверо-востокъ

— Да,—сказалъ я.

— Ну,—продолжалъ онъ,—направимся туда. Имя ея—Бэнъ-Альдеръ; это дикая, пустынная гора, испещренная уступами и впадинами, и если мы достигнемъ ея до утра, мы еще не погибли.

— Но, Аланъ,—замѣтилъ я,—намъ тогда придется пересѣчь дорогу солдатамъ!

— Я это отлично знаю,—отвѣчалъ онъ.—Но если насъ оттѣснятъ къ Аппину, намъ обоимъ не избѣжать смерти. А теперь, Давидъ, проворнѣе!

Съ этими словами онъ побѣжалъ впередъ на четверенькахъ съ невѣроятной быстротой, точно это былъ его обыкновенный способъ передвиженія. Все время онъ попрежнему поворачивалъ туда и сюда по самымъ низкимъ мѣстамъ равнины, гдѣ мы были лучше всего скрыты. На сожженныхъ или, по крайней мѣрѣ, поврежденныхъ огнемъ мѣстахъ намъ прямо въ лица (которыя были близко къ землѣ) подымалась ослѣпляющая, удушающая пыль, мелкая, какъ дымъ. Вода уже давно истощилась, а бѣготня на четверенькахъ вызывала такую ужасную слабость и усталость, что всѣ суставы болѣли, а кисти рукъ подгибались подъ тяжестью тѣла.

Положимъ, отъ времени до времени тамъ, гдѣ былъ большой кустъ вереска, мы немного отдыхали лежа и, раздвигая листья, мы оглядывались на драгунъ; повидимому, они не замѣтили насъ

такъ какъ продолжали путь прямо. Ихъ было, я думаю, полъ-эскадрона; они растянулись на протяженіи двухъ миль и тщательно осматривали мѣстность по дорогѣ.

Я проснулся какъ разъ во-время; немного позже намъ пришлось бы бѣжать передъ ними, вмѣсто того, чтобъ пересѣкать имъ дорогу. Но даже и теперь малѣйшая неосторожность могла выдать насъ, и когда отъ времени до времени изъ вереска, хлопая крыльями, поднимался тетеревъ, мы лежали тихо, какъ мертвецы, боясь дышать.

Кругомъ были вершины горъ...

Усталость всѣхъ членовъ, сильное сердцебіеніе и ѣдкая боль въ горлѣ и глазахъ отъ постоянной пыли и золы вскорѣ стали до того нестерпимы, что я бы охотно все бросилъ. Но страхъ предъ Аланомъ придавалъ мнѣ достаточно мужества, чтобы продолжать путь. Что же касается его (вы должны помнить, что ему мѣшалъ плащъ), онъ сперва страшно покраснѣлъ, но позже у него на лицѣ появились бѣлыя пятна; онъ тяжело дышалъ съ какимъ-то свистомъ, а голосъ его, когда онъ шепталъ мнѣ на ухо замѣчанія во время остановокъ, звучалъ совсѣмъ не по-человѣчески. Но онъ, казалось, не падалъ духомъ и нисколько не утратилъ охоты

къ дѣятельности, такъ что я долженъ былъ удивляться выносливости этого человѣка.

Наконецъ, при первыхъ признакахъ наступленія ночи мы услышали звукъ трубы и, взглянувъ изъ вереска назадъ, увидѣли, что эскадронъ стягивается. Немного позже солдаты зажгли огонь и расположились на ночь лагеремъ посрединѣ пустоши.

Тутъ я сталъ просить Алана позволить прилечь и уснуть.

— Ночью мы спать не будемъ! — сказалъ онъ. — Съ сегодняшняго дня эти проклятые драгуны окружатъ равнину, и никто не проберется изъ Аппина, кромѣ птицъ. Мы успѣли пройти какъ разъ во-время и неужели будемъ рисковать теперь тѣмъ, чего достигли? Нѣтъ, когда день настанетъ, онъ найдетъ насъ въ безопасномъ мѣстѣ на Бэнъ-Альдерѣ.

— Аланъ,—сказалъ я,—право, я не преувеличиваю, говоря, что у меня не хватаетъ силъ. Еслибъ я могъ, я пошелъ бы, но увѣряю васъ, не могу больше.

— Хорошо,—отвѣтилъ Аланъ,—я понесу васъ.

Я посмотрѣлъ, не шутитъ ли онъ, но онъ былъ совершенно серьезенъ, и видъ такой рѣшимости пристыдилъ меня.

— Ведите дальше,—воскликнулъ я,—я буду слѣдовать за вами!

Онъ взглянулъ на меня, какъ бы говоря: «Хорошо сказано, Давидъ!», и поспѣшно направился впередъ.

Съ наступленіемъ ночи стало прохладнѣе и темнѣе (но не особенно), небо было безоблачно. Стояло начало іюля, и мѣстность эта лежала далеко на сѣверѣ. Зимой среди дня бываетъ темнѣе, чѣмъ въ такую ночь, когда съ хорошими глазами можно читать. Выпала сильная роса и смочила пустошь точно дождемъ, что на время освѣжило меня. Когда мы останавливались передохнуть, и у меня было время осмотрѣться кругомъ и замѣтить ясность и теплоту ночи, очертанія какъ бы сонныхъ холмовъ, костеръ, постепенно уменьшавшійся, какъ яркое пятно посреди пустоши, на меня нападала какая-то злоба, что я все еще долженъ тащиться въ мученіяхъ и глотать пыль, точно червякъ.

Судя по тому, что я читалъ въ книгахъ, я предполагаю, что мало кто изъ владѣющихъ перомъ когда-нибудь дѣйствительно уставалъ, иначе они описали бы это сильнѣе. Я не заботился тогда о своей жизни и едва помнилъ, что существуетъ Давидъ Бальфуръ. Я забывалъ о себѣ и только съ отчаяніемъ думалъ о

каждомъ новомъ шагѣ, который, казалось мнѣ, будетъ послѣднимъ, и съ ненавистью объ Аланѣ, бывшемъ причиной всему. Аланъ, какъ военный, былъ на своемъ мѣстѣ—вѣдь офицерская обязанность заставляетъ людей дѣлать, не разсуждая, то, чего они не понимаютъ и не желаютъ, и когда они, будь имъ предоставленъ выборъ, предпочли бы остаться на мѣстѣ и быть убитыми. А я былъ бы довольно хорошимъ рядовымъ, потому что въ эти послѣдніе часы мнѣ и въ голову не приходило выбирать: я только повиновался, пока былъ на это способенъ, и готовъ былъ умереть, повинуясь.

Мнѣ казалось, что прошли годы, прежде чѣмъ начало свѣтать. Къ этому времени мы уже миновали наибольшую опасность и могли итти, какъ люди, на ногахъ, а не ползти, какъ скоты. Но, Боже милостивый, на кого мы, должно быть, были похожи, качаясь, какъ старики, спотыкаясь, какъ дѣти, и блѣдные, точно мертвецы! Мы не произносили ни слова, и оба, стиснувъ зубы, смотрѣли прямо впередъ, поднимали ногу и снова опускали ее, какъ автоматы. Все это время въ верескѣ кричали тетерева, и на востокѣ медленно свѣтлѣло.

Мое утвержденіе, будто Аланъ чувствовалъ то же, что и я, совсѣмъ не доказываетъ, что я наблюдалъ за нимъ: мнѣ трудно было усмотрѣть и за своими ногами. Но, очевидно, онъ одурѣлъ отъ усталости, какъ и я, и такъ же мало смотрѣлъ, куда мы идемъ, иначе мы не попали бы въ засаду, точно слѣпцы.

Это случилось слѣдующимъ образомъ. Мы спускались съ поросшей верескомъ покатости. Аланъ впереди, а я за нимъ шагахъ въ двухъ, точно странствующій скрипачъ и его жена, какъ вдругъ въ верескѣ что-то зашуршало, оттуда выскочило трое или четверо оборванцевъ, а въ слѣдующую минуту мы лежали на спинахъ, и къ горлу нашему было приставлено по кинжалу.

Мнѣ, помнится, было все равно; страданіе отъ этого грубаго обращенія было совершенно поглощено страданіями, которыя я уже раньше испытывалъ. Я даже радовался, что не надо итти, и не обращалъ вниманія на кинжалъ. Я лежалъ, глядя въ лицо человѣка, державшаго меня, и помню, что оно почернѣло отъ загара, а глаза были очень свѣтлы; но я не боялся его. Я слышалъ, какъ Аланъ шептался съ другимъ человѣкомъ по-гэльски, но о чемъ они говорили, было для меня безразлично.

Наконецъ, кинжалы поднялись, оружіе у насъ отняли, и насъ посадили другъ противъ друга среди вереска.

— Это люди Клюни,—сказалъ Аланъ.—Мы не могли попасть удачнѣе. Намъ нужно остаться здѣсь, на его передовыхъ постахъ, пока они не дадутъ знать начальнику о моемъ прибытіи.

Клюни Макферсонъ, начальникъ клана Воурихъ, былъ однимъ изъ предводителей великаго возстанія. Шесть лѣтъ тому назадъ голова его была оцѣнена, и я предполагалъ, что онъ давно уже во Франціи, съ остальными главарями этой отчаянной партіи. Какъ я ни усталъ, но удивленіе по поводу слышаннаго наполовину привело меня въ себя.

— Что?—воскликнулъ я.—Развѣ Клюни все еще здѣсь?

— Да, онъ здѣсь,—сказалъ Аланъ.—Онъ здѣсь, въ своей странѣ, подъ защитой своего клана. Король Георгъ не можетъ защитить лучше.

Я, вѣроятно, сталъ бы разспрашивать далѣе, но Аланъ прервалъ меня.

— Я порядочно усталъ,—сказалъ онъ,—и очень бы хотѣлъ уснуть.—И съ этими словами онъ легъ лицомъ въ высокій кустъ вереска и, кажется, сейчасъ же заснулъ.

Но для меня это было невозможно. Слыхали вы, какъ лѣтомъ въ травѣ трещатъ кузнечики? Не успѣлъ я закрыть глаза, какъ вокругъ головы, туловища, кистей рукъ какъ бы запрыгали трещавшіе кузнечики. Я долженъ былъ сейчасъ же открывать глаза, метался, вставалъ и снова ложился, смотрѣлъ на ослѣплявшее меня небо и на грязныхъ, дикихъ часовыхъ Клюни, выглядывавшихъ изъ-за вершины склона и болтавшихъ по-гэльски.

Такимъ образомъ, я не могъ отдохнуть, пока не вернулся посланный, и такъ какъ оказалось, что Клюни будетъ очень радъ принять насъ, то мы опять должны были подняться на ноги и отправиться въ путь. Аланъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, совершенно освѣжился сномъ, проголодался и съ удовольствіемъ предвкушалъ выпивку и горячіе битки, о чемъ посланный, очевидно, сообщилъ ему. Мнѣ же дѣлалось тошно при одной мысли о ѣдѣ. Прежде я чувствовалъ ужасную тяжесть, теперь же ощущалъ странную легкость, отъ которой не могъ ходить. Меня гнало, какъ паутину, земля казалась мнѣ облакомъ, холмы легкими, какъ перья, въ воздухѣ мнѣ чувствовалось теченіе, точно бѣжавшій ручей, носившее меня изъ стороны въ сторону. Вслѣдствіе этого мною овладѣло какое-то безотчетное отчаяніе, и я готовъ былъ плакать надъ собственной безпомощностью.

Я замѣтилъ, что, глядя на меня, Аланъ нахмурилъ брови, и подумалъ, что онъ сердится. Тогда я почувствовалъ приступъ малодушнаго, точно дѣтскаго страха. Помню, что я улыбался и, какъ ни старался, не могъ перестать улыбаться, хотя сознавалъ, что это совсѣмъ некстати въ такое время. Но мой товарищъ былъ, какъ всегда, добръ ко мнѣ; черезъ минуту двое людей схватили меня подъ руки и потащили впередъ очень быстро (какъ мнѣ казалось, хотя, я думаю, въ дѣйствительности это происходило довольно медленно) чрезъ цѣлый лабиринтъ унылыхъ долинъ и впадинъ въ глубину мрачныхъ горъ Бэнъ-Альдеръ.

XXIII. «Клѣтка Клюни».

Наконецъ, мы подошли къ подошвѣ горы, покрытой лѣсомъ, который поднимался по крутому склону, а за нимъ высился обнаженный отвѣсный утесъ.

— Это здѣсь,—сказалъ одинъ изъ проводниковъ, и мы стали взбираться по склону.

Деревья цѣплялись по откосу, какъ матросы по вантамъ корабля, и корни ихъ образовали какъ бы перекладины лѣстницы, по которымъ мы поднимались.

Наверху, почти у самаго мѣста, гдѣ скалистый утесъ возвышался надъ деревьями, мы увидѣли странный домъ, извѣстный кругомъ подъ названіемъ: «Клѣтка Клюни». Стволы нѣсколькихъ деревьевъ были переплетены поперекъ, въ промежуткахъ между ними стѣны укрѣплены стойками, а почва за этой баррикадой выровнена насыпкой земли, такъ что образовался полъ. Дерево, росшее на склонѣ, служило живымъ устоемъ для крыши. Стѣны были сплетены изъ прутьевъ и покрыты мхомъ. Домъ, по формѣ, немного походилъ на яйцо и не то стоялъ, не то висѣлъ на этомъ крутомъ, покрытомъ деревьями склонѣ, точно осиное гнѣздо въ зеленомъ боярышникѣ.

Внутри домъ былъ достаточно просторенъ, чтобы съ нѣкоторымъ удобствомъ пріютить отъ пяти до шести человѣкъ. Выступъ скалы былъ остроумно приспособленъ для очага, а такъ какъ дымъ поднимался вдоль поверхности скалы и по цвѣту мало отличался отъ нея, то снизу ничего не было замѣтно.

Но Клюни скрывался не только въ этомъ убѣжищѣ; у него кромѣ того, были пещеры и подземелья въ разныхъ концахъ

страны, и, въ зависимости отъ донесеній своихъ развѣдчиковъ, онъ перемѣщался изъ одного мѣста въ другое по мѣрѣ того, какъ солдаты приближались или удалялись. Благодаря такому образу жизни и преданности клана, онъ остался невредимымъ во все это время, тогда какъ многіе бѣжали или были схвачены и казнены. Онъ оставался въ странѣ еще четыре или пять лѣтъ послѣ нашего посѣщенія и только по настоятельному требованію своего властелина отправился во Францію. Тамъ онъ, какъ это ни странно подумать, часто скучалъ по своей Клѣткѣ на Бэнъ-Альдерѣ и вскорѣ умеръ.

Когда мы подошли къ двери, Клюни сидѣлъ у своего очага скалы и наблюдалъ за стряпней одного изъ слугъ. Онъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто, въ какомъ-то вязанномъ колпакѣ, надвинутомъ на самыя уши, и курилъ вонючую носогрѣйку. Несмотря на это, надо было видѣть, какъ онъ поднялся съ мѣста, чтобы привѣтствовать насъ.

— Добро пожаловать, м-ръ Стюартъ,—сказалъ онъ,—вводите своего друга, имени котораго я пока не знаю.

— Какъ вы поживаете, Клюни? — сказалъ Аланъ. — Надѣюсь, что хорошо. Я счастливъ видѣть васъ и представить вамъ моего друга, Шооскаго лэрда, м-ра Давида Бальфура.

Когда мы были одни, Аланъ никогда не упоминалъ о моемъ помѣстьи безъ нѣкоторой насмѣшки, но при чужихъ провозглашалъ эти слова, точно герольдъ.

— Входите, джентльмэны,—сказалъ Клюни,—добро пожаловать въ мой домъ! Это, конечно, странное и не особено удобное жилище, но здѣсь я принималъ особу королевской крови—вы, м-ръ Стюартъ, безъ сомнѣнія, знаете, о комъ я говорю. Сперва выпьемъ за удачу, а когда у моего безрукаго слуги будутъ готовы битки, мы пообѣдаемъ и сыграемъ въ карты, какъ полагается джентльмэнамъ. Жизнь моя немного скучна,—сказалъ онъ, наливая водку,—я вижу мало общества, сижу тутъ, верчу пальцами, вспоминая великій день, который прошелъ, и жду другого великаго дня, который, какъ мы всѣ надѣемся, скоро настанетъ. Я провозглашаю тостъ: за Реставрацію!

Тутъ всѣ мы чокнулись и выпили. Увѣряю васъ, я не желалъ зла королю Георгу, но если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, то вѣроятно, поступилъ бы такъ же, какъ я. Проглотивъ водку, я почувствовалъ себя гораздо лучше, могъ видѣть и слушать,

хотя и не совсѣмъ ясно, но все-таки не испытывая прежняго безпричиннаго страха и упадка силъ.

Жилище, гдѣ мы находились, было дѣйствительно странно, такъ же какъ и его хозяинъ. За время своего долгаго укрыванія Клюни пріобрѣлъ много мелочныхъ привычекъ, точно старая дѣва. У него было особенное мѣсто, гдѣ никто другой не долженъ былъ сидѣть; Клѣтка была убрана извѣстнымъ образомъ, который никто не смѣлъ нарушать. Стряпня была однимъ изъ любимыхъ развлеченій Клюни, и даже привѣтствуя насъ, онъ все время присматривалъ за битками.

Мы узнали, что иногда, подъ прикрытіемъ ночи, онъ навѣщалъ или принималъ у себя жену и одного изъ двухъ самыхъ близкихъ друзей; но большею часть времени онъ проводилъ въ одиночествѣ и сообщался только съ часовыми и слугами, прислуживавшими ему въ Клѣткѣ. Утромъ къ нему первымъ приходилъ одинъ изъ этихъ слугъ, цырульникъ, брилъ его и разсказывалъ мѣстныя новости, которыя Клюни чрезвычайно любилъ слушать. Не было конца его вопросамъ, задаваемымъ съ дѣтскою серьезностью. Нѣкоторые отвѣты заставляли его смѣяться, какъ сумасшедшаго, и еще черезъ нѣсколько часовъ послѣ ухода цырульника онъ разражался иногда хохотомъ при одномъ воспоминаніи.

Очевидно, Клюни имѣлъ основаніе задавать вопросы, потому что, хотя находился въ заключеніи и, какъ остальные земельные собственники въ Шотландіи, лишенъ былъ парламентскимъ актомъ законныхъ правъ, но все-таки вершилъ патріархальный судъ въ своемъ кланѣ. Въ его убѣжище приходили для разбирательства споровъ. И люди его клана, издѣвавшіеся надъ рѣшеніемъ судебной палаты, отказывались отъ мести и выплачивали деньги при одномъ словѣ этого осужденнаго и преслѣдуемаго изгнанника. Когда онъ сердился, а это бывало довольно часто, онъ отдавалъ приказы и грозилъ наказаніями не хуже любого короля; слуги дрожали и скрывались отъ него, какъ дѣти отъ вспыльчиваго отца. Входя въ домъ, Клюни каждому церемонно подавалъ руку, причемъ всѣ одновременно по-военному прикасались къ своимъ шляпамъ. Такимъ образомъ, мнѣ представлялся прекрасный случай ознакомиться съ внутренней дѣятельностью гайлэндерскаго клана. Начальникъ былъ осужденъ на смерть и скрывался; земли его были отобраны; солдаты разъ-

ѣзжали повсюду въ поискахъ за нимъ, иногда на разстояніи мили отъ мѣста, гдѣ онъ находился; и послѣдній изъ оборванцевъ, которымъ Клюни давалъ совѣты и часто грозилъ, могъ бы составить состояніе, предавъ его.

Какъ только битки были готовы, Клюни собственноручно выжалъ на нихъ лимонъ (его хорошо снабжали предметами роскоши) и пригласилъ насъ сѣсть за обѣдъ.

— Они,—сказалъ онъ,—подразумѣвая битки,—такіе же, какими я угощалъ въ этомъ самомъ домѣ его королевское высочество, исключая лимоннаго сока. Въ то время мы радовались, когда могли поѣсть, и не были требовательны къ стряпнѣ. Въ сорокъ шестомъ году въ нашей странѣ было больше драгуновъ, чѣмъ лимоновъ.

Не знаю, можетъ быть, битки были дѣйствительно очень хороши, но при одномъ взглядѣ на нихъ мнѣ стало тошно, и я могъ съѣсть только очень мало. Все это время Клюни занималъ насъ разсказами о пребываніи принца Чарльза въ Клѣткѣ, подробно передавалъ подлинныя слова и, вставая съ мѣста, показывалъ намъ, гдѣ кто стоялъ. Изъ словъ его я заключилъ, что принцъ былъ любезный, живой мальчикъ, настоящій потомокъ цѣлаго ряда изящныхъ королей, но не обладалъ мудростью Соломона. Я понялъ также, что во время своего пребыванія въ Клѣткѣ онъ часто бывалъ пьянымъ, такъ что порокъ, бывшій, по многимъ извѣстіямъ, причиной его погибели, уже тогда началъ сказываться.

Не успѣли мы покончить съ ѣдой, какъ Клюни принесъ старую, захватанную, жирную колоду картъ, какую можно найти въ маленькой гостиницѣ, и глаза его разгорѣлись, когда онъ предложилъ намъ сыграть.

Мнѣ съ дѣтства внушили, что игры надо избѣгать, какъ нѣчто позорное. Мой отецъ считалъ недостойнымъ христіанина или просто джентльмэна рисковать своимъ состояніемъ и посягать на чужое посредствомъ метанія раскрашеннаго картона. Разумѣется, я могъ бы отговориться усталостью, что было достаточнымъ извиненіемъ, но я нашелъ нужнымъ объясниться. Должно быть, я страшно покраснѣлъ, но все-таки твердымъ голосомъ сказалъ имъ, что не беру на себя судить другихъ, но самъ этимъ дѣломъ никогда не занимался.

Клюни перестал тасовать карты.

— Что это такое, чортъ возьми?—сказалъ онъ.—Что это за вигскій ханжеской разговоръ въ домѣ Клюни Макферсона?

— Я за м-ра Бальфура готовъ положить руку въ огонь,—сказалъ Аланъ.—Онъ честный, храбрый джентльмэнъ! Не забывайте, кто говоритъ это; я ношу королевское имя,—прибавилъ онъ, приподнимая шляпу.—Я и мои друзья можемъ быть достойной компаніей даже для избранныхъ. Но молодой человѣкъ усталъ, и ему слѣдуетъ выспаться. Если онъ не желаетъ играть въ карты, то это не помѣшаетъ намъ сыграть вдвоемъ. А я, сэръ, умѣю и охотно сыграю въ любую игру, какую вы назовете.

— Сэръ,—сказалъ Клюни,—вы должны знать, что въ моемъ бѣдномъ домѣ всякій джентльмэнъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Если бы вашъ другъ захотѣлъ стоять на головѣ, я ничего не имѣлъ бы противъ. А если онъ, или вы, или кто-нибудь другой не совсѣмъ довольны мною, то я буду счастливъ скрестить съ нимъ шпаги.

Я вовсе не желалъ, чтобы эти друзья изъ-за меня перерѣзали другъ другу горло.

— Сэръ,—воскликнулъ я,—дѣйствительно, я очень усталъ, какъ вамъ объяснилъ Аланъ, и, кромѣ того, я могу сказать вамъ, такъ какъ у васъ самихъ могутъ быть сыновья, что обѣщалъ отцу не играть въ карты.

— Довольно, довольно,—сказалъ Клюни и указалъ мнѣ на постель изъ вереска въ углу Клѣтки. Но все-таки онъ былъ недоволенъ, искоса поглядывалъ на меня и ворчалъ. Дѣйствительно, надо сознаться, мое мнѣніе и слова, въ которыхъ я выразилъ его, отзывались пресвитеріанствомъ и были мало умѣстны между якобитами дикой Шотландіи.

Выпивъ водки и закусивъ, я почувствовалъ какую-то странную дремоту и не успѣлъ лечь на постель, какъ на меня нашло нѣчто вродѣ столбняка, который продолжался почти все время пребыванія нашего въ Клѣткѣ. Иногда я совсѣмъ приходилъ въ себя и понималъ, что происходитъ; остальное же время я только слышалъ голоса или храпъ, точно звукъ журчащей рѣки. Плэды, висѣвшіе предо мною на стѣнахъ, то уменьшались, то опять росли, словно тѣни на потолкѣ. Я, должно быть, иногда говорилъ или вскрикивалъ, потому что отъ времени до времени съ удивленіемъ слышалъ отвѣты. Я не помню никакого опредѣленнаго кошмара; я испытывалъ только постоянный мрачный

ужасъ, отвращеніе къ мѣсту, гдѣ я находился, къ постели, на которой лежалъ, къ плэдамъ на стѣнѣ, къ голосамъ, къ огню, къ самому себѣ.

Позвали цырульника, который былъ также докторомъ, чтобы прописать мнѣ лекарство. Но онъ говорилъ по-гэльски, и я ничего не понялъ изъ его словъ, а болѣзнь помѣшала мнѣ попросить перевести. Я хорошо сознавалъ, что боленъ, а остальное меня не интересовало.

Находясь въ такомъ печальномъ состояніи, я мало на что обращалъ вниманія. Но Аланъ и Клюни большую часть времени проводили за картами, и Аланъ, должно быть, сначала выигрывалъ. Я вспоминаю, что видѣлъ ихъ увлеченными игрой, причемъ на столѣ лежала блестящая кучка въ шестьдесятъ или сто гиней. Казалось страннымъ видѣть такое богатство въ гнѣздѣ, сплетенномъ изъ деревьевъ, на склонѣ утеса. Даже тогда я понималъ, что такое занятіе рискованно для Алана, у котораго не было ничего, кромѣ зеленаго кошелька и около пяти фунтовъ.

Счастье измѣнило ему, должно быть, на второй день. Около полудня меня, по обыкновенію, разбудили къ обѣду, и я, какъ и раньше, отказался отъ ѣды, но долженъ былъ выпить рюмку какой-то горькой настойки, которую мнѣ прописалъ цырульникъ. Солнце свѣтило въ открытую дверь Клѣтки, ослѣпляло и безпокоило меня. Клюни сидѣлъ у стола, вертя въ рукахъ колоду картъ. Аланъ наклонился къ моей постели, причемъ лицо его, находившееся близко отъ моихъ помутившихся отъ лихорадки глазъ, показалось мнѣ невѣроятно большимъ.

Онъ попросилъ меня ссудить его деньгами.

— На что?—спросилъ я.

— О, только взаймы,—сказалъ онъ.

— Но зачѣмъ?—повторилъ я.—Я не понимаю.

— О, Давидъ,—сказалъ Аланъ,—неужели вы пожалѣете дать мнѣ въ долгъ?

Я, навѣрное, пожалѣлъ бы, еслибъ былъ въ памяти. Но въ то время я хотѣлъ только не видѣть его лица и вручилъ ему деньги.

На утро третьяго дня, послѣ того, какъ мы провели въ клѣткѣ уже сорокъ восемь часовъ, я, проснувшись, почувствовалъ большое облегченіе, и хотя былъ еще очень слабъ, но уже видѣлъ предметы въ ихъ настоящихъ размѣрахъ и въ обыкно-

венномъ, а не фантастическомъ видѣ. Кромѣ того, у меня явился аппетитъ. Вставъ съ постели по собственному побужденію, я, какъ только мы позавтракали, вышелъ изъ Клѣтки и сѣлъ снаружи на краю лѣса. Стоялъ сѣренькій денекъ; воздухъ былъ прохладенъ и влаженъ, и я все утро просидѣлъ въ полудремотѣ, нарушаемой только развѣдчиками и слугами Клюни, приходившими съ провизіей и докладами. Въ то время кругомъ было спокойно, и можно было почти сказать, что Клюни открыто творилъ судъ.

Когда я вернулся, онъ и Аланъ, отложивъ въ сторону карты, разспрашивали слугу. Начальникъ повернулся и заговорилъ со мной по-гэльски.

— Я не говорю по-гэльски, сэръ,—сказалъ я.

Со времени происшествія съ картами все, что я говорилъ или дѣлалъ, имѣло свойство раздражать Клюни.

— Въ вашемъ имени больше смысла, чѣмъ въ васъ самихъ, сэръ,—сказалъ онъ гнѣвно,—потому что оно совершенно гэльское. Но дѣло не въ томъ. Мой развѣдчикъ доноситъ, что на югѣ мѣстность свободна. Хватитъ ли у васъ силъ итти?

Я увидѣлъ на столѣ карты, но золота не было, а на сторонѣ Клюни лежала только куча исписанныхъ бумажекъ. Кромѣ того, у Алана былъ странный взглядъ. Казалось, онъ былъ недоволенъ. И я почувствовалъ странныя опасенія.

— Я не знаю, хватитъ ли у меня силъ,—сказалъ я, глядя на Алана,—но тѣ небольшія деньги, которыя мы имѣемъ, помогутъ намъ пройти большое разстояніе.

Закусивъ нижнюю губу, Аланъ смотрѣлъ внизъ.

— Давидъ,—произнесъ онъ, наконецъ,—я проигралъ ихъ. Вотъ вамъ правда!

— И мои также?—спросилъ я.

— И ваши также,—сказалъ Аланъ со вздохомъ.—Вамъ не слѣдовало давать мнѣ; я теряю разсудокъ, когда сажусь за карты.

— Ну, ну,—сказалъ Клюни,—мы играли въ шутку. Все это пустяки! Понятно, вы получите обратно ваши деньги, и даже вдвое, если позволите. Было бы странно съ моей стороны оставить ихъ у себя. Пусть не думаютъ, что я могу затруднять джентльмэновъ въ вашемъ положеніи. Это было бы очень

странно!—кричалъ онъ и, сильно покраснѣвъ, началъ вытаскивать золото изъ кармана.

Аланъ, не говоря ни слова, продолжалъ смотрѣть внизъ.

— Угодно вамъ выйти со мной за дверъ, сэръ?—спросилъ я.

Клюни выразилъ готовность и послѣдовалъ за мною довольно охотно, но все-таки казался взволнованнымъ и разсерженнымъ.

— А теперь, сэръ,—сказалъ я,—сперва позвольте поблагодарить васъ за ваше великодушіе.

— Что за глупости!—воскликнулъ Клюни.—Въ чемъ тутъ великодушіе? Это злополучная исторія, но что же мнѣ дѣлать, заключеному въ этой Клѣткѣ, какъ не сажать за карты тѣхъ друзей, которыхъ могу заполучить? И если они проигрываютъ, то нельзя же предполагать...—здѣсь онъ остановился.

— Да,—сказалъ я, — если они проигрываютъ, вы отдаете имъ ихъ деньги; если же они выигрываютъ, то уносятъ ваши деньги въ своихъ карманахъ! Я сказалъ уже, что признаю ваше великодушіе; но мнѣ очень тяжело, сэръ, быть поставленнымъ въ такое положеніе.

Затѣмъ послѣдовало небольшое молчаніе, во время котораго Клюни все какъ будто хотѣлъ заговорить, но не сказалъ ничего. Лицо его становилось все краснѣе и краснѣе.

— Я молодъ,—продолжалъ я,—и потому прошу у васъ совѣта. Научите меня, какъ сдѣлали бы это для вашего сына. Другъ мой честно проигралъ эти деньги послѣ того, какъ честно выигралъ у васъ гораздо большую сумму; могу ли я принять ихъ обратно? Хорошо ли будетъ поступить такъ? Что бы я ни сдѣлалъ, вы сами видите, будетъ тяжело для человѣчка съ нѣкоторымъ самолюбіемъ.

— Это тяжело и для меня, м-ръ Бальфуръ! — сказалъ Клюни.—Вы, кажется, считаете меня способнымъ разорять бѣдныхъ людей. Я бы не желалъ, чтобы друзья терпѣли оскорбленія въ моемъ домѣ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ съ внезапной вспышкой гнѣва,—или наносили бы ихъ!

— Итакъ, вы видите, сэръ,—продолжалъ я,—что и я имѣлъ право кое-что возразить; эта игра плохое занятіе для джентльмэновъ. Но я все еще жду вашего мнѣнія.

Я увѣренъ, что если Клюни кого-нибудь возненавидѣлъ, то этотъ человѣкъ былъ Давидъ Бальфуръ. Онъ взглянулъ на меня съ воинственнымъ видомъ, и на его лицѣ я прочелъ вызовъ. Но

моя ли молодость или собственное чувство справедливости обезоружили его. Разумѣется, это было непріятной исторіей для всѣхъ участвующихъ, и для Клюни не менѣе другихъ, но онъ сумѣлъ съ честью выйти изъ нея.

— М-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ,—вы очень щепетильны и притомъ большой педантъ, но, несмотря на это, у васъ духъ настоящаго джентльмэна. Даю вамъ честное слово, вы можете принять эти деньги. Я посовѣтовалъ бы это своему сыну. Вотъ вамъ моя рука!

XXIV. Бѣгство. Ссора.

Аланъ и я подъ покровомъ ночи переправились черезъ Лохъ-Эррохтъ и стали спускаться по его восточному берегу къ другому убѣжищу около центра Лохъ-Ранноха, куда насъ велъ одинъ изъ слугъ Клюни. Этотъ малый несъ нашъ багажъ и плащъ Алана. Онъ шелъ бодрымъ шагомъ, какъ крѣпкій горный пони. Повидимому, ноша казалось ему легкой, тогда какъ половина такого груза заставляла меня сгибаться. А между тѣмъ, въ обыкновенной борьбѣ я могъ бы переломать ему кости.

Безъ сомнѣнія, для насъ было большимъ облегченіемъ итти безъ ноши. И, можетъ быть, только благодаря этому, а также свободѣ и легкости движеній, я могъ итти, едва оправившись отъ болѣзни, тѣмъ болѣе, что въ положеніи нашихъ дѣлъ ничто не располагало меня напрягать свои силы. Шли мы по самымъ мрачнымъ пустыннымъ мѣстностямъ Шотландіи, подъ облачнымъ небомъ, и въ сердцахъ нашихъ было мало взаимнаго сочувствія.

Долгое время мы молча шли рядомъ или гуськомъ, съ застывшимъ выраженіемъ лицъ. Я былъ сердитъ и гордился передъ своимъ товарищемъ и всю свою силу почерпалъ въ этихъ двухъ грѣшныхъ чувствахъ; Аланъ также былъ сердитъ на меня за то, что я дурно отнесся къ его поступку, и стыдился, что проигралъ мои деньги.

Мысль о разлукѣ все сильнѣе овладѣвала мной, и чѣмъ болѣе я поддавался ей, тѣмъ болѣе стыдился этого. Было бы прекрасно, великодушно, если бы Аланъ повернулся ко мнѣ и сказалъ: «Ступайте, я подвергаюсь большой опасности, и мое общество только увеличиваетъ опасность для васъ». Но мнѣ обратиться къ другу, который, конечно, любилъ меня, и сказать: «Вы находитесь въ

большей опасности, чѣмъ я, поэтому ваша дружба мнѣ въ тягость. Подвергайтесь одинъ риску и лишеніямъ!»—нѣтъ, это было невозможно, и даже при одной мысли объ этомъ щеки мои покрывались краской стыда.

Правду говоря, Аланъ поступилъ, какъ ребенокъ и (вѣрнѣе) какъ предатель. Выманить у меня деньги, пока я лежалъ почти безъ сознанія, было немногимъ лучше кражи. А между тѣмъ, онъ шагалъ рядомъ со мной, не имѣя ни пенни за душой и, какъ мнѣ казалось, вполнѣ довольный, что могъ жить на деньги, которыя онъ заставилъ меня принять, какъ милостыню. Правда, я готовъ былъ подѣлиться съ нимъ, но меня бѣсило, что онъ такъ разсчитываетъ на меня.

Таковы были мысли, наиболѣе занимавшія меня, и ни объ одной изъ нихъ я не могъ заговорить, не будучи обвиненъ въ жестокости. Поэтому я поступилъ еще хуже: не говорилъ ни слова съ моимъ товарищемъ и только искоса посматривалъ на него.

Наконецъ, на другой сторонѣ Лохъ-Эррохта, когда мы достигли мягкаго, заросшаго камышомъ пространства, гдѣ итти было легко, Аланъ не могъ долѣе выдержать и близко подошелъ ко мнѣ.

— Давидъ, — сказалъ онъ, — друзья должны иначе относиться къ такимъ пустякамъ. Сознаюсь, что я очень жалѣю и не скрываю этого. А если вы имѣете что-либо противъ меня, то лучше скажите.

— О,—сказалъ я,—я ничего не имѣю.

Онъ казался сбитымъ съ толку, а я подло обрадовался этому.

— Нѣтъ?—сказалъ Аланъ немного дрожащимъ голосомъ.— А если я сознаюсь, что былъ виноватъ?

— Разумѣется, вы были виноваты,—отвѣтилъ я холодно,— и вѣдь вамъ извѣстно, что я никогда не упрекалъ васъ.

— Никогда,—сказалъ онъ,—но вы отлично знаете, что поступали гораздо хуже. Хотите вы разстаться со мной? Вы прежде желали этого. Желаете вы этого и теперь? Между этимъ мѣстомъ и моремъ достаточно холмовъ и вереска, Давидъ. И я долженъ сознаться, что не особенно стремлюсь оставаться тамъ, гдѣ во мнѣ не нуждаются.

Эти слова задѣли меня за живое, и я далъ волю своему вѣроломству.

— Аланъ Брекъ,—воскликнулъ я,—неужели вы думаете, что я отвернусь отъ васъ въ минуту крайней нужды? Не смѣйте говорить мнѣ этого! Все мое поведеніе доказываетъ несправедливость вашихъ словъ. Правда, я уснулъ на болотѣ, но это случилось отъ усталости, и вы несправедливо упрекаете меня въ этомъ.

— Я никогда не упрекалъ васъ,—сказалъ Аланъ.

Ссора.

— Что я сдѣлалъ,—продолжалъ я,—что бы дало вамъ право равнять меня съ собакой своимъ предположеніемъ? Я никогда не измѣнялъ другу и едва ли начну съ васъ. Насъ связываетъ многое, чего я никогда не забуду, даже если вы забудете.

— Выслушайте только одно, Давидъ,—сказалъ Аланъ очень спокойно,—вы давно уже спасли мнѣ жизнь, а теперь еще дали мнѣ деньги. Вамъ слѣдовало бы постараться облегчить мнѣ это бремя.

Слова эти должны были бы тронуть меня: они и дѣйстви-

тельно подѣйствовали на меня, но въ обратномъ смыслѣ. Я чувствовалъ, что поступаю дурно, и былъ теперь золъ не только на Алана, но также и на самого себя: это-то сознаніе дѣлало меня еще болѣе жестокимъ.

— Вы просили меня высказаться,—сказалъ я.—Хорошо, я выскажусь. Вы сами сознаете, что оказали мнѣ дурную услугу. Мнѣ пришлось перенести безчестіе, но я ни разу не упрекнулъ васъ, я ни разу не заговаривалъ объ этомъ, пока вы не начали сами. А теперь вы осуждаете меня,—почти закричалъ я,—за то, что я не могу смѣяться и пѣть, точно радуясь своему униженію! Скоро вы захотите, чтобы я всталъ на колѣни и благодарилъ васъ! Вамъ слѣдовало бы больше думать о другихъ, Аланъ Брекъ. Если бы вы думали о другихъ, вы, можетъ быть, меньше говорили бы о себѣ. И когда преданный вамъ другъ переноситъ изъ-за васъ оскорбленіе безъ слова упрека, вы должны радоваться и оставить его въ покоѣ, а не попрекать. По вашему же собственному признанію, вы были виноваты, а въ такомъ случаѣ не вамъ бы искать ссоры.

— Довольно,—сказалъ Аланъ,—я слышалъ достаточно.

И мы попрежнему молча дошли до мѣста назначенія, поужинали и легли спать, не говоря больше ни слова.

Когда на слѣдующій день стало смеркаться, мы переправились черезъ Лохъ-Раннохъ съ помощью слуги, который высказалъ также свое мнѣніе, какого пути намъ лучше держаться. Онъ совѣтовалъ сейчасъ же подняться на вершины горъ, обойти окружнымъ путемъ, огибая вершины Глэнъ-Лайонъ, Глэнъ-Лохай и Глэнъ-Дохартъ, и спуститься въ Лоулэндъ у Киппена и верховьевъ Форта. Алану не особенно нравился этотъ путь, шедшій чрезъ страну его кровныхъ враговъ, Гленорхскихъ Кемпбеллей. Онъ возражалъ, что, повернувъ къ востоку, мы почти сейчасъ же попадемъ въ страну Атольскихъ Стюартовъ, племени одного съ нимъ имени и происхожденія, хотя подчинявшагося другому начальнику, и, кромѣ того, придемъ болѣе легкимъ и короткимъ путемъ къ мѣсту нашего назначенія. Но слуга, бывшій у Клюни главнымъ развѣдчикомъ, по всѣмъ пунктамъ разбилъ его, указывая на численность войскъ въ каждомъ округѣ, и подъ конецъ доказалъ (насколько я могъ понять), что нигдѣ насъ не будетъ меньше тревожить, чѣмъ въ странѣ Кемпбеллей.

Аланъ, наконецъ, уступилъ, хотя не особенно охотно.

— Это одно изъ сквернѣйшихъ мѣстъ Шотландіи,—сказалъ онъ.—Насколько мнѣ извѣстно, тамъ нѣтъ ничего, кромѣ вереска, воронъ и Кемпбеллей. Но я вижу, что вы человѣкъ довольно проницательный, и потому пусть будетъ по вашему.

Итакъ, мы отправились по указанному пути и почти цѣлыя три ночи скитались по дикимъ горамъ и среди истоковъ горныхъ рѣкъ. Часто мы шли въ туманѣ; почти постоянно дулъ вѣтеръ, лилъ дождь, и ни разу насъ не обрадовалъ хотя бы одинъ лучъ солнца. Днемъ мы спали въ мокромъ верескѣ; ночью безъ отдыха карабкались по крутымъ скатамъ, между нагроможденными утесами. Мы часто блуждали, часто должны были останавливаться и ждать, когда разсѣется туманъ. Объ огнѣ нечего было и думать. Единственной нашей пищей служилъ драммахъ и кусокъ холоднаго мяса, которое мы захватили изъ Клѣтки; что же касается питья, то, слава Богу, въ водѣ у насъ не было недостатка.

Это было для насъ ужасное время, отчасти вслѣдствіе скверной погоды и угрюмой мѣстности, по которой мы шли. Мнѣ постоянно было холодно; зубы стучали, горло сильно болѣло, также какъ на островѣ; въ боку безпрерывно мучительно кололо. Когда я спалъ на своей мокрой постели, въ то время, какъ дождь лилъ сверху, а грязь тихо сочилась подо мной, я въ воображеніи переживалъ худшія минуты своихъ приключеній. Мнѣ представлялась башня въ Шоосѣ, освѣщенная молніей, Рэнсомъ, несомый на спинахъ матросовъ, Шуэнъ, умирающій на полу рубки, и Колинъ Кемпбелль, старающійся разстегнуть свою одежду. Отъ такого тревожнаго сна я пробуждался во паракѣ для того, чтобы сидѣть въ той же грязи и поужинать холоднымъ драммахомъ; дождь рѣзко хлесталъ мнѣ въ лицо или ледяными струйками сбѣгалъ по спинѣ, а туманъ стоялъ вокругъ насъ, точно стѣна. Когда же дулъ вѣтеръ, разсѣивая внезапно мглу, онъ открывалъ передъ нами пропасть темной долины, гдѣ громко журчали ручьи.

Шумъ безчисленныхъ потоковъ слышался отовсюду. Отъ постояннаго дождя всѣ горные ключи разлились; всѣ долины наполнились водой, точно водоемы; въ каждомъ потокѣ вода высоко поднялась, переполнила русло и выступила изъ береговъ. Во время нашей ночной ходьбы мы слышали то торжественный гулъ

воды внизу въ долинахъ, то ревъ, точно громъ, злобно низвергавшихся потоковъ. Я тогда отлично понялъ «водяного духа», демона потоковъ, про котораго говорится въ сказкахъ, что онъ рыдаетъ и реветъ у брода, пока не подойдетъ обреченный на гибель путешественникъ. Мнѣ казалось, что Аланъ вѣрилъ этому или почти вѣрилъ; и когда шумъ рѣки становился громче обыкновеннаго, я безъ движенія (но съ негодованіемъ) замѣчалъ, что онъ крестится по-католически.

Въ продолженіе этихъ ужасныхъ странствованій между мною и Аланомъ не было короткихъ отношеній; мы рѣдко даже разговаривали. Правда, я чувствовалъ, что близокъ къ смерти, и это могло служить мнѣ лучшимъ извиненіемъ. Но, кромѣ того, я отъ рожденія не умѣлъ прощать. Я не оскорблялся изъ-за пустяковъ, но зато долго не могъ забыть оскорбленія. Теперь же я былъ раздраженъ, какъ противъ своего товарища, такъ и противъ самого себя. Въ продолженіе этихъ двухъ дней онъ былъ очень внимателенъ и хотя молчалъ, но постоянно былъ готовъ помочь мнѣ, видимо надѣясь, что мое неудовольствіе пройдетъ. Въ теченіе того же времени я неизмѣнно разжигалъ свою злобу, грубо отказывался отъ услугъ Алана и обращалъ на него столько же вниманія, какъ на какой-нибудь кустъ или камень.

Во вторую ночь или, скорѣе, на разсвѣтѣ третьяго дня мы очутились на очень открытомъ склонѣ, такъ что не могли выполнить своего обычнаго плана, то есть немедленно поѣсть и лечь спать. Прежде чѣмъ мы достигли защищеннаго мѣста, предразсвѣтныя сумерки значительно разсѣялись, и хотя и продолжалъ итти дождь, но тумана не было. Аланъ, взглянувъ на меня, принялъ озабоченный видъ.

— Вамъ бы лучше отдать мнѣ свою поклажу,—сказалъ онъ чуть ли не въ десятый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ развѣдчикомъ у Лохъ-Раннoха.

— Я отлично себя чувствую, благодарю васъ,—отвѣтилъ я ледянымъ тономъ.

Аланъ сильно покраснѣлъ и сказалъ:

— Я больше не буду предлагать, Давидъ. Я не отличаюсь терпѣніемъ.

— Я никогда не говорилъ, что вы этимъ отличаетесь,—отвѣтилъ я. Это былъ грубый отвѣтъ злого ребенка.

Аланъ на это ничего не сказалъ. Но по его поведенію я по-

нялъ, что, вѣроятно, съ этой минуты, онъ простилъ себя за проступокъ у Клюни; онъ снова загнулъ свою шляпу, пошелъ весело насвистывая пѣсни, и искоса посматривалъ на меня съ вызывающей улыбкой.

На третью ночь мы должны были пересѣчь на западѣ землю Балькиддеръ. Ночь стояла ясная и холодная; въ воздухѣ чувствовался морозъ, и дулъ сѣверный вѣтеръ, разгонявшій тучи и открывавшій звѣзды. Ручьи попрежнему были переполнены и продолжали громко шумѣть среди холмовъ, но я замѣтилъ, что Аланъ не думаетъ больше о «водяномъ духѣ» и находится въ прекрасномъ настроеніи. Для меня же перемѣна погоды наступила слишкомъ поздно. Я такъ долго жилъ въ грязи, что (какъ говорится въ Библіи) самая одежда моя «внушала мнѣ отвращеніе». Я смертельно усталъ, заболѣлъ и чувствовалъ боли и дрожь во всемъ тѣлѣ; вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, и свистъ его оглушалъ меня. Въ этомъ несчастномъ положеніи я долженъ былъ выносить преслѣдованія моего товарища. Онъ говорилъ много и постоянно съ насмѣшкой, называя меня не иначе, какъ «вигъ».

— Вотъ,—говорилъ онъ, — вотъ вамъ прекрасный случай прыгнуть, любезный вигъ. Я знаю, что вы славно прыгаете!— и т. д.

Все это говорилось съ издѣвательствомъ и насмѣшливымъ выраженіемъ лица.

Я зналъ, что самъ, а ни кто другой, вызвалъ такое обращеніе, но чувствовалъ себя слишкомъ несчастнымъ, чтобы раскаиваться. Я сознавалъ, что мнѣ недолго оставалось тащиться: скоро мнѣ придется лечь и умереть на этихъ мокрыхъ вершинахъ, какъ овцѣ или лисицѣ, и мои кости побѣлѣютъ тутъ, какъ кости безсловеснаго животнаго. Можетъ быть, въ этомъ было много ребячества, но мнѣ начинала нравиться эта перспектива; я сталъ гордиться при мысли, что умру одиноко въ пустынѣ, и дикіе орлы будутъ осаждать меня въ послѣднія минуты. «Аланъ тогда раскается,—думалъ я.—Когда я умру, онъ вспомнитъ, сколькимъ обязанъ мнѣ, и воспоминаніе это будетъ для него пыткой». Итакъ, я шелъ, какъ больной, озлобленный безсердечный школьникъ, разжигая въ себѣ злобу къ ближнему, тогда какъ мнѣ слѣдовало бы стоять на колѣняхъ и умолять Бога о помилованіи. И при каждой насмѣшкѣ Алана я радовался: «А,—

думалъ я,—у меня для васъ на-готовѣ еще лучшая отплата; когда я буду лежать мертвымъ, моя смерть будетъ вамъ пощечиной. Какая месть! Да, вы будете жалѣть о своей неблагодарности и жестокости».

Все это время мнѣ становилось все хуже и хуже. Разъ я упалъ, такъ какъ ноги прямо заплетались, и это на минуту поразило Алана. Но я быстро всталъ и продолжалъ дорогу какъ ни въ чемъ не бывало, такъ что онъ скоро забылъ этотъ случай. Я чувствовалъ то жаръ, то сильный ознобъ и почти невыносимыя колотья въ боку. Наконецъ, я началъ сознавать, что не могу тащиться дальше, и вмѣстѣ съ тѣмъ у меня внезапно явилось желаніе вызвать Алана, дать выходъ моей злобѣ и поскорѣе покончить съ жизнью. Онъ только что назвалъ меня «вигомъ». Я остановился.

— М-ръ Стюартъ,—сказалъ я голосомъ, дрожавшимъ, какъ струна,—вы старше меня и должны бы были знать хорошіе пріемы. Неужели вы считаете остроумнымъ попрекать меня моими политическими воззрѣніями? Я думалъ, что если джентльмэны и ссорятся, то дѣлаютъ это вѣжливо. Если бы я не думалъ такъ, то сумѣлъ бы подсмѣиваться не хуже васъ.

Аланъ остановился предо мной, склонивъ голову на бокъ. Его шляпа была загнута, и руки спрятаны въ карманы брюкъ. Онъ слушалъ съ злою улыбкою, которую я разглядѣлъ при свѣтѣ звѣздъ; и когда я окончилъ, началъ насвистывать якобитскую пѣсню, сочиненную въ насмѣшку надъ пораженіемъ генерала Копа при Престонъ-Пансѣ:

Эй, Джонни Копъ, ты еще идешь?
Барабаны твои еще бьютъ?

Мнѣ пришло въ голову, что въ день этой битвы Аланъ сражался на сторонѣ короля.

— Зачѣмъ вы свистите эту пѣсню, м-ръ Стюартъ?—сказалъ я.—Для того ли, чтобы напомнить мнѣ, что вы терпѣли пораженіе на обѣихъ сторонахъ?

Пѣсня замолкала на губахъ Алана.

— Давидъ!—сказалъ онъ.

— Пора покончить съ такимъ обращеніемъ, — продолжалъ я;—я хочу сказать, что вы впредь должны учтиво выражаться о моемъ королѣ и о моихъ добрыхъ друзьяхъ Кемпбелляхъ.

*

— Я Стюартъ...—началъ Аланъ.

— О,—сказалъ я,—знаю, что вы носите королевское имя. Но вы должны помнить, что съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Гайлэндѣ, я видѣлъ много носящихъ его. И лучшее, что я могу сказать объ этихъ людяхъ, это то, что имъ не мѣшало бы помыться.

— Понимаете ли вы, что оскорбляете меня? — спросилъ Аланъ очень тихо.

— Очень жаль,—сказалъ я,—потому что я еще не кончилъ! Если вамъ не нравится проповѣдь, то еще менѣе понравится заключеніе. За вами гнались въ полѣ взрослые люди изъ моей партіи, а вы мстите несовершеннолѣтнему. Я считаю это низкимъ. Васъ били и виги, и Кемпбелли; вы убѣгали отъ нихъ, какъ заяцъ. Вамъ подобаетъ съ уваженіемъ говорить о нихъ.

Аланъ стоялъ неподвижно, и только концы его плаща хлопали по вѣтру за его спиной.

— Очень жаль,—сказалъ онъ, наконецъ.—Есть вещи, которыя нельзя оставлять безъ вниманія.

— Я никогда не просилъ васъ объ этомъ,—сказалъ я.—Я такъ же готовъ, какъ и вы.

— Готовы?—спросилъ онъ.

— Готовъ,—повторилъ я, — я не флюгарка и не хвастунъ, какъ нѣкоторые мои знакомые. Впередъ!—И, вынувъ шпагу, я сталъ въ позицію, какъ научилъ меня самъ Аланъ.

— Давидъ!—закричалъ онъ.—Вы съ ума сошли? Я не могу нападать на васъ, Давидъ. Это будетъ преступленіемъ.

— Вы это имѣли въ виду, когда оскорбляли меня,—сказалъ я.

— Это правда!—воскликнулъ Аланъ и съ минуту стоялъ, теребя рукою губы, какъ человѣкъ въ сильномъ затрудненіи.—Это чистая правда,—повторилъ онъ и вынулъ шпагу. Но прежде чѣмъ я могъ дотронуться до ея лезвія, онъ отбросилъ ее и упалъ на землю.—Нѣтъ, нѣтъ,—повторялъ онъ,—я не могу, не могу.

Тутъ прошла моя послѣдняя злоба, и я почувствовалъ себя только больнымъ, несчастнымъ, смущеннымъ и едва понимающимъ свои поступки. Я готовъ былъ отдать весь міръ, чтобы вернуть свои слова. Но когда слово сказано, то какъ поймаешь его обратно? Я вспомнилъ прежнюю доброту и мужество Алана, вспомнилъ, какъ онъ терпѣливо помогалъ мнѣ и ободрялъ меня

въ самые тяжелые дни. Затѣмъ вспомнилъ свои собственныя оскорбленія и понялъ, что навсегда потерялъ этого честнаго друга. Въ то же время болѣзнь, мучившая меня, казалось удвоилась, и колотья въ боку стали острѣе. Мнѣ показалось, что я лишаюсь чувствъ.

Тутъ я многое понялъ. Никакое извиненіе не могло уничтожить того, что было сказано. Напрасно было надѣяться: ничего не могло смыть оскорбленія. Но тамъ, гдѣ извиненіе было напрасно, крикъ о помощи могъ вернуть мнѣ Алана. Я забылъ на минуту свое самолюбіе.

— Аланъ,—прошепталъ я,—если вы не захотите помочь мнѣ, мнѣ придется умереть здѣсь.

Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ на меня.

— Это правда,—повторилъ я,—я умираю. О, отведите меня подъ какой-нибудь кровъ, мнѣ тамъ легче будетъ умереть.

Мнѣ не было надобности притворяться; безъ всякаго желанія съ моей стороны, я говорилъ со слезами въ голосѣ, который бы разжалобилъ даже каменное сердце.

— Можете вы итти?—спросилъ Аланъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—не могу безъ вашей помощи. Въ послѣднее время у меня подкашивались ноги; въ боку у меня колетъ какъ раскаленнымъ желѣзомъ; я не могу свободно дышать. Если я умру, простите ли вы мнѣ, Аланъ? Въ душѣ я васъ очень любилъ даже въ минуты злобы.

— Тсс... тсс!..—воскликнулъ Аланъ.—Не говорите этого! Давидъ, милый, вы знаете...—Рыданія заглушили его слова.— Дайте, я обниму васъ рукой!—продолжалъ онъ.—Вотъ такъ! Теперь сильнѣе опирайтесь о меня. Богъ знаетъ, гдѣ тутъ домъ! Мы теперь въ Балькиддерѣ; тутъ должны быть дома, и даже дружескіе дома. Легче вамъ такъ итти, Дэви?

— Да, я такъ могу итти,—отвѣтилъ я, и пожалъ ему руку.

Онъ опять чуть не разрыдался.

— Дэви,—сказалъ онъ,—я дурной человѣкъ; у меня нѣтъ ни ума, ни доброты; я забылъ, что вы еще ребенокъ, я не замѣчалъ, что вы умираете на ходу. Дэви, вамъ надо постараться простить мнѣ.

— О, Аланъ, не будемъ говорить объ этомъ!—сказалъ я.— Намъ нечего стараться исправить другъ друга, вотъ что вѣрно!

Мы должны только терпѣть и щадить одинъ другого, Аланъ! О, какъ болитъ мой бокъ! Нѣтъ здѣсь жилища?

— Я найду вамъ жилище, Давидъ,—утѣшалъ онъ меня.— Мы пройдемъ вдоль ручья, гдѣ должно быть жилье. Бѣдный мой мальчикъ, не лучше ли будетъ, если я понесу васъ на спинѣ?

— О, Аланъ,—отвѣтилъ я,—вѣдь я дюймовъ на двѣнадцать выше васъ.

— Вовсе нѣтъ!—воскликнулъ Аланъ порывисто.—Вы, можетъ быть, выше на бездѣлицу, на одинъ или два дюйма; конечно, я не увѣряю, что я, что называется, великанъ!.. Впрочемъ, теперь, когда я сообразилъ,—прибавилъ онъ, и голосъ его смѣшно измѣнился,—я думаю, что вы, можетъ быть, близки къ правдѣ. Можетъ быть, вы выше на локоть или даже больше!

Было и пріятно, и смѣшно слышать, какъ Аланъ отказывался отъ своихъ словъ изъ боязни новой ссоры. Я бы разсмѣялся, если бы въ боку у меня не такъ кололо; но если бы я разсмѣялся то, я думаю, мнѣ пришлось бы и заплакать.

— Аланъ,—воскликнулъ я,—отчего вы такъ добры ко мнѣ? Отчего вы заботитесь о такомъ неблагодарномъ другѣ?

— Право, я самъ не знаю,—отвѣтилъ Аланъ,—я именно и любилъ въ васъ то, что вы никогда не ссорились; но теперь я люблю васъ еще больше!

XXV. Въ Балькиддерѣ.

У двери перваго жилища, къ которому мы подошли, Аланъ постучался, что было не особенно осторожно въ такой части Гайлэнда, какъ склоны Балькиддера. Здѣсь властвовалъ не одинъ большой кланъ, а нѣсколько мелкихъ разсѣянныхъ племенъ оспаривали другъ у друга землю. Это былъ, что называется, «безначальный народъ», вытѣсненный въ дикую мѣстность у истоковъ Форта и Тейса наступленіемъ Кемпбеллей. Здѣсь были Стюарты и Макларены, что было одно и то же, такъ какъ Маклarены на войнѣ подчинялись начальнику Алана и составляли съ Аппиномъ одинъ кланъ. Здѣсь были также многіе изъ стараго, изгнаннаго жестокаго клана Макгреторовъ. Они всегда имѣли дурную репутацію, теперь болѣе, когда-либо, и не пользовались довѣріемъ ни одной партіи во всей Шотландіи. Глава ихъ, Макгрегоръ изъ Макгрегора, находился въ изгнаніи; болѣе непосред-

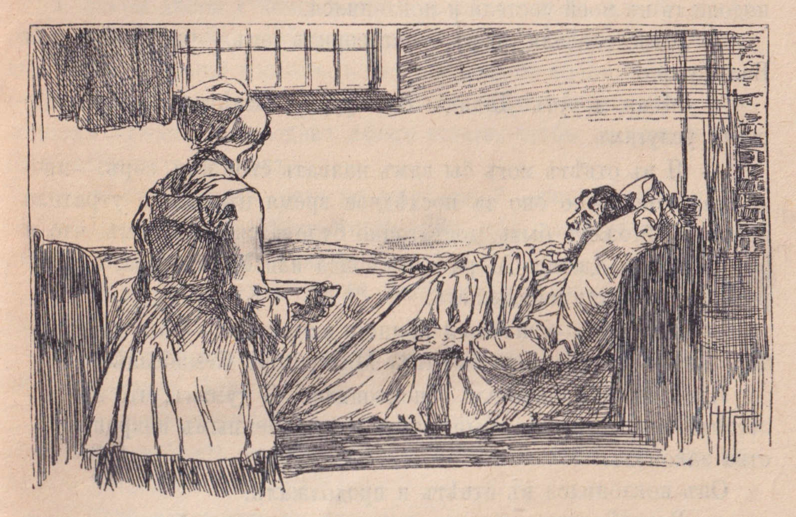
ственный предводитель части ихъ, разсѣянной около Балькиддера, Джэмсъ Моръ, старшій сынъ Робъ-Роя, въ ожиданіи суда, былъ заключенъ въ Эдинбургскомъ замкѣ; они были во враждѣ съ гайлэндерами и лоулэндерами, съ Грэмами, Макларенами и Стюартами. Поэтому Аланъ, поддерживавшій сторону какого бы ни было далекаго родственника, очень желалъ избѣгнуть ихъ.

Случай намъ помогъ. Мы попали въ домъ Маклареновъ, гдѣ Алана были рады принять не только ради имени, но также и вслѣдствіе слуховъ о немъ, дошедшихъ до нихъ. Тутъ меня немедленно уложили въ постель и послали за докторомъ, который нашелъ меня въ печальномъ состояніи. Но оттого ли, что онъ былъ хорошимъ врачемъ, или потому, что я былъ молодъ и силенъ, я пролежалъ въ постели не дольше недѣли и раньше мѣсяца могъ уже съ легкимъ сердцемъ продолжать дорогу.

Все это время Аланъ не оставлялъ меня, хотя я часто упрашивалъ его уйти. Оставаясь здѣсь, онъ своею безразсудною смѣлостью возбуждалъ постоянно удивленіе двухъ или трехъ друзей, посвященныхъ въ тайну. Днемъ онъ прятался въ пещеры на горномъ склонѣ, поросшемъ небольшимъ лѣсомъ, а ночью, если не предвидѣлось опасности, приходилъ въ домъ навѣщать меня. Нечего и говорить, какъ я радовался, видя его. М-съ Макларенъ, наша хозяйка, находила все недостаточно хорошимъ для такого дорогого гостя; а такъ какъ у Дункана Ду (такъ звали хозяина) были двѣ флейты, и онъ былъ большимъ любителемъ музыки, то время моего выздоровленія было настоящимъ праздникомъ, и мы часто обращали ночь на день.

Солдаты оставляли насъ въ покоѣ. Разъ, впрочемъ, въ глубинѣ долины прошла партія, состоявшая изъ двухъ ротъ и нѣсколькихъ драгунъ: я видѣлъ ихъ изъ окна, лежа въ постели. Гораздо удивительнѣе было то, что ко мнѣ не приходило никакого должностнаго лица, и мнѣ не задавалось вопроса, откуда и куда я иду. Въ это безпокойное время я не подвергся допросамъ, точно жилъ въ пустынѣ. А между тѣмъ мое присутствіе ко времени моего ухода было извѣстно всѣмъ жителямъ Балькиддера и его окрестностей, такъ какъ многіе приходили въ гости, а потомъ, по обычаю страны, сообщали эту новость сосѣдямъ. Объявленія тоже были теперь напечатаны. Одно изъ нихъ было приколото булавкой въ ногахъ моей постели, и я могъ читать свое не очень лестное описаніе, а также написанную болѣе крупнымъ

шрифтомъ сумму, обѣщанную за мою голову. Дунканъ Ду и остальные, знавшіе, что я пришелъ съ Аланомъ, не могли сомнѣваться въ томъ, кто я. Многіе другіе могли тоже возымѣть подозрѣнія: хотя я и перемѣнилъ одежду, но не могъ перемѣнить лѣта и наружность, а восемнадцатилѣтніе мальчики изъ Лоулэнда не такъ часто встрѣчались въ этомъ мѣстѣ и особенно въ это время. Легко было сообразить, въ чемъ дѣло, принявъ во вниманіе объявленіе. Но ничего подобнаго не случилось. У другихъ секретъ хранится между двумя или тремя близкими друзьями и все-таки

Меня немедленно уложили въ постель...

какимъ-то образомъ становится извѣстнымъ; но между гайлэндерами тайна сообщалась цѣлой странѣ и хранилась вѣками.

Одинъ только случай заслуживаетъ упоминанія—посѣщеніе Робина Ойга, одного изъ сыновей знаменитаго Робъ Роя. Его повсюду искали по обвиненію въ похищеніи молодой женщины изъ Бальфрона и женитьбѣ на ней, какъ утверждали, насильно, а между тѣмъ онъ разгуливалъ въ Балькиддерѣ, какъ джентльмэнъ, въ своемъ обнесенномъ стѣнами паркѣ. Это онъ подстрѣлилъ Джэмса Маклэрена, и распря никогда не была разобрана, но все-таки онъ шелъ въ домъ своихъ кровныхъ враговъ безъ страха, какъ путешественникъ въ общественную гостиницу.

Дунканъ успѣлъ сказать мнѣ, кто онъ, и мы съ безпокой-

ствомъ переглянулись. Надо сказать, что вскорѣ долженъ былъ придти Аланъ, и врядъ ли эти два человѣка могли сойтись; а между тѣмъ, если бы мы послали извѣщеніе или подали сигналъ, мы навѣрное возбудили бы подозрѣніе человѣка въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ Макгреторъ.

Онъ вошелъ очень вѣжливо, но держалъ себя, какъ съ низшими: снялъ шляпу передъ м-съ Макларенъ, но снова надѣлъ ее на голову, разговаривая съ Дунканомъ; и, установивъ такимъ образомъ подобающія отношенія, какъ онъ думалъ, Макгрегоръ подошелъ къ моей постели и поклонился.

— Мнѣ сказали, сэръ,—заговорилъ онъ,—что ваше имя Бальфуръ.

— Меня зовутъ Давидъ Бальфуръ,—отвѣтилъ я,—къ вашимъ услугамъ.

— Я въ отвѣтъ могъ бы вамъ назвать свое имя, сэръ,—продолжалъ онъ,—но оно за послѣднее время нѣсколько утратило значеніе. Можетъ быть, достаточно будетъ сказать вамъ, что я родной братъ Джэмса Мора Друммонда или Макгрегора, о которомъ вы не могли не слышать.

— Да, сэръ,—сказалъ я немного испуганно,—но я также не могъ не слышать о вашемъ отцѣ, Макгрегорѣ Кемпбеллѣ.

Я поднялся на постели и поклонился. Я думалъ, что это польститъ ему, если онъ гордится отцомъ, лишеннымъ покровительства законовъ.

Онъ поклонился въ отвѣтъ и продолжалъ:

— Вотъ что я хочу вамъ сказать, сэръ. Въ 45-мъ году мой братъ поднялъ часть «Грегора» и повелъ въ походъ шесть ротъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ неправой сторонѣ. Врачъ, шедшій съ нашимъ кланомъ и вылечившій ногу моему брату, когда тотъ сломалъ ее въ схваткѣ при Престонпансѣ, носилъ то же имя, что и вы. Онъ былъ братомъ Бальфура изъ Байса, и если только вы находитесь въ какой-нибудь степени родства съ этимъ джентльмэномъ, то я отдаю себя и свой народъ въ ваше распоряженіе.

Надо напомнить читателю, что я о своемъ происхожденіи зналъ не больше, чѣмъ какая-нибудь собака. Хотя мой дядя и болталъ о нашемъ важномъ родствѣ, но ничего не объяснилъ точно, и мнѣ не оставалось другого выхода, какъ позорно признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Робинъ коротко отвѣтилъ, что ему остается пожалѣть, что побезпокоился, повернулся ко мнѣ спиной и, не поклонившись, направился къ двери. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ Дункану, что я не болѣе, какъ «какой-нибудь безродный негодяй, не знавшій собственнаго отца». Какъ я ни сердился на эти слова, стыдясь въ то же время собственнаго незнанія, я едва могъ удержаться отъ улыбки при мысли, что человѣкъ, находившійся внѣ закона (и котораго дѣйствительно черезъ три года повѣсили), былъ такъ взыскателенъ къ происхожденію своихъ знакомыхъ.

У самой двери Робинъ встрѣтилъ входившаго Алана, и оба они, отступивъ, посмотрѣли другъ на друга, какъ чужія собаки. Оба были невелики ростомъ, но въ эту минуту точно вытянулись отъ сознанія собственнаго достоинства. Каждый изъ нихъ движеніемъ ляжки высвободилъ эфесъ шпаги, чтобы скорѣе можно было вытащить клинокъ.

— М-ръ Стюартъ, если не ошибаюсь?—сказалъ Робинъ

— Вѣрно, м-ръ Макгрегоръ; это имя, котораго нечего стыдиться,—отвѣчалъ Аланъ.

— Я не зналъ, что вы въ моей странѣ, сэръ, — сказалъ Робинъ.

— Я предполагаю, что я въ странѣ моихъ друзей, Макпареновъ,—сказалъ Аланъ.

— Это щекотливый вопросъ, — отвѣчалъ тотъ. — На это можно и возразить кое-что. Но, кажется, я слышалъ, что вы умѣете биться на шпагахъ?

— Если вы только не родились глухимъ, м-ръ Макгрегоръ, то вы слышали обо мнѣ гораздо больше,—сказалъ Аланъ.—Я не одинъ въ Аппинѣ умѣю обращаться съ оружіемъ. И когда мой родственникъ и начальникъ, Ардшиль, нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ споръ съ джентльмэномъ, носившимъ ваше имя, я не помню, чтобы Макгрегоръ одержалъ верхъ.

— Вы подразумѣваете моего отца, сэръ?—сказалъ Робинъ.

— Это меня нисколько не удивляетъ,—сказалъ Аланъ.— Джентльменъ, о которомъ я говорю, имѣлъ скверную привычку прибавлять «Кемпбелль» къ своему имени.

— Мой отецъ былъ старъ, — отвѣчалъ Робинъ. — Партія была неравная. Мы съ вами составимъ лучшую пару, сэръ.

— Я тоже думалъ это,—сказалъ Аланъ.

Я готовъ былъ выскочить изъ кровати, а Дунканъ не от-

ходилъ отъ этихъ пѣтуховъ, готовый вмѣшаться при первомъ удобномъ случаѣ. Но котда послѣднія слова была произнесены, ждать дольше было нечего. И Дунканъ, сильно поблѣднѣвъ, бросился между ними.

— Джентльмены,—сказалъ онъ,—я думалъ совсѣмъ о другомъ. У меня двѣ флейты, и вотъ два джентльмена, оба прославленные игроки на этомъ инструментѣ, давно уже спорятъ о томъ, кто изъ васъ лучше играетъ. Вотъ прекрасный случай разрѣшить этотъ вопросъ.

— Что же, сэръ.—сказалъ Аланъ, все еще обращаясь къ Робину, съ котораго онъ не сводилъ глазъ, также какъ и Робинъ съ него,—что же, сэръ, мнѣ кажется, что я дѣйствительно что-то подобное слышалъ. Вы музыкантъ, какъ говорится? Умѣете вы немного играть на флейтѣ?

— Я играю, какъ Макриммонъ!—воскликнулъ Робинъ.

— Это очень смѣлое слово,—сказалъ Аланъ.

— Я до сихъ поръ умѣлъ оправдывать и болѣе смѣлыя сравненія,—отвѣчалъ Робинъ,—притомъ имѣя дѣло съ болѣе сильными противниками.

— Это легко испытать,—сказалъ Аланъ.

Дунканъ Ду поторопился вынуть обѣ флейты, составлявшія его главную собственность, и поставить передъ гостями баранью ногу и бутылку питья, называемаго «Атольскій броузъ», приготовленнаго изъ старой водки, меду и сливокъ, осторожно сбитыхъ вмѣстѣ въ опредѣленномъ количествѣ. Противники все еще были на шагъ отъ ссоры, но оба усѣлись по сторонамъ горящаго очага, выказывая чрезвычайную учтивость. Макларенъ убѣждалъ ихъ попробовать его баранину и «броузъ», напомнивъ при этомъ, что жена его родомъ изъ Атоля и извѣстна повсюду своимъ умѣньемъ приготовлять этотъ напитокъ. Но Робинъ отказался отъ угощенія, говоря, что это вредитъ дыханію.

— Прошу васъ замѣтить, сэръ,—сказалъ Аланъ,—что я около десяти часовъ ничего не ѣлъ, а это хуже для дыханія, чѣмъ какой угодно броузъ въ Шотландіи.

— Я не хочу имѣть никакихъ преимуществъ передъ вами, м-ръ Стюартъ,—отвѣчалъ Робинъ.—Кушайте и пейте, и я сдѣлаю то же.

Оба съѣли по небольшой порціи баранины и выпили по стакану «броува» миссисъ Макларенъ. Затѣмъ, послѣ продолжи-

тельнаго обмѣна учтивостей, Робинъ взялъ флейту и сыгралъ небольшую пьеску въ очень быстромъ темпѣ.

— Да, вы умѣете играть,—сказалъ Аланъ и, взявъ отъ своего соперника инструментъ, сначала сыгралъ ту же пьесу въ томъ же темпѣ, какъ и Робинъ, а затѣмъ началъ варіаціи, которыя онъ украшалъ цѣлымъ рядомъ фіоритуръ, столь любимыхъ флейтистами.

Мнѣ понравилась игра Робина, но игра Алана привела меня въ восторгъ.

— Это недурно, м-ръ Стюартъ,—сказалъ соперникъ,—но вы выказали мало изобрѣтательности въ своихъ фіоритурахъ.

— Я! — воскликнулъ Аланъ, и кровь бросилась ему въ лицо.—Я уличаю васъ во лжи!

— Значитъ, вы признаете себя побитымъ на флейтахъ,—сказалъ Робинъ,—если вы хотите перемѣнить ихъ на шпаги?

— Прекрасно сказано, м-ръ Макгрегоръ, — отвѣчалъ Аланъ, — и пока, — онъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ словѣ,—я беру назадъ свои слова. Пусть Дунканъ будетъ свидѣтелемъ.

— Право, вамъ нѣтъ надобности звать кого-либо въ свидѣтели,—сказалъ Робинъ.—Сами вы гораздо лучшій судья, чѣмъ любой Макларенъ въ Бальккиддерѣ, потому что, честное слово, вы очень приличный флейтистъ для Стюарта. Передайте мнѣ флейту.

Аланъ передалъ флейту, и Робинъ сталъ повторять и исправлять нѣкоторыя варіаціи Алана, которыя онъ, казалось, прекрасно запомнилъ.

— Да, вы понимаете музыку,—сказалъ мрачно Аланъ.

— А теперь будьте сами судьей, м-ръ Стюартъ,—сказалъ Робинъ и, повторяя варіаціи съ самаго начала, онъ обрабатывалъ ихъ въ такую новую форму, съ такой изобрѣтательностью и чувствомъ, съ такимъ необыкновеннымъ вкусомъ и ловкостью, что я изумился, слушая его.

Что же касается Алана, то лицо его краснѣло и пылало; онъ кусалъ ногти, точно человѣкъ, котораго глубоко оскорбили.

— Довольно! — воскликнулъ онъ. — Вы умѣете играть на флейтѣ, можете хвалиться этимъ.—И онъ хотѣлъ встать.

Но Робинъ сдѣлалъ знакъ рукой, точно прося вниманія, и перешелъ къ медленному темпу шотландской народной пѣсни.

Это сама по себѣ была прекрасная вещь и сыграна она была превосходно; но, кромѣ того, она оказалась пѣсню Аппинскихъ Стюартовъ, самою любимою Алана. Едва прозвучали первыя ноты, какъ онъ перемѣнился въ лицѣ, а когда темпъ ускорился, онъ едва могъ усидѣть спокойно на мѣстѣ. Задолго до окончанія пѣсни послѣдніе признаки злобы исчезли съ его лица и, казалось, онъ думалъ объ одной только музыкѣ.

— Робинъ Ойгъ,—сказалъ онъ, когда игра кончилась,—вы великій флейтистъ. Мнѣ не подобаетъ играть въ одной странѣ съ вами. Клянусь честью, у васъ больше музыкальности въ мизинцѣ, чѣмъ у меня въ головѣ! И хотя мнѣ все-таки кажется, что я шпагой могъ бы доказать вамъ нѣчто другое, предупреждаю васъ заранѣе, но это было бы дурно! Противно моимъ убѣжденіямъ спорить съ человѣкомъ, который такъ хорошо играетъ на флейтѣ!

На этомъ ссора покончилась. Всю ночь ходилъ броузъ, и флейты переходили изъ рукъ въ руки. Уже совсѣмъ разсвѣтало, и всѣ трое были порядочно навеселѣ, когда Робинъ подумалъ объ уходѣ.

Послѣ того я больше его не видѣлъ, такъ какъ находился въ Нидерландахъ, въ Лейденскомъ университетѣ, когда Робина судили и повѣсили въ Грассмаркетѣ. Я разсказалъ такъ подробно этотъ эпизодъ отчасти потому, что онъ былъ послѣднимъ сколько-нибудь значительнымъ случаемъ по ту сторону границы Гайлэнда, отчасти же приписывая ему нѣкоторое историческое значеніе, такъ какъ человѣкъ этотъ былъ повѣшенъ.

XXVI. Конецъ бѣгства. Мы переправляемся черезъ Фортъ.

Было уже около половины августа, и стояла прекрасная, теплая погода, со всѣми признаками ранняго и обильнаго урожая. Какъ я говорилъ уже, не прошло и мѣсяца съ начала моей болѣзни, а меня нашли уже способнымъ продолжать путь. Наши средства настолько истощились, что мы прежде всего должны были поторопиться, потому что, если бы мы не успѣли во-время дойди до м-ра Ранкэйлора, или если бы онъ отказался помочь мнѣ, мы бы непремѣнно умерли съ голоду. Кромѣ того, по соображеніямъ Алана, преслѣдованіе теперь должно было значительно ослабнуть, и граница Форта или даже Стирлингъ-Бриджъ,

гдѣ главная переправа черезъ рѣку, должна была охраняться съ меньшимъ вниманіемъ.

— Главный принципъ въ военномъ дѣлѣ, — говорилъ Аланъ,—идти туда, гдѣ васъ менѣе всего ожидаютъ. Фортъ затрудняетъ насъ; вы знаете поговорку: «Фортъ узда для дикаго гайлэндера». Итакъ, если мы будемъ пытаться обойти истоки этой рѣки и спуститься у Киппена или Бальфрона, то тамъ именно насъ и будутъ стараться поймать. Но если мы прямо пойдемъ на старый мостъ въ Стирлингѣ, то даю вамъ слово, что насъ пропустятъ безъ допроса.

Слѣдуя этому плану, мы въ первую же ночь дошли до дома Макларена въ Стратэйрѣ, родственника Дункана, гдѣ и переночевали 21 августа. Оттуда мы снова съ наступленіемъ ночи сдѣлали слѣдующій легкій переходъ. 22-го мы, въ кустахъ вереска, на склонѣ холма въ Уэмъ-Варъ, въ виду стада оленей, проспали счастливѣйшіе десять часовъ на чудномъ, яркомъ солнцѣ и на такой сухой почвѣ, какую я когда-либо видѣлъ. Въ слѣдующую ночь мы дошли до Алланъ-Уотера и, спустившись вдоль него, увидѣли внизу передъ собой всю равнину Стирлинга, плоскую, какъ блинъ; посрединѣ на холмѣ расположенъ былъ городъ съ замкомъ, а лунный свѣтъ игралъ въ излучинахъ Форта.

— Теперь,—сказалъ Аланъ,—не знаю, рады ли вы этому, вы снова на вашей родинѣ. Мы уже перешли границу Гайлэнда и, если намъ теперь удастся перебраться черезъ эту извилистую рѣку, мы можемъ бросить шапки въ воздухъ.

На Алланъ-Уотерѣ, близко къ мѣсту, гдѣ онъ впадаетъ въ Фортъ, мы увидѣли небольшой песчаный островокъ, заросшій репейникомъ, бѣлокопытникомъ и другими низкорослыми растеніями, которыя могли закрыть насъ, если мы ляжемъ. Здѣсь-то мы и расположились лагеремъ, совсѣмъ въ виду Стирлингскаго замка, откуда слышался барабанный бой, такъ какъ парадировала часть гарнизона. Въ полѣ на берегу рѣки весь день работали косари, и мы слышали лязгъ камней о косы, голоса и даже отдѣльныя слова разговаривавшихъ. Нужно было лежать, прижавшись къ землѣ, и молчать. Но песокъ на островкѣ былъ нагрѣтъ солнцемъ, зеленая трава защищала наши головы, пища и вода были у насъ въ изобиліи, и въ довершеніе всего, мы находились въ виду безопаснаго мѣста.

Какъ только косари окончили свою работу и начали па-

ступать сумерки, мы въ бродъ перешли на берегъ и направились къ Стирлингскому мосту, вдоль рвовъ, пересѣкавшихъ поля.

Мостъ находился вблизи холма съ замкомъ; это старый, высокій, узкій мостъ съ башенками. Можно себѣ представить, съ какимъ интересомъ я смотрѣлъ на него, не только оттого, что это извѣстное въ исторіи мѣсто, но и потому, что онъ представлялъ путь спасенія для меня и Алана. Мѣсяцъ еще не взошелъ, когда мы пришли туда; немногочисленные огни свѣтились вдоль фасада крѣпости, а ниже видно было нѣсколько освѣщенныхъ оконъ въ городѣ. Но все было совершенно спокойно и, казалось, никто не сторожилъ прохода.

Я стоялъ за то, чтобы прямо идти, но Аланъ былъ осмотрительнѣе.

— Все кажется спокойнымъ,—сказалъ онъ,—но мы все-таки полежимъ здѣсь во рву и убѣдимся.

Такъ мы лежали около четверти часа, то перешептываясь, то совершенно спокойно и не слыша ничего, кромѣ плеска воды объ устои моста. Наконецъ, подошла какая-то старая хромая женщина съ клюкой. Сперва она остановилась близко отъ мѣста, гдѣ мы лежали, и стала причитывать о себѣ и о длинномъ пути, который ей пришлось пройти; затѣмъ она опять пошла по крутому подъему моста. Старуха была такъ мала ростомъ, а ночь такъ темна, что мы скоро потеряли хромую женщину изъ виду и только слышали, какъ звукъ ея шаговъ и палки, да кашель становились все слабѣе.

— Она, должно быть, уже перешла,—шепнулъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Аланъ,—ея шаги все еще глухо звучатъ по мосту.

Въ эту минуту послышался голосъ:

— Кто идетъ?

И мы услышали, какъ прикладъ ружья загремѣлъ о камни. Я предполагаю, что часовой спалъ, и что, если бы мы попытались, то прошли бы незамѣченными. Но теперь онъ проснулся, и случай былъ упущенъ.

— Это намъ не на руку,—сказалъ Аланъ,—и никогда намъ это не удастся, Давидъ.

И, не прибавивъ ни слова, онъ поползъ прочь черезъ поля. Немного далѣе, когда мы скрылись совсѣмъ изъ вида, онъ снова всталъ на ноги и пошелъ по дорогѣ, направлявшейся къ

востоку. Я не понялъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ; притомъ на меня трудно было угодить послѣ только-что испытаннаго разочарованія. Минуту назадъ я видѣлъ себя уже у дверей м-ра Ранкэйлора, предъявляющимъ права на наслѣдство, какъ герой въ балладѣ. И вотъ я снова странствующій, преслѣдуемый негодяй, на другой сторонѣ Форта.

— Ну?—сказалъ я.

— Ну,—отвѣчалъ Аланъ,—чего же вы хотите? Они не такіе дураки, какими я считалъ ихъ. Намъ все еще остается перейти Фортъ, Давидъ... Проклятіе дождямъ, питавшимъ его, и холмамъ, между которыми онъ течетъ!

— А зачѣмъ мы идемъ къ востоку?—спросилъ я.

— О, просто попытать счастья!—сказалъ онъ.—Если мы не можемъ перейти рѣку, то надо посмотрѣть, не переправимся ли мы черезъ заливъ.

— На рѣкѣ есть броды, а на заливѣ ихъ нѣтъ,—сказалъ я.

— Конечно, есть броды и, кромѣ того, мостъ, — сказалъ Аланъ,—но какой отъ нихъ прокъ, если они охраняются?

— Но,—сказалъ я,—рѣку можно переплыть.

— Могутъ тѣ, которые умѣютъ,—отвѣчалъ онъ,—но я не слыхалъ, чтобы вы или я были очень искусны въ этомъ дѣлѣ; что меня касается, то я плаваю, какъ камень.

— Я ничего не могу возразить вамъ, Аланъ,—сказалъ я,—но мнѣ кажется, что мы худое мѣняемъ на еще худшее. Если трудно переплыть рѣку, то, очевидно, еще труднѣе переплыть заливъ.

— Но вѣдь существуютъ лодки, если не ошибаюсь,—сказалъ Аланъ.

— Да, а также деньги,—возразилъ я.—Но такъ какъ у насъ нѣтъ ни того, ни другого, онѣ могли бы и не существовать вовсе.

— Вы такъ думаете?—спросилъ Аланъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Давидъ,—сказалъ онъ,—у васъ мало изобрѣтательности и еще менѣе вѣры. Но дайте мнѣ только поворочать мозгами, и если мнѣ не удастся выпросить, занять или даже украсть лодку, я сдѣлаю ее!

— Такъ это вамъ и удастся!—сказалъ я.—Но вотъ что всего важнѣе: если вы переходите по мосту, то мостъ ничего не

разскажетъ. Но если вы переплывете заливъ, то лодка окажется не на той сторонѣ—кто-нибудь долженъ былъ привезти ее—вся мѣстность будетъ насторожѣ.

— Полно!—закричалъ Аланъ.—Если я сдѣлаю лодку, я создамъ и человѣка, чтобы отвезти ее назадъ! Итакъ, не приставайте ко мнѣ больше съ вашими глупостями, а идите (это то, что отъ васъ требуется) и предоставьте Алану думать за васъ.

Такимъ образомъ, мы всю ночь шли по сѣверной части равнины у подножья высокихъ Окильскихъ горъ, мимо Аллоа, Клэкманнана и Кельросса, которые мы обходили. Въ десять часовъ утра, проголодавшіеся и усталые, мы подошли къ маленькому поселку Лимекильнсъ. Это мѣстечко расположено близко къ берегу, и на другой сторонѣ залива виденъ городъ Куинсферри. Дымъ поднимался надъ поселками, городомъ, другими деревнями и фермами, расположенными по всѣмъ направленіямъ. Жатва была окончена; два корабля стояли на якорѣ, и лодки плыли взадъ и впередъ по заливу. Все вмѣстѣ представляло для меня такое пріятное зрѣлище, что я не могъ вдоволь налюбоваться на эти веселые, зеленые, воздѣланные холмы и на людей, работающихъ въ поляхъ и на морѣ.

Но все-таки тамъ, на южномъ берегу, стоялъ домъ м-ра Ранкэйлора, гдѣ, я былъ увѣренъ, меня ожидало богатство, а я былъ тутъ, на сѣверѣ, одѣтый въ бѣдную одежду чужеземнаго покроя, съ тремя серебряными шиллингами вмѣсто всего состоянія, голова моя была оцѣнена, а единственнымъ компаньономъ былъ человѣкъ, приговоренный къ смерти!

— О, Аланъ,—сказалъ я,—подумайте только: тамъ, напротивъ, меня ждетъ все, чего только можетъ желать душа: птицы перелетаютъ туда, лодки переплываютъ—всѣ, кто хочетъ, можетъ попасть, всѣ, кромѣ меня! Аланъ, мое сердце разрывается на части!

Въ Лимекильнсѣ мы вошли на небольшой постоялый дворъ, который мы узнали только по шесту надъ дверьми, и купили хлѣба и сыра у красивой дѣвушки, которую приняли за служанку. Мы положили провизію въ узелокъ, думая присѣсть и съѣсть ее въ небольшомъ лѣску на берегу моря, который виднѣлся впереди на разстояніи трети версты. Пока мы шли, я продолжалъ смотрѣть на ту сторону залива и вздыхать, не замѣчая,

что Аланъ сталъ задумчивымъ. Наконецъ, онъ остановился посреди дороги.

— Обратили вы вниманіе на дѣвушку, у которой мы купили это?—сказалъ онъ, похлопывая по хлѣбу и сыру.

— Конечно,—сказалъ я,—это была красивая дѣвушка.

— Вы такъ думаете?—воскликнулъ онъ.—Ну, Давидъ, это хорошія новости.

— Отчего?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Какую это можетъ принести намъ пользу?

— Ну,—сказалъ Аланъ, кидая на меня одинъ изъ своихъ плутоватыхъ взглядовъ,—я надѣялся, что это, можетъ быть, доставитъ намъ лодку.

— Наоборотъ было бы вѣрнѣе,—сказалъ я.

— Это вы такъ думаете,—отвѣтилъ Аланъ.—Мнѣ не нужно, чтобы она влюбилась въ васъ, а надо, чтобы она пожалѣла васъ, Давидъ, а для этого нѣтъ надобности находить васъ красавцемъ. Покажитесь!—Онъ осмотрѣлъ меня съ любопытствомъ.—Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы были немного блѣднѣе, но въ остальномъ вы отлично годитесь для моей цѣли: у васъ замѣчательный взглядъ висѣльника, оборванца, каторжника, точно вы украли платье съ огороднаго пугала. Маршъ направо крутомъ и прямо къ постоялому двору за нашей лодкой!—Я, смѣясь, послѣдовалъ за нимъ.—Давидъ Бальфуръ,—сказалъ онъ,—вы очень веселый джентльменъ, и ваша роль, безъ сомнѣнія, покажется вамъ очень смѣшной. Но при всемъ томъ, если вы хоть въ грошъ ставите мою голову, не говоря уже о вашей, вы, можетъ быть, будете такъ добры, что взглянете на это дѣло серьезно. Я собираюсь сыграть одну комедію, конечная цѣль которой для насъ обоихъ имѣетъ громадное значеніе. Пожалуйста, не забывайте этого и ведите себя соотвѣтственно.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ я,—пусть будетъ по вашему.

Когда мы подошли къ поселку, Аланъ велѣлъ мнѣ взять его подъ-руку и висѣть на немъ, какъ бы обезсилѣвъ отъ усталости. Когда онъ отворилъ дверь постоялаго двора, казалось, что онъ почти несетъ меня. Служанка, повидимому, удивилась (и было отчего) нашему быстрому возвращенію, но Аланъ не трудился давать ей объясненія, усадилъ меня на стулъ, спросилъ чашку водки, которую давалъ мнѣ пить маленькими глотками, а затѣмъ, разломавъ хлѣбъ и сыръ, сталъ кормить меня, точно

нянька, и все это съ такимъ озабоченнымъ, нѣжнымъ видомъ, который обманулъ бы даже судью. Немудрено, что служанка обратила вниманіе на такую картину: блѣднаго, переутомленнаго юношу и его нѣжнаго товарища. Она подошла близко и стояла, опираясь на ближайшій столъ.

— Что съ нимъ случилось?—спросила она, наконецъ.

Аланъ, къ моему великому удивленію, повернулся къ ней съ какой-то яростью:

— Случилось!—закричалъ онъ.—Онъ прошелъ больше сотенъ верстъ, чѣмъ у него волосъ на подбородкѣ, и чаще спалъ въ мокромъ верескѣ, чѣмъ въ сухихъ простыняхъ. Что случилось, говоритъ она! Скверное случилось, вотъ что,—и онъ продолжалъ съ недовольнымъ видомъ ворчать себѣ подъ носъ и кормить меня.

— Онъ слишкомъ молодъ для этого,—сказала служанка.

— Слишкомъ молодъ, — проворчалъ Аланъ, стоя къ ней спиной.

— Ему было бы лучше ѣхать,—сказала она.

— А гдѣ бы я ему досталъ лошадь?—воскликнулъ Аланъ, оборачиваясь къ ней съ тѣмъ же яростнымъ видомъ.—Вы бы хотѣли, чтобъ я укралъ ее?

Я думалъ, что такая грубость заставитъ ее удалиться въ сердцахъ, и дѣйствительно, она на время замолчала. Но мой товарищъ прекрасно зналъ, что дѣлалъ, и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ очень наивенъ, но въ дѣлахъ, подобныхъ этому, отличался большой проницательностью.

— Я отлично вижу,—сказала она, наконецъ,—вы джентльмены.

— Ну,—сказалъ Аланъ, немного смягченный (я думаю, что противъ воли) этимъ простодушнымъ замѣчаніемъ,—положимъ, что это правда. Но слыхали вы когда-нибудь, чтобы благородное происхожденіе наполняло карманы деньгами?

На это она вздохнула, точно сама была обѣднѣвшей важной леди:

— Нѣтъ,—сказала она.—Это вы правду сказали!

Я все время злился, что играю такую роль, и молчалъ, не зная, стыдиться ли мнѣ или смѣяться. Но тутъ я какъ-то не могъ долѣе выдержать и попросилъ Алана оставить меня въ покоѣ, такъ какъ я уже почувствовалъ себя лучше. Голосъ мой

прерывался, потому что я всегда ненавидѣлъ ложь. Но самое мое замѣшательство помогло заговору, потому что дѣвушка, безъ сомнѣнія, приписала мой хриплый голосъ болѣзни и усталости.

— Развѣ у него нѣтъ родныхъ?—сказала она со слезами въ голосѣ.

— Какъ не быть!—воскликнулъ Аланъ.—Если бы мы могли только добраться до нихъ. У него есть родные и очень богатые. Нашлась бы и постель, гдѣ лечь, и пища, и доктора, чтобы смот-

— Что съ нимъ случилось?—спросила она.

рѣть за нимъ, а тутъ онъ долженъ тащиться по лужамъ и спать въ верескѣ, точно нищій.

— Почему же?—спросила дѣвушка.

— Я не могу безопасно сказать, моя милая, — сказалъ Аланъ,—но вотъ что я сдѣлаю вмѣсто этого—я просвищу вамъ маленькую пѣсенку.

Съ этими словами онъ далеко перегнулся черезъ столъ и едва слышно, но съ удивительнымъ чувствомъ просвисталъ нѣсколько тактовъ «Чарли мой любимецъ» (Charlie is my darling).

— Тс...—сказала она и черезъ плечо посмотрѣла на дверь.

— Вотъ въ чемъ дѣло!—сказалъ Аланъ.

— Такой молодой!—воскликнула дѣвушка.

— Онъ достаточно великъ для...—и Аланъ ударилъ указательнымъ пальцемъ по шеѣ сзади, подразумѣвая, что я достаточно взрослый для того, чтобы лишиться головы.

— Какой позоръ!—воскликнула она, сильно краснѣя.

— Это тѣмъ не менѣе случится,—сказалъ Аланъ,—если мы не устроимся лучше.

Тутъ дѣвушка повернулась и выбѣжала изъ комнаты, оставивъ насъ однихъ. Аланъ былъ въ прекрасномъ настроенiи, что планы его такъ быстро исполняются; я же злился, что меня выставляютъ якобитомъ и обращаются со мною, какъ съ ребенкомъ.

— Аланъ,—воскликнулъ я,—я не могу больше выносить этого!

— Вамъ все-таки придется это сдѣлать, Дэви, — сказалъ онъ.—Если вы теперь все испортите, то сами, можетъ быть, и выскочите изъ огня, но Аланъ Брекъ, навѣрное, умретъ.

Это было такъ вѣрно, что я могъ только вздохнуть; и даже этотъ вздохъ послужилъ цѣлямъ Алана, такъ какъ его услышала дѣвушка, когда она снова влетѣла въ комнату съ блюдомъ сосисекъ и бутылкой крѣпкаго эля.

— Бѣдняжка!—сказала она и, поставивъ передъ нами ѣду, дружески тронула меня за плечо, точно приглашая ободриться. Затѣмъ она предложила намъ ѣсть, говоря, что платы за это не возьметъ, такъ какъ гостиница принадлежала ей или, по крайней мѣрѣ, ея отцу, который на цѣлый день уѣхалъ въ Питтенкрiеффъ. Мы не ждали второго приглашенiя, такъ какъ хлѣбъ и сыръ—плохое питанiе, а сосиски пахли очень вкусно. Пока мы сидѣли и ѣли, дѣвушка, стоя на томъ же мѣстѣ у ближайшаго стола, глядѣла на насъ, раздумывая, хмурясь и вертя въ рукахъ завязки своего передника.

— Я думаю, что у васъ слишкомъ длинный языкъ,—сказала она, наконецъ, Алану.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—но вы видите, что я знаю, съ кѣмъ говорю.

— Я никогда не выдамъ васъ,—отвѣчала она,—если вы это хотите сказать.

— Нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—этого вы не сдѣлаете! Но я скажу вамъ, что вы сдѣлаете: вы поможете намъ!

— Я не могу,—отвѣчала она,—нѣтъ, не могу.

— А если бы вы могли?—спросилъ Аланъ. Она ничего не отвѣчала.—Послушайте, милая, — продолжалъ Аланъ, — здѣсь есть лодки, я видѣлъ двѣ, не менѣе, на берегу, когда проходилъ по окраинѣ города. Если бы мы могли воспользоваться лодкой, чтобы подъ прикрытіемъ ночи переѣхать въ Лотіанъ, и нашли бы какого-нибудь молчаливаго, приличнаго человѣка, чтобы вернуть эту лодку и держать языкъ за зубами, два человѣка были бы спасены: я, по всей вѣроятности, онъ же—навѣрное. Если мы не получимъ этой лодки, то у насъ остаются только три шиллинга. И даю вамъ честное слово, я не знаю, куда намъ тогда идти и что намъ дѣлать, и гдѣ найдется мѣсто для насъ, кромѣ, какъ на висѣлицѣ! Неужели мы такъ и не получимъ лодки, голубушка? Неужели вы будете лежать въ своей теплой постели и вспоминать о насъ, когда вѣтеръ завываетъ въ трубѣ и дождь стучитъ по крышѣ? Вы будете ѣсть свой обѣдъ при жаркомъ огнѣ и думать о моемъ бѣдномъ больномъ мальчикѣ, кусающемъ себѣ на болотѣ пальцы отъ голода и холода? Онъ долженъ идти впередъ, здоровъ онъ или боленъ; хотя бы смерть хватала его за горло, онъ все-таки долженъ тащиться подъ дождемъ по безконечнымъ дорогамъ, и когда онъ будетъ испускать послѣдній вздохъ на грудѣ холодныхъ камней, при немъ не будетъ никого, кромѣ меня и Бота.

Я замѣтилъ, что это обращеніе очень взволновало дѣвушку. Ей хотѣлось помочь намъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась, что помогаетъ преступникамъ. Поэтому я рѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ и успокоить ея сомнѣнія частицей правды.

— Слыхали вы когда-нибудь,—спросилъ я,—о м-рѣ Ранкэйлорѣ изъ Ферри?

— Ранкэйлоръ, стряпчій?—сказала она.—Разумѣется!

— Ну, вотъ,—сказалъ я,—я направляюсь къ нему, такъ что вы можете сами судить, преступникъ ли я. Я скажу вамъ больше: хотя дѣйствительно вслѣдствіе ужасной ошибки моя жизнь въ нѣкоторой опасности, однако, у короля Георга во всей Шотландіи нѣтъ лучшаго подданнаго, чѣмъ я.

Лицо дѣвушки сразу прояснилось, но зато Аланъ омрачился.

— Больше мнѣ ничего не надо,—сказала она.—М-ръ Ранкэйлоръ—извѣстный человѣкъ.—И она посовѣтовала намъ кончать ѣду, уйти изъ поселка возможно скорѣе и скрываться въ

лѣскѣ на берегу моря.— И можете довѣриться мнѣ,—сказала она,—я найду средство переправить васъ.

Мы больше не стали ждать, ударили по рукамъ, быстро доѣли сосиски и снова пошли изъ Лимекильнса въ лѣсокъ. Это была маленькая рощица, образовавшаяся изъ какихъ-нибудь двадцати кустовъ бузины и боярышника и нѣсколькихъ молодыхъ ясеней, но достаточно густая, чтобы скрыть насъ отъ проходящихъ по дорогѣ или берегу. Здѣсь мы, однако, должны были оставаться, наслаждаясь чудной, теплой погодой и надеждой на избавленіе и обдумывая въ подробностяхъ, что намъ оставалось дѣлать.

Во весь день у насъ была только одна непріятность: пришелъ странствующій музыкантъ и усѣлся въ лѣсу съ нами. Это былъ пьяный оборванецъ съ краснымъ носомъ и гнойными глазами, изъ кармана котораго выглядывала бутылка съ водкой. Онъ разсказывалъ длинную исторію о несправедливостяхъ, перенесенныхъ имъ отъ людей всѣхъ положеній, начиная съ лорда-президента судебной палаты, который отказалъ ему въ справедливости, до судебныхъ приставовъ въ Инверкэйтингѣ, которые отдали ему большую справедливость, чѣмъ онъ желалъ. У него не могло не явиться подозрѣній насчетъ двухъ людей, сидѣвшихъ весь день спрятанными въ чащѣ безъ всякаго дѣла. Все время, пока онъ находился съ нами, мы чувствовали себя, какъ на горячихъ угольяхъ, отъ его пытливыхъ вопросовъ. Музыкантъ не былъ похожъ на человѣка, умѣющаго держать языкъ за зубами, и потому послѣ его ухода мы съ большимъ нетерпѣніемъ стали ожидать, когда можно будетъ самимъ уйти оттуда.

День простоялъ ясный; ночь настала тихая и свѣтлая. Въ городѣ и выселкахъ стали появляться огни, потомъ, спустя нѣкоторое время, они были потушены одинъ за другимъ. Было уже больше одиннадцати, и мы давно мучились тревогой, когда, наконецъ, услышали скрипъ веселъ объ уключины. При этомъ звукѣ мы взглянули и увидѣли дѣвушку, которая сама приближалась къ намъ въ лодкѣ. Она никому не довѣрила нашего дѣла, даже возлюбленному,—если онъ былъ у нея, и какъ только уснулъ ея отецъ, вышла изъ дома черезъ окно, украла у сосѣда лодку и одна явилась намъ на помощь.

Я былъ въ замѣшательствѣ, не зная, какъ выразить ей мою благодарность, но дѣвушка еще болѣе смущалась, слушая насъ.

Она просила не терять времени и не говорить, замѣчая (очень справедливо), что главное въ нашемъ дѣлѣ—это поспѣшность и молчанiе. И, говоря такимъ образомъ, она довезла и высадила насъ на берегу Лотiана недалеко отъ Карридена, пожала намъ руки и снова отплыла по направленiю къ Лимекильнсу, прежде чѣмъ мы могли произнести хотя одно слово благодарности за ея услугу.

Впрочемъ, мы ничего не могли бы сказать, такъ какъ словъ было недостаточно для такой доброты. Только Аланъ долгое время стоялъ на берегу и качалъ головой.

— Это славная дѣвушка, Давидъ, — сказалъ онъ, наконецъ.—Это очень славная дѣвушка!—И часъ спустя, когда мы уже лежали въ пещерѣ на берегу, и я начиналъ дремать, онъ снова началъ восхвалять ее. Съ своей стороны, я не могъ ничего прибавить. Я чувствовалъ угрызенiя совѣсти и страхъ за это добродушное созданiе. Меня мучило, что мы воспользовались ея наивностью, и страшило, не подвергаемъ ли мы ее опасности, впутавъ въ нашу исторiю.

XXVII. Я прихожу къ м-ру Ранкэйлору.

На слѣдующiй день мы рѣшили, что Аланъ будетъ одинъ бродить, гдѣ хочетъ, до заката, но, какъ только наступятъ сумерки, онъ спрячется около дороги недалеко отъ Ньюхолльса и не шевельнется, пока не услышитъ моего свиста. Я сперва предложилъ ему просвистѣть вмѣсто сигнала «Славный Айрльскiй Домъ», мою любимую пѣсню. Но онъ отвѣтилъ, что эта пѣсня слишкомъ общеизвѣстна и что ее случайно можетъ насвистывать любой пахарь. Вмѣсто того онъ научилъ меня отрывку гайлэндерской пѣсни, который я до сихъ поръ сохранилъ въ памяти, и возможно, что онъ не забудется мною до самой смерти. Каждый разъ, вспоминая пѣсню, я мысленно переношусь къ тому послѣднему дню нашихъ скитанiй, когда Аланъ, сидя въ глубинѣ пещеры и отбивая рукой тактъ, насвистывалъ ее, а свѣтъ и тѣни играли на его лицѣ.

Солнце еще не взошло, когда я шелъ уже по длинной улицѣ Куинсферри. Это былъ хорошо обстроенный городокъ съ каменными домами, крытыми шиферомъ. Городская ратуша, какъ мнѣ показалось, была хуже, чѣмъ въ Пиблѣ, да и сама улица не

такъ хороша; но все вмѣстѣ взятое заставило меня стыдиться своихъ грязныхъ лохмотьевъ.

По мѣрѣ того, какъ наступалъ день, начинали зажигаться очаги, отворяться окна, и люди выходить изъ домовъ, мое безпокойство и унынiе еще усиливались. Я почувствовалъ теперь, что не имѣю подъ собой почвы, что я не могъ доказать не только моихъ правъ, но даже и свою личность. Если всѣ мои ожиданiя окажутся мечтой, то я дѣйствительно жестоко обманулся и очутился въ печальномъ положенiи. Но если даже дѣло обстояло такъ, какъ я предполагалъ, то и тогда, по всей вѣроятности, понадобится время, чтобы возстановить мои права. А развѣ я могъ ждать съ тремя шиллингами въ карманѣ да еще съ Аланомъ на рукахъ, котораго надо было отправить отсюда? Если мои надежды рухнутъ, мы оба еще можемъ очутиться на висѣлицѣ. Я продолжалъ ходить взадъ и впередъ по улицѣ, замѣчая, что люди искоса поглядывали на меня при встрѣчѣ или изъ оконъ и, толкая другъ друга локтемъ, съ улыбкой говорили что-то. У меня зародилось новое опасенiе: что мнѣ трудно будетъ добиться даже разговора со стряпчимъ и, тѣмъ болѣе, убѣдить его въ правдивости моего разсказа.

Я никакъ не могъ набраться храбрости и обратиться къ одному изъ этихъ почтенныхъ гражданъ; мнѣ стыдно было даже заговорить съ ними въ такихъ грязныхъ отрепьяхъ. Если бы я спросилъ, гдѣ домъ м-ра Ранкэйлора, они, вѣроятно, расхохотались бы мнѣ въ лицо. Итакъ, я то ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, то спускался къ гавани, точно собака, потерявшая хозяина. По временамъ меня охватывалъ порывъ отчаянiя, и странное чувство грызло мое сердце. Наконецъ, насталъ уже ясный день. Было около девяти часовъ утра; я усталъ отъ своихъ странствованiй и случайно остановился противъ очень хорошаго дома, обращеннаго красивыми, чистыми окнами къ берегу. Клумбы пестрѣли цвѣтами у порога, стѣны были только-что оштукатурены; охотничья собака зѣвала на ступенькахъ, какъ бы чувствуя себя дома. Я стоялъ и завидовалъ этому безсловесному скоту, когда дверь отворилась, и изъ нея вышелъ ловкiй, краснощекiй, добродушный господинъ въ хорошо напудренномъ парикѣ и очкахъ. У меня былъ такой жалкiй видъ, что никто на меня не обращалъ вниманiя, онъ же два раза взглянулъ на меня. Казалось, этотъ джентльменъ былъ пораженъ моимъ не-

счастнымъ видомъ и, прямо подойдя ко мнѣ, спросилъ, что я тутъ дѣлаю.

Я отвѣтилъ, что пришелъ въ Куинсферри по дѣлу, и, собравшись съ духомъ, попросилъ его указать мнѣ домъ м-ра Ранкэйлора.

— Это тотъ самый домъ, изъ котораго я только-что вышелъ,—сказалъ онъ,—и, по довольно странной случайности, я самъ м-ръ Ранкэйлоръ.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ,—сказалъ я,—я очень прошу васъ принять меня.

— Я не знаю вашего имени,—сказалъ онъ,—и даже вашего лица.

— Меня зовутъ Давидъ Бальфуръ,—отвѣчалъ я

— Давидъ Бальфуръ?—повторилъ онъ, повысивъ голосъ, какъ бы съ удивленіемъ.—А откуда вы явились, м-ръ Давидъ Бальфуръ?—спросилъ онъ, глядя мнѣ довольно строго въ глаза.

— Я побывалъ за это время во многихъ странныхъ мѣстахъ, сэръ,—сказалъ я,—но думаю, что лучше будетъ поговорить объ этомъ болѣе частнымъ образомъ.

Онъ, казалось, нѣкоторое время раздумывалъ, теребя рукою губу и поглядывая то на меня, то на улицу.

— Да,—рѣшилъ м-ръ Ранкэйлоръ,—это будетъ, безъ сомнѣнія, самое лучшее.

И онъ повелъ меня съ собою въ домъ, крикнулъ кому-то, кого я не видѣлъ, что будетъ занятъ все утро, и ввелъ меня въ маленькую комнату, заваленную книгами и документами. Тутъ онъ сѣлъ и пригласилъ меня сѣсть, хотя, казалось, съ нѣкоторой жалостью перевелъ взглядъ съ чистаго стула на мои грязные лохмотья.

— А теперь, — сказалъ онъ, — если у васъ есть дѣло, то будьте кратки и поскорѣй добирайтесь до сути.—Nec gemino bellum Trojanum orditur ab ovo—понимаете вы это?—сказалъ онъ, пристально глядя на меня.

— Я даже поступлю такъ, какъ говоритъ Горацій, сэръ,—отвѣчалъ я, улыбаясь,—и прямо приведу васъ in medias res.—Онъ кивнулъ, повидимому, довольный, такъ какъ дѣйствительно его латинская цитата была приведена для испытанія. Несмотря на то, что я чувствовалъ себя немного ободреннымъ, кровь при-

лила мнѣ къ лицу, когда я прибавилъ:—У меня есть основаніе думать, что я имѣю права на помѣстье Шоосъ.

Онъ досталъ изъ ящика папку съ бумагами и, открывъ, положилъ передъ собой.

— Дальше?—спросилъ онъ.

Но я выпустилъ свой зарядъ и теперь молчалъ.

— Ну, ну, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ,—вамъ надо продолжать. Гдѣ вы родились?

— Въ Иссендинѣ, сэръ,—сказалъ я,—въ 1734 году, 12 марта.

Онъ, казалось, слѣдилъ за моими показаніями по своей книгѣ, но я не зналъ, что это значило.

— Вашъ отецъ и мать?—спросилъ онъ.

— Моимъ отцомъ былъ Александръ Бальфуръ, школьный учитель въ Иссендинѣ,—сказалъ я,—а мать—Грэсъ Питтароу; мнѣ кажется, она была родомъ изъ Ангуса.

— Есть у васъ бумаги, удостовѣряющія вашу личность?— спросилъ м-ръ Ранкэйлоръ.

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ я,—но онѣ въ рукахъ м-ра Кемпбелля, священника, и могутъ быть во всякое время представлены. М-ръ Кемпбелль можетъ и лично удостовѣрить мою личность, и, кромѣ того, я не думаю, чтобы мой дядя вздумалъ отрекаться отъ меня.

— Вы подразумѣваете м-ра Эбензера Бальфура?—спросилъ онъ.

— Да, его,—сказалъ я.

— И вы его видѣли?—спросилъ онъ.

— Я былъ принятъ въ его собственномъ домѣ,—отвѣчалъ я.

— Встрѣчали вы когда-нибудь человѣка по имени Хозизенъ?—спросилъ м-ръ Ранкэйлоръ.

— Я встрѣтилъ его въ наказаніе за мои грѣхи, вѣроятно,—сказалъ я,—потому что по его приказанію и по порученію моего дяди я былъ похищенъ въ виду этого города, увезенъ въ море, гдѣ чуть не погибъ при крушеніи, и послѣ сотни другихъ напастей попалъ сюда и теперь сижу передъ вами въ этомъ жалкомъ нарядѣ.

— Вы говорите, что было крушеніе,—сказалъ Ранкэйлоръ.— Гдѣ это случилось?

— Около южнаго берега острова Мулль, — сказалъ я.— Островъ, на который я былъ выброшенъ, называется Иррайдъ.

— А,—сказалъ онъ, улыбаясь,—вы сильнѣе меня въ географіи. Долженъ вамъ сказать, что до сихъ поръ все согласуется со свѣдѣніями, которыя я получилъ раньше. Но вы говорите, что были похищены, въ какомъ это смыслѣ?

— Въ прямомъ значеніи этого слова, сэръ,—отвѣчалъ я.— Я направлялся къ вамъ, когда меня заманили на бригъ, ударили по головѣ, бросили въ трюмъ, такъ что я понялъ, что случилось, только когда мы были уже далеко въ морѣ. Мнѣ предстояло попасть на плантаціи, но по Божьей милости я избѣгъ этой участь

— Бригъ погибъ 27-го іюня,—сказалъ онъ, заглядывая въ книгу,—а теперь 24-ое августа. Тутъ довольно большой пробѣлъ, м-ръ Бальфуръ. Пробѣлъ около двухъ мѣсяцевъ. Онъ уже причинилъ большое безпокойство вашимъ друзьямъ, и, признаюсь, я не буду считать себя удовлетвореннымъ, пока это не разъяснится.

— Увѣряю васъ, сэръ,—отвѣчалъ я, — что этотъ пробѣлъ очень легко пополнить. Но прежде чѣмъ разсказывать, мнѣ хотѣлось бы убѣдиться, что я говорю съ другомъ.

— Ну, это, значитъ, заколдованный кругъ,—сказалъ стряпчій.—Я также не могу быть увѣреннымъ, пока не выслушаю васъ. Я не могу быть вашимъ другомъ, пока не буду достаточно освѣдомленъ. Въ ваши года слѣдуетъ быть довѣрчивѣе. И вы знаете, м-ръ Бальфуръ, въ нашей странѣ есть пословица: тотъ, кто сдѣлалъ зло, больше всего боится его.

— Вы не должны забывать, сэръ,—отвѣчалъ я,—что я уже потерпѣлъ вслѣдствіе своей довѣрчивости и былъ отправленъ въ рабство вашимъ же кліентомъ (если не ошибаюсь).

Все это время я видимо выигрывалъ въ мнѣніи м-ра Ранкэйлора и, такимъ образомъ, завоевывалъ его довѣріе. Но при послѣднихъ словахъ, сказанныхъ мною съ улыбкою, онъ громко расхохотался.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—дѣло не такъ скверно! Fui, non sum. Я дѣйствительно былъ повѣреннымъ вашего дяди, но пока вы (imberbis juvenis custode remoto) плавали на Западѣ, много воды утекло. И если у васъ не звенѣло въ ушахъ, то не отъ недостатка разговоровъ о васъ. Въ самый день кораблекрушенія м-ръ Кемпбелль въ поискахъ за вами пришелъ въ мою

контору. Я никогда не слышалъ о вашемъ существованіи, но зналъ вашего отца и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ (о которыхъ поговорю послѣ), я опасался самого худшаго. М-ръ Эбензеръ, не отрицая, что видѣлъ васъ, объявилъ (это показалось мнѣ невѣроятнымъ), что далъ вамъ значительную сумму, и вы уѣхали въ Европу съ намѣреніемъ закончить свое образованіе (это казалось и вѣроятнымъ, и похвальнымъ). На вопросъ, какъ случилось, что вы не извѣстили м-ра Кемпбелля, онъ заявилъ, будто вы выразили желаніе порвать съ прошлой жизнью. На дальнѣйшій вопросъ, гдѣ вы находитесь, отвѣчалъ, что не знаетъ навѣрное, но думаетъ, что въ Лейденѣ. Вотъ и всѣ его отвѣты. Я не думаю, чтобы кто-либо повѣрилъ ему,—продолжалъ м-ръ Ранкэйлоръ, улыбаясь.—Въ особенности ему не понравились нѣкоторые мои вопросы, и онъ, попросту говоря, выставилъ меня за дверь. Мы были тогда въ большомъ затрудненіи; несмотря на всѣ наши подозрѣнія, у насъ не было и тѣни доказательства. Въ то самое время явился капитанъ Хозизенъ и разсказалъ, что вы утонули. Тутъ выяснилось, что вашъ дядя лгалъ, но безъ другихъ результатовъ, кромѣ безпокойства для м-ра Кемпбелля, убытка для моего кармана и еще одного пятна на репутаціи м-ра Бальфура, которая и безъ того уже запятнана. А теперь, м-ръ Давидъ,—прибавилъ онъ,—вы знаете весь ходъ этого дѣла и можете судить, насколько я достоинъ довѣрія.

На самомъ дѣлѣ разсказъ его былъ педантичнѣе, чѣмъ я передаю его, и уснащенъ большимъ количествомъ латинскихъ цитатъ. Но онъ говорилъ съ такимъ сочувствіемъ и юморомъ во взглядѣ и манерахъ, что почти усыпилъ мое недовѣріе. Кромѣ того, по обращенію его, я понялъ, что онъ болѣе не сомнѣвается въ моей личности. Итакъ, первое—моя личность—казалось доказаннымъ.

— Сэръ,—сказалъ я,—разсказывая вамъ свои приключенія, я долженъ предать въ ваши руки жизнь друга и разсчитываю поэтому на вашу скромность. Обѣщайте мнѣ, что она будетъ для васъ священна. Что же касается моей безопасности, то лучшей гарантіей мнѣ служитъ ваше лицо.

Онъ серьезно далъ мнѣ слово, но при этомъ прибавилъ:

— Это довольно подозрительное предисловіе, и если только въ вашей исторіи встрѣчаются нарушенія закона, я попрошу васъ не касаться ихъ и помнить, что я человѣкъ закона.

Послѣ этого я разсказалъ ему свои похожденія съ самаго начала, а онъ слушалъ, сдвинувъ очки на лобъ и закрывъ глаза, такъ что я иногда боялся, не спитъ ли онъ. Но нѣтъ, я послѣ убѣдился, что онъ слышалъ каждое слово; вообще тонкость его слуха и рѣдкая память часто удивляли меня. Онъ запоминалъ даже странныя, чуждыя ему гэльскія имена, слышанныя одинъ только разъ, и напоминалъ ихъ мнѣ спустя много лѣтъ. Но когда я прямо назвалъ Алана Брека, произошла смѣшная сцена. Имя Алана, разумѣется, пронеслось по всей Шотландіи, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ аппинскомъ убійствѣ и о предложенномъ вознагражденіи. Не успѣло это имя сорваться съ моего языка, какъ стряпчій пошевельнулся и открылъ глаза.

— На вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы называть ненужныхъ именъ, м-ръ Бальфуръ,—сказалъ онъ,—въ особенности же именъ гайлэндеровъ, изъ которыхъ многіе виновны предъ закономъ.

— Весьма возможно, что это было бы лучше,—возразилъ я,—но такъ какъ оно уже сорвалось у меня, то остается только сожалѣть и продолжать.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчалъ м-ръ Ранкэйлоръ.—Вы, вѣроятно, замѣтили, что я довольно плохо слышу, и потому не совсѣмъ разслышалъ это имя. Если позволите, мы будемъ называть вашего друга м-ромъ Томсономъ—тогда не будетъ недоразумѣній. А впредь я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ такъ со всѣми гайлэндерами, о которыхъ вамъ придется упоминать, живы ли они или мертвы.

По этому я понялъ, что онъ прекрасно слышалъ имя и догадался, что я дойду до убійства. Если ему нравилось притворяться, меня это не касалось. Я улыбнулся и согласился, замѣтивъ, впрочемъ, что это совсѣмъ не гайлэндское имя. Во всемъ остальномъ разсказѣ Аланъ назывался м-ромъ Томсономъ; это меня тѣмъ болѣе смѣшило, что хитрость была совсѣмъ въ его духѣ. Далѣе Джэмсъ Стюартъ былъ представленъ подъ именемъ родственника м-ра Томсона. Колинъ Кемпбелль назывался м-ромъ Глэнъ, а дойдя до Клюни, я назвалъ его: «М-ръ Джэмсонъ, гайлэндскій предводитель». Это былъ самый откровенный фарсъ, и я удивлялся, что стряпчему охота его разыгрывать. Впрочемъ, это было въ духѣ времени, когда въ государствѣ существовали двѣ партіи, и равнодушные, безъ опредѣленныхъ мнѣній, всячески старались не оскорблять ни ту, ни другую.

— Ого,—сказалъ стряпчій, когда я покончилъ,—да это цѣлая эпическая поэма, цѣлая «Одиссея». Вамъ слѣдуетъ передать ее на латинскомъ языкѣ, когда знанія ваши будутъ пополнены, или, если вы предпочитаете, на англійскомъ, хотя я лично выбралъ бы латинскій, какъ болѣе выразительный языкъ. Вы много путешествовали. Quae regio in terris—какой только приходъ въ Шотландіи (дѣлая вольный переводъ) не видѣлъ васъ? Кромѣ того, вы выказали странную способность вѣчно попадать въ фальшивыя положенія и въ то же время, въ общемъ, вести себя достойнымъ образомъ. М-ръ Томсонъ мнѣ представляется джентльмэномъ, обладающимъ нѣкоторыми прекрасными качествами, хотя онъ, пожалуй, находитъ слишкомъ большое удовольствіе въ пролитіи крови. И, несмотря на его достоинства, мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ онъ просолился въ Сѣверномъ морѣ, такъ какъ такой человѣкъ, м-ръ Бальфуръ, можетъ причинить большія затрудненія. Но вы, разумѣется, поступаете справедливо, оставаясь вѣрнымъ ему: онъ въ свое время былъ вѣренъ вамъ. It comes—можно сказать—онъ былъ вамъ вѣрнымъ товарищемъ; не менѣе, paribus curis vestiga figit, потому что иначе вы должны были бы оба болтаться на висѣлицѣ. Ну, къ счастью, эти дни миновали, и я думаю (разсуждая по-человѣчески), что близится конецъ вашихъ несчастій.

Разсуждая такъ о моихъ приключеніяхъ, онъ глядѣлъ на меня глазами, полными юмора и доброты, и я едва могъ скрыть свое удовольствіе. Я такъ долго скитался среди некультурныхъ жителей Гайлэнда и спалъ на горахъ подъ открытымъ небомъ, что мнѣ казалось значительнымъ прогрессомъ опять сидѣть въ чистомъ, крытомъ домѣ и дружески разговаривать съ прилично одѣтымъ господиномъ. Раздумывая такимъ образомъ, я нечаянно взглянулъ на мои лохмотья, и мнѣ снова стало стыдно. Но стряпчій замѣтилъ это и понялъ меня. Онъ всталъ, закричалъ наверхъ, чтобы поставили еще приборъ, такъ какъ м-ръ Бальфуръ останется обѣдать, и повелъ меня въ спальню въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь онъ предложилъ мнѣ воды, мыло и гребенку, досталъ одежду, принадлежавшую его сыну, и съ соотвѣтствующими наставленіями оставилъ меня за туалетомъ.

———

XXVIII. Въ поискахъ за наслѣдствомъ.

Я, насколько могъ, измѣнилъ свой внѣшній видъ и, заглянувъ въ зеркало, съ радостью увидѣлъ, что нищій исчезъ, а Давидъ Бальфуръ снова былъ призванъ къ жизни. Но все-таки я какъ-то стыдился этой перемѣны и болѣе всего чужого платья. Когда я покончилъ, м-ръ Ранкэйлоръ встрѣтилъ меня на лѣстницѣ, поздравилъ и снова повелъ въ кабинетъ.

— Садитесь, м-ръ Давидъ,—сказалъ онъ.—И теперь, когда вы стали болѣе похожимъ на самого себя, я посмотрю, не могу ли я сообщить вамъ что-нибудь новое. Вы, вѣроятно, удивлялись отношеніямъ вашего отца и дяди? Это дѣйствительно странная исторія, которую я затрудняюсь объяснить вамъ. Потому что,—прибавилъ онъ въ дѣйствительномъ смущеніи,—всему дѣлу причиной любовь.

— По правдѣ сказать,—замѣтилъ я,—понятіе о такомъ чувствѣ плохо вяжется у меня съ представленіемъ о дядѣ.

— Но вашъ дядя, м-ръ Давидъ, былъ когда-то молодъ,—возразилъ стряпчій,—и, что, вѣроятно, больше удивитъ васъ, красивъ и изященъ; люди выглядывали изъ дверей, когда онъ проѣзжалъ на горячемъ конѣ. Я самъ видѣлъ это, и, признаюсь откровенно, не безъ зависти, потому что самъ я былъ отъ роду некрасивымъ малымъ, а въ тѣ времена это было важно: Odi te qui bellus es, Sabelle.

— Мнѣ кажется это сномъ,—замѣтилъ я.

— Да, да,—отвѣчалъ стряпчій,—такъ всегда бываетъ между молодымъ и старымъ поколѣніемъ. Но это не все; вашъ дядя былъ уменъ и много обѣщалъ въ будущемъ. Въ 1715 году онъ вздумалъ отправиться на помощь мятежникамъ, но вашъ отецъ послѣдовалъ за нимъ, нашелъ въ канавѣ и привезъ обратно multum gementem, на потѣху всего графства. И вотъ, majora canamus, оба юноши влюбились въ одну лэди. М-ръ Эбенезеръ, которымъ восторгались, котораго любили и баловали, былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ, а когда увидѣлъ свою ошибку, то совсѣмъ потерялъ разсудокъ. Всѣ кругомъ знали объ этомъ; онъ то лежалъ больнымъ дома, среди плакавшей семьи, то ѣздилъ съ постоялаго двора на постоялый дворъ, разсказывая о своемъ несчастіи Тому, Дику и Гарри. Вашъ отецъ, м-ръ Давидъ, былъ

добрый джентльмэнъ, но очень, очень слабохарактерный, смотрѣлъ на всѣ эти глупости съ вытянутымъ лицомъ и, наконецъ, съ вашего позволенія, отказался отъ лэди. Но она была не глупа—вы, вѣрно, отъ нея унаслѣдовали здравый смыслъ—и не согласилась выйти за другого. Оба на колѣняхъ ползали передъ ней, и, наконецъ, она обоимъ указала на дверь. Это произошло въ августѣ (Боже мой, я въ тотъ годъ вернулся изъ колледжа). Сцена, должно быть, была чрезвычайно смѣшная.

Я самъ подумалъ, что это была глупая исторія, но не могъ забыть, что въ ней участвовалъ мой отецъ.

— Вѣроятно, сэръ, въ этой исторіи была и трагическая сторона,—сказалъ я.

— Нѣтъ, сэръ, ея вовсе не было,—отвѣчалъ нотаріусъ.— Въ трагедіи предполагается какая-нибудь вѣская причина для спора, какое-нибудь dignus vindice nodus, а въ этой пьесѣ завязкой служила блажь молодого избалованнаго осла, котораго слѣдовало покрѣпче связать. Но не таковъ былъ взглядъ вашего отца. И дѣло кончилось тѣмъ, что, послѣ безконечныхъ уступокъ съ его стороны и самыхъ разнообразныхъ проявленій шумнаго, сентиментальнаго эгоизма со стороны дяди, они подъ конецъ заключили нѣчто вродѣ сдѣлки, отъ послѣдствій которой вамъ пришлось недавно пострадать. Одинъ изъ братьевъ взялъ лэди, а другой помѣстье. М-ръ Давидъ, хорошо говорить о милосердіи и великодушіи, но я думаю, что въ такихъ спорныхъ вопросахъ лучше совѣтоваться со своимъ повѣреннымъ и брать все, что кому слѣдуетъ по закону. Какъ бы то ни было, а это донкихотство вашего отца, несправедливое само по себѣ, повлекло за собой длинный рядъ несправедливостей. Вашъ отецъ и мать жили и умерли бѣдными; васъ воспитали въ бѣдности, и въ то же время какіе тяжелые года переживали арендаторы Шооса! И что пережилъ самъ м-ръ Эбенезеръ, могъ бы я прибавить, если бы это меня интересовало.

— Во всемъ этомъ страннѣе всего,—сказалъ я,—что характеръ человѣка могъ такъ измѣниться.

— Вѣрно,—сказалъ м-ръ Ранкэйлоръ.—Но мнѣ это кажется довольно естественнымъ. Не могъ же онъ не понять, что сыгралъ въ этомъ дѣлѣ некрасивую роль. Люди, знавшіе эту исторію, отвернулись отъ него; не знавшіе же, увидѣвъ, что одинъ братъ исчезъ, а другой вступилъ во владѣніе помѣстьемъ, стали кри-

чать объ убійствѣ, такъ что всѣ избѣгали его. Сдѣлка дала ему однѣ только деньги, онъ и сталъ всего болѣе думать о деньгахъ. Онъ былъ эгоистомъ въ молодости и остался эгоистомъ въ старости; вы на себѣ видѣли, во что превратилось его изящное обращеніе и благородныя чувства.

— Хорошо, сэръ,—сказалъ я,—но какое же мое положеніе во всемъ этомъ?

— Помѣстье, несомнѣнно, принадлежитъ вамъ,—отвѣчалъ стряпчій.—Что бы ни подписывалъ вашъ отецъ, оно по закону должно перейти къ вамъ. Но вашъ дядя будетъ защищаться до послѣдней возможности и, вѣроятно, возбудитъ вопросъ о вашей тождественности. Процессъ всегда дорого стоитъ, а семейный процессъ еще всегда позоренъ. Кромѣ того, если бы открылись нѣкоторыя дѣла ваши съ вашимъ другомъ, м-ромъ Джонсономъ, мы могли бы обжечься. Фактъ похищенія, разумѣется, послужилъ бы въ вашу пользу, если бы мы могли только доказать его. Но доказать это трудно, и потому мой совѣтъ — не требовать слишкомъ многаго отъ вашего дяди, пожалуй, даже оставить его въ Шоссѣ, гдѣ за двадцать пять лѣтъ онъ уже успѣлъ пустить корни, а удовольствоваться пока хорошей ежегодной рентой.

Я сказалъ ему, что согласенъ на уступки и что мнѣ, разумѣется, было бы непріятно выставлять семейныя дѣла на судъ публики. Въ то же время въ мысляхъ моихъ уже началъ составляться планъ, который мы впослѣдствіи привели въ исполненіе.

— Такъ что самое главное,—спросилъ я,—это доказать участіе дяди въ похищеніи?

— Разумѣется,—отвѣчалъ м-ръ Ранкэйлоръ,—и по возможности не судомъ. Поймите, м-ръ Давидъ, мы, безъ сомнѣнія, могли бы найти нѣсколько матросовъ съ «Конвента», которые подтвердили бы ваше похищеніе; но разъ они уже вызваны свидѣтелями, мы не могли бы больше остановить ихъ показаній, и, навѣрное, было бы упомянуто имя м-ра Томсона. А это (какъ я заключаю изъ вашихъ словъ) нежелательно.

— Вотъ, сэръ, какъ я думаю поступить,—сказалъ я и объяснилъ ему свой планъ.

— Но изъ этого слѣдуетъ, что мнѣ придется встрѣтиться съ этимъ Томсономъ?—спросилъ онъ, когда я кончилъ.

— Да, сэръ, я такъ думаю,—сказалъ я.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ онъ, потирая лобъ.—

Вотъ тебѣ и разъ! Нѣтъ, м-ръ Давидъ, мнѣ кажется, что планъ вашъ неисполнимъ. Я ничего не имѣю противъ вашего друга, м-ра Томсона; я ничего не знаю дурного о немъ; если бы я зналъ (обратите на это вниманіе, м-ръ Давидъ!), моей обязанностью было бы задержать его. Но разсудите сами: благоразумно ли намъ встрѣчаться? Онъ, можетъ быть, виновенъ въ какомъ-нибудь преступленіи. Онъ могъ не говорить вамъ всего. Его, можетъ быть, и зовутъ не Томсонъ, а иначе!—воскликнулъ повѣренный, подмигивая.—Вѣдь эти молодцы подбираютъ себѣ имена по дорогѣ, какъ ягоды боярышника.

— Я предоставляю вамъ рѣшать, сэръ,—сказалъ я.

Однако, было ясно, что мой планъ ему понравился, такъ какъ онъ продолжалъ размышлять, пока насъ не позвали обѣдать въ обществѣ мистриссъ Ранкэйлоръ. И не успѣла она оставить насъ однихъ за бутылкой вина, какъ стряпчій снова заговорилъ о моемъ предложеніи. Когда и гдѣ я долженъ встрѣтиться съ моимъ другомъ, м-ромъ Томсономъ? Увѣренъ ли я въ его скромности? Предположимъ, что мы поймаемъ старую лисицу въ проступкѣ, соглашусь ли я на тѣ или другія условія? Подобные вопросы онъ задавалъ мнѣ чрезъ большіе промежутки, задумчиво потягивая вино. Когда мои отвѣты, очевидно, удовлетворили его, онъ еще больше задумался, позабывъ даже о кларетѣ. Затѣмъ онъ досталъ листъ бумаги и карандашъ и сталъ что-то писать, взвѣшивая каждое слово. Наконецъ, онъ позвонилъ, и въ комнату вошелъ клеркъ.

— Торрэнсъ,—сказалъ онъ,—это должно быть переписано до вечера. А когда вы покончите съ перепиской, то будьте такъ любезны и приготовьтесь пойти съ этимъ джентльмэномъ и со мной, такъ какъ вы, вѣроятно, понадобитесь въ качествѣ свидѣтеля.

— Сэръ,—воскликнулъ я, какъ только клэркъ ушелъ,—такъ вы рѣшаетесь?

— Вы сами видите,—сказалъ онъ, наливая вино въ стаканъ.—Но не будемъ больше говорить о дѣлѣ. Видъ Торрэнса напоминаетъ мнѣ о смѣшномъ случаѣ, бывшемъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я долженъ былъ сойтись съ нимъ у Эдинбургскаго перекрестка. Каждый пошелъ по своимъ дѣламъ, а когда пробило четыре часа, то Торрэнсъ, выпивъ лишнее, не узналъ своего начальника, а я, забывъ очки дома, видѣлъ безъ нихъ такъ плохо,

что, даю вамъ слово, не могъ узнать своего клэрка. Тутъ Ранкэйлоръ отъ души разсмѣялся.

Я согласился, что это странный случай, и изъ вѣжливости улыбнулся. Но меня весь день удивляло, что онъ все возвращался къ этому разсказу, подчеркивая его и передавая съ новыми подробностями и смѣхомъ, такъ что я, наконецъ, пришелъ въ замѣшательство и почувствовалъ неловкость отъ такого поведенія моего новаго друга.

Я подъ руку съ Ранкэйлоромъ вышелъ изъ дома...

Около назначеннаго мною Алану времени я подъ-руку съ м-ромъ Ранкэйлоромъ вышелъ изъ дома, а за нами слѣдовалъ Торрэнсъ съ документомъ въ карманѣ и закрытой корзинкой въ рукахъ. Пока мы шли по городу, стряпчему приходилось раскланиваться направо и налѣво и постоянно останавливаться съ людьми, просившими совѣта по городскимъ и частнымъ дѣламъ. При этомъ я могъ замѣтить, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ странѣ. Наконецъ, пройдя дома, мы пошли вдоль гавани по направленію къ гостиницѣ «Въ боярышникѣ» и молу у парома, бывшими свидѣтелями моего несчастія. Я не могъ безъ

волненія глядѣть на эти мѣста, вспоминая, что многихъ изъ бывшихъ тогда со мной уже не было въ живыхъ: Рэнсома, котораго, вѣроятно, Богъ взялъ отъ ожидавшаго его здѣсь зла; Шуэна, переселившагося въ страну, куда я не смѣлъ слѣдовать за нимъ, и несчастныхъ матросовъ, потонувшихъ съ бригомъ. Я пережилъ всѣхъ ихъ и даже самый бригъ, и вышелъ невредимый изъ всѣхъ этихъ напастей и опасностей. Мнѣ слѣдовало только благодарить Бога, а между тѣмъ я не могъ смотрѣть на это мѣсто безъ грусти о другихъ и содроганія отъ ужасныхъ воспоминаній.

Я думалъ объ этомъ, какъ вдругъ м-ръ Ранкэйлоръ вскрикнулъ, ударивъ рукой по карманамъ, и засмѣялся.

— Ну,—восклицалъ онъ,—не комично ли это! Послѣ всего, что я говорилъ, я все-таки забылъ очки!

Тутъ я, разумѣется, понялъ, къ чему клонился его разсказъ, и сообразилъ, что онъ нарочно оставилъ очки дома, чтобы воспользоваться помощью Алана и въ то же время не видѣть его, избѣгнувъ такимъ образомъ неловкаго положенія. Дѣйствительно, это было хорошо задумано: если бы теперь дѣло и приняло дурной оборотъ, то какъ могъ м-ръ Ранкэйлоръ удостовѣрить личность моего друга и дать показанія противъ него? А все-таки онъ что-то слишкомъ долго не замѣчалъ отсутствія очковъ и во все время пути по городу узнавалъ и разговаривалъ съ значительнымъ числомъ людей, такъ что могъ возбудить сомнѣніе въ слабости своихъ глазъ.

Какъ только мы миновали гостиницу (я на порогѣ увидѣлъ хозяина, съ трубкой въ зубахъ, и удивился, что онъ не состарился), м-ръ Ранкэйлоръ перемѣнилъ порядокъ шествія, идя сзади съ Торрэнсомъ и пославъ меня впередъ развѣдчикомъ. Я взошелъ на холмъ, насвистывая отъ времени до времени свой гэльскій мотивъ; наконецъ, я съ радостью услышалъ отвѣтный свистъ, и Аланъ поднялся изъ-за куста. Онъ немного упалъ духомъ, проведя весь день въ одиночествѣ, скрываясь и плохо закусивъ въ пивной около Дундаса. Но при одномъ взглядѣ на мою одежду лицо его прояснилось, а когда я разсказалъ ему, какъ подвинулись наши дѣла, и объяснилъ его роль въ томъ, что осталось сдѣлать, Аланъ совсѣмъ переродился.

— Это блестящая мысль,—сказалъ онъ,—и, увѣряю васъ, для исполненія ея вы не могли бы найти лучшаго человѣка, чѣмъ Аланъ Брекъ. Такую штуку (замѣтьте) не всякій сумѣетъ сдѣ-

лать, она требуетъ человѣка сообразительнаго. Но мнѣ думается, что вашъ повѣренный хотѣлъ бы поскорѣе видѣть меня,—сказалъ Аланъ.

Я сталъ звать и махать м-ру Ранкэйлору, который подошелъ одинъ и былъ представленъ моему другу, м-ру Томсону.

— Я очень радъ встрѣтиться съ вами, м-ръ Томсонъ,—сказалъ онъ.—Но я забылъ свои очки, и нашъ другъ, м-ръ Давидъ (онъ хлопнулъ меня по плечу), скажетъ вамъ, что безъ нихъ я почти слѣпъ, такъ что не удивляйтесь, если завтра я не узнаю васъ.

Онъ сказалъ это, думая успокоить Алана. Но гордость послѣдняго возмущалась даже отъ такого пустяка.

— Сэръ,—сухо отвѣчалъ онъ,—мнѣ кажется, это неважно, такъ какъ мы встрѣтились для опредѣленной цѣли,—чтобы добиться справедливости къ м-ру Бальфуру,—и, какъ мнѣ кажется, врядъ ли имѣемъ что-нибудь общее. Но я принимаю ваше извиненіе, которое было очень кстати.

— Я не смѣю надѣяться на большее, м-ръ Томсонъ, — искренно сказалъ Ранкэйлоръ.—Мы съ вами главныя дѣйствующія лица въ этомъ дѣлѣ, и намъ слѣдуетъ притти къ соглашенію, а потому позвольте взять васъ подъ-руку, такъ какъ я (отъ темноты и отсутствія очковъ) плохо вижу тропинки. Вы же, м-ръ Давидъ, найдете въ Торрэнсѣ очень интереснаго собесѣдника. Только помните, что ему совсѣмъ не для чего знать ваши приключенія, а также приключенія... гм... м-ра Томсона.

На этомъ основаніи оба они пошли впередъ, интимно разговаривая, а Торрэнсъ и я образовали арьергардъ.

Когда мы подошли къ Шоосъ-гаузу, уже наступила ночь. Было уже больше десяти часовъ; ночь стояла темная и теплая; листья на деревьяхъ шелестѣли отъ легкаго вѣтерка, дувшаго съ юго-запада, и шелестъ этотъ заглушалъ наши шаги. Мы подошли ближе, не замѣчая и признаковъ огня во всемъ зданіи. Мой дядя, вѣроятно, былъ уже въ постели, а это было для насъ самое удобное время. Въ пятидесяти ярдахъ отъ дома мы шопотомъ въ последній разъ совѣщались; затѣмъ повѣренный, Торрэнсъ и я тихонько двинулись впередъ и притаились за угломъ дома. Какъ только мы были на мѣстахъ, Аланъ, не скрываясь, подошелъ къ дому и сталъ стучать.

XXIX. Я вступаю въ свои владѣнія.

Аланъ нѣкоторое время тщетно стучалъ въ дверь; удары только будили эхо въ домѣ и окрестностяхъ. Наконецъ, я услышалъ стукъ осторожно отворяемаго окна и понялъ, что дядя на на своемъ обсерваціонномъ пунктѣ. При недостаточномъ ночномъ освѣщеніи онъ могъ видѣть только фигуру Алана, вырисовывавшуюся темнымъ силуэтомъ на ступенькахъ, трое же свидѣтелей были совершенно скрыты, такъ что честному человѣку въ собственномъ домѣ нечего было бы тревожиться. Несмотря на это, онъ долгое время молча смотрѣлъ на посѣтителя, и когда заговорилъ, то въ голосѣ его слышался страхъ.

— Это что?—сказалъ онъ.—Ночь—не время для приличныхъ людей, и съ ночными птицами у меня нѣтъ дѣлъ. Что васъ привело сюда? У меня есть мушкетонъ.

— Это вы сами, м-ръ Бальфуръ?—отвѣчалъ Аланъ, отступая и глядя наверхъ.—Обращайтесь поосторожнѣе съ мушкетономъ, будетъ скверно, если онъ выстрѣлитъ.

— Что васъ привело сюда? И кто вы такой?—злобно спросилъ мой дядя.

— Я вовсе не имѣю намѣренія кричать свое имя на всю окрестность,—сказалъ Аланъ.—А что меня привело—это другое дѣло, и касается васъ болѣе, чѣмъ меня. И если вы желаете слушать, я положу на музыку и пропою вамъ.

— А что это такое?—спросилъ дядя.

— Давидъ,—отвѣчалъ Аланъ.

— Что?—воскликнулъ дядя значительно измѣнившимся голосомъ.

— Сказать вамъ его фамилію?—спросилъ Аланъ.

Послѣдовала пауза; затѣмъ дядя съ сомнѣніемъ въ голосѣ прибавилъ:

— Мнѣ кажется, лучше будетъ впустить васъ.

— Не сомнѣваюсь,—сказалъ Аланъ,—но вопросъ въ томъ, пойду ли я? Вотъ что я вамъ скажу. Мнѣ кажется, что намъ лучше поговорить о нашемъ дѣлѣ здѣсь на порогѣ или нигдѣ. Предупреждаю васъ, что я такъ же упрямъ, какъ и вы, и притомъ джентльмэнъ болѣе высокаго происхожденія.

Эта перемѣна тона смутила Эбенезера. Подумавъ нѣкоторое время, онъ сказалъ:

— Хорошо, хорошо, что надо, то надо,—и затворилъ окно. Онъ очень долго спускался по лѣстницѣ и еще дольше открывалъ затворы, вѣроятно, раскаиваясь и снова опасаясь на каждой ступени и предъ каждымъ болтомъ и засовомъ. Наконецъ, мы услышали скрипъ петель, дядя мой осторожно вышелъ и, видя, что Аланъ отступилъ на одинъ или два шага, сѣлъ на верхней ступенькѣ, держа наготовѣ мушкетонъ.—А теперь,—сказалъ онъ,—помните, что у меня въ рукахъ мукшетонъ и что если вы приблизитесь на шагъ, то будете убиты.

— Это очень вѣжливо замѣчено,—сказалъ Аланъ.

— Ну,—отвѣчалъ дядя,—ваше поведеніе не обѣщаетъ ничего хорошаго, и я долженъ быть готовымъ. А теперь мы понимаемъ другъ друга, и вы можете разсказать свое дѣло.

— Если вы такой догадливый человѣкъ,—сказалъ Аланъ,—то, безъ сомнѣнія, замѣтили, что я гайлэндскій джентльменъ. Имя мое къ дѣлу не идетъ, но страна моихъ родственниковъ находится недалеко отъ острова Мулля, о которомъ вы, вѣроятно слышали. Въ тѣхъ мѣстахъ погибло судно, и когда на слѣдующій день мой родственникъ искалъ вдоль берега выброшенныя доски, то наткнулся на полуживого мальчика. Онъ привелъ его въ чувство, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими джентльменами отвелъ въ старый, разрушенный замокъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и содержитъ его. Мои родственники—народъ довольно дикій и не такой щепетильный насчетъ закона, какъ нѣкоторые извѣстные мнѣ люди. Узнавъ, что мальчикъ благороднаго происхожденія и приходится вамъ роднымъ племянникомъ, м-ръ Бальфуръ, они попросили меня побывать у васъ и переговорить объ этомъ дѣлѣ. И, предупреждаю васъ, если мы не сойдемся, вы его врядъ ли опять увидите, такъ какъ мои родственники, — наивно прибавилъ Аланъ,—очень бѣдные люди.

Дядя прокашлялся.

— Для меня это довольно безразлично,—отвѣтилъ онъ.—Я всегда былъ недоволенъ имъ и у меня нѣтъ никакого желанія вмѣшиваться въ эту исторію.

— Ну, ну,—сказалъ Аланъ,—я вижу, чего вы добиваетесь: вы увѣряете, что вамъ все равно, чтобы мы назначили меньшій выкупъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя,—я говорю чистую правду. Меня совсѣмъ не интересуетъ этотъ мальчишка, я не стану платить

никакого выкупа, и вы можете дѣлать съ нимъ все, что угодно, мнѣ все равно.

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ Аланъ.—Вѣдь кровь не вода, чортъ возьми! Вы изъ одного стыда не бросите сына своего брата. Если бы вы бросили его и это стало бы извѣстнымъ, вы, думается мнѣ, были бы не очень-то популярны въ вашей странѣ.

— Я и такъ не особенно популяренъ,—отвѣчалъ Эбенезеръ.—И, кромѣ того, не понимаю, какъ это дѣло можетъ стать извѣстнымъ? Я разсказывать не стану, вы и ваши родственники—тѣмъ болѣе. Это праздная болтовня, мой милый.

— Тогда Давидъ самъ разскажетъ,—сказалъ Аланъ.

— Какимъ образомъ?—рѣзко спросилъ мой дядя.

— Очень просто,—сказалъ Аланъ.—Мои друзья держали вашего племянника у себя, пока была надежда получить за него деньги, но, потерявъ ее, они, безъ сомнѣнія, отпустятъ его на всѣ четыре стороны, чортъ бы его побралъ!

— О, мнѣ это тоже безразлично,—отвѣчалъ дядя.—Меня это не особенно огорчитъ.

— А я думалъ иначе,—сказалъ Аланъ.

— Отчего?—спросилъ Эбенезеръ.

— Ну, м-ръ Бальфуръ,—отвѣчалъ Аланъ,—у каждаго дѣла могутъ быть только двѣ стороны: или вы любите Давида и заплатите, чтобы освободить его, или у васъ есть причины не желать его возвращенія, и тогда вы заплатите, чтобы мы оставили его у себя. Очевидно, что вы не желаете перваго; значитъ вы хотите второго. Очень радъ. И я, и друзья мои получимъ за это славныя денежки.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ дядя.

— Нѣтъ?—спросилъ Аланъ. — Слушайте: вы не хотите, чтобы мальчишка возвращался. Что же съ нимъ надо сдѣлать и сколько вы за это заплатите?

Дядя не отвѣчалъ и безпокойно ерзалъ по ступенькѣ.

— Слушайте, сэръ!—закричалъ Аланъ. — Помните, что я джентльменъ; я ношу королевское имя и не таковъ, чтобы уйти съ пустыми руками. Или вы дадите мнѣ отвѣтъ вѣжливо и немедленно, или же, клянусь вершиной Глэнко, я проткну вамъ внутренности своей шпагой.

— Эй, любезный,—воскликнулъ дядя, вскакивая на ноги,—подождите минутку! Что съ вами? Я обыкновенный человѣкъ, а

не танцовальный учитель и стараюсь быть вѣжливымъ насколько возможно. А ваши дикія слова позорятъ васъ: «Проткну внутренности», какъ бы не такъ! А чего же я буду ждать со своимъ мушкетономъ?—проворчалъ онъ.

— Порохъ и ваши старыя руки то же, что улитка въ сравненіи съ ласточкой передъ блестящей шпагой въ рукахъ Алана,— сказалъ онъ.—Прежде чѣмъ вашъ дрожащій палецъ найдетъ курокъ, эфесъ моей шпаги будетъ торчать изъ вашей груди.

— Эй, любезный, развѣ я спорю?—возразилъ дядя.—Говорите, что хотите, поступайте по своему, я не буду перечить. Скажите только, что вамъ надо, и увидите, что мы отлично сойдемся.

— Вѣрно, сэръ,—сказалъ Аланъ,—я требую одной откровенности. Короче сказать: хотите вы, чтобы мальчика убили или чтобы его продолжали содержать?

— Боже мой,—воскликнулъ Эбенезеръ,—развѣ можно такъ выражаться!

— Убить или сберечь?—повторилъ Аланъ.

— О, сберечь, сберечь!—простоналъ дядя.—Безъ кровопролитія, прошу васъ.

— Какъ хотите,—сказалъ Аланъ,—но это будетъ дороже.

— Дороже?—воскликнулъ Эбенезеръ.—Неужели вамъ легче совершить преступленіе?

— Ну,—сказалъ Аланъ,—и то, и другое—преступленія! А убить и легче, и скорѣе, и вѣрнѣе. Содержать его затруднительнѣе—это скучное, щекотливое дѣло.

— Я все-таки хочу, чтобы его содержали,—отвѣчалъ мой дядя.—Я никогда не поступалъ безнравственно и не начну поступать такъ теперь для удовольствія дикаго гайлэндера.

— Вы слишкомъ щепетильны, — насмѣшливо произнесъ Аланъ.

— Я человѣкъ принципа,—просто сказалъ Эбенезеръ,—и если мнѣ за это надо платить, я заплачу. Вы забываете, кромѣ того, что мальчикъ—сынъ моего брата.

— Хорошо,—сказалъ Аланъ,—теперь уговоримся о цѣнѣ. Мнѣ не легко назначить ее, и сперва хотѣлось бы узнать нѣкоторыя подробности. Мнѣ нужно знать, напримѣръ, сколько вы заплатили Хозизену, когда въ первый разъ сбывали мальчика съ рукъ?

— Хозизену?—закричалъ дядя, застигнутый врасплохъ.— За что?

— За похищеніе Давида,—сказалъ Аланъ.

— Это ложь!—воскликнулъ дядя.—Его никогда не похищали. Тотъ, кто сказалъ вамъ это,—солгалъ. Похищенъ? Онъ никогда не былъ похищенъ!

— Если онъ этого избѣгнулъ, то это уже не моя вина, да и не ваша,—сказалъ Аланъ,—а также и не Хозизена, если только ему можно вѣрить.

— Что вы хотите сказать? — воскликнулъ Эбенезеръ. — Развѣ вамъ Хозизенъ разсказывалъ что-нибудь?

— Ахъ, вы, старый негодяй, да какъ же я могъ бы иначе знать?—воскликнулъ Аланъ.—Мы съ Хозизеномъ компаньоны; мы дѣлимъ прибыль. Теперь вы сами видите, что ваша ложь не поможетъ. И, долженъ вамъ откровенно признаться, вы сдѣлали большую глупость, посвятивъ его въ ваши частныя дѣла. Но теперь поздно жалѣть: что посѣешь, то и пожнешь. Дѣло вотъ въ чемъ: сколько вы заплатили ему?

— Развѣ онъ не говорилъ вамъ?—спросилъ мой дядя.

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ Аланъ.

— Хорошо,—сказалъ дядя,—мнѣ все равно; что бы онъ ни говорилъ, онъ все равно солгалъ. Я скажу вамъ чистую правду: я далъ ему двадцать фунтовъ. И чтобы быть съ вами совершенно честнымъ, прибавлю, что, кромѣ того, онъ долженъ былъ получить деньги за продажу мальчика въ Каролинѣ, такъ что въ сущности вышло бы немного больше, но, какъ видите, не изъ моего кармана.

— Благодарю васъ, м-ръ Томсонъ. Этого вполнѣ достаточно,—сказалъ стряпчій, выступая впередъ; затѣмъ вѣжливо продолжалъ:—Добрый вечеръ, м-ръ Бальфуръ.

— Добрый вечеръ, дядя Эбенезеръ,—сказалъ я.

— Славная сегодня ночка, м-ръ Бальфуръ, — прибавилъ Торрэнсъ.

Мой дядя не отвѣчалъ ни слова, продолжая сидѣть на верхней ступенькѣ, точно окаменѣлый.

Аланъ вынулъ изъ его рукъ мушкетонъ, а стряпчій, взявъ его подъ руку, поднялъ со ступеньки, повелъ въ кухню и усадилъ его на стулъ у очага, гдѣ огонь былъ потушенъ и горѣлъ одинъ только ночникъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ.

Мы нѣкоторое время глядѣли на дядю, чрезвычайно радуясь

своей удачѣ, но не безъ нѣкоторой жалости къ пристыженному старику.

— Ну, ну, м-ръ Эбенезеръ,—сказалъ стряпчій,—не падайте духомъ, я обѣщаю вамъ, что мы удовольствуемся немногимъ. А пока дайте намъ ключъ отъ погреба, Торрэнсъ принесетъ намъ бутылку стараго вина, которую мы разопьемъ по поводу этого событія.—Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ и взявъ меня за руку:— М-ръ Давидъ,—сказалъ онъ,—желаю вамъ всего хорошаго въ вашемъ новомъ положеніи, которое, я увѣренъ, вы вполнѣ заслужили.—Потомъ онъ шутливо обратился къ Алану:—Поздравляю васъ, м-ръ Томсонъ, вы очень искусно вели дѣло; но одного только я не могъ понять: какъ васъ собственно зовутъ? Іаковъ или Карлъ? Или, можетъ быть, Георгъ?

— Отчего вы думаете, что меня зовутъ однимъ изъ этихъ трехъ именъ, сэръ?—спросилъ Аланъ, выпрямляясь и точно предчувствуя оскорбленіе.

— Оттого, что вы упоминали о королевскомъ имени, сэръ,— отвѣчалъ Ранкэйлоръ,—а такъ какъ никогда еще не существовало короля Томсона (я, по крайней мѣрѣ, никогда не слышалъ о такомъ), я подумалъ, что вы говорите объ имени, данномъ вамъ при крещеніи.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, къ которымъ Аланъ былъ наиболѣе чувствителенъ, и, надо признаться, онъ съ трудомъ перенесъ его. Не отвѣчая ни слова, онъ отошелъ въ дальній уголъ кухни и, надувшись, сидѣлъ тамъ. Только когда я подошелъ къ нему, подалъ ему руку и поблагодарилъ его по справедливости, какъ главнаго виновника моей удачи, онъ слегка улыбнулся и, наконецъ, рѣшился присоединиться къ нашему обществу.

Къ этому времени мы успѣли развести огонь и откупорить бутылку вина; изъ корзины появился хорошій ужинъ, за который сѣли Аланъ, Торрэнсъ и я, тогда какъ стряпчій и дядя пошли совѣщаться въ сосѣднюю комнату.

Просидѣвъ тамъ около часу, они, наконецъ, пришли къ соглашенію, послѣ чего я и дядя подписями скрѣпили формальный договоръ. По условіямъ соглашенія, мой дядя обязывался вознаградить Ранкэйлора за его вмѣшательство и выплачивать мнѣ двѣ трети чистаго дохода отъ помѣстья Шоосъ.

Итакъ, нищій-странникъ изъ баллады вернулся домой. Лежа

въ ту ночь на кухонныхъ сундукахъ, я сознавалъ себя человѣкомъ со средствами и положеніемъ въ странѣ. Аланъ, Ранкэйлоръ и Торрэнсъ храпѣли на своихъ жесткихъ постеляхъ. На меня же, проведшаго столько дней и ночей подъ открытымъ небомъ, въ грязи, на камняхъ, голоднымъ, въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, эта счастливая перемѣна подѣйствовала сильнѣе, чѣмъ прежнія невзгоды.

Я не спалъ до разсвѣта, глядя на отраженіе пламени на потолкѣ и строя планы будущаго.

XXX. Прощаніе.

Хотя я лично и прибылъ къ тихой пристани, но у меня на рукахъ оставался Аланъ, которому я былъ столькимъ обязанъ. Кромѣ того, у меня на душѣ тяжелымъ бременемъ лежало дѣло объ убійствѣ Колина Кемпбелля и заключеніе Джэмса Глэнскаго.

На слѣдующее утро, около шести часовъ, гуляя съ Ранкэйлоромъ передъ Шоосъ-гаузомъ, вокругъ котораго разстилались поля и лѣса моихъ предковъ, теперь принадлежавшіе мнѣ, я сообщилъ ему мои сомнѣнія. И, несмотря на серьезную тему нашего разговора, мой взглядъ радостно скользилъ по окружающему, а сердце мое билось отъ гордости.

Стряпчій вполнѣ согласился со мной: пока дѣло касалось моихъ обязанностей къ Алану, я долженъ былъ помочь ему выбраться отсюда, несмотря ни на какой рискъ. Но въ дѣлѣ Джэмса онъ былъ совершенно другого мнѣнія.

— М-ръ Томсонъ—одно, а родственникъ м-ра Томсона—совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ онъ.—Я мало знакомъ съ фактами, но заключаю, что одно знатное лицо — назовемъ его Г. А.—*) замѣшано въ это дѣло и даже, какъ думаютъ, относится къ нему враждебно. Г. А., безъ сомнѣнія, благородный джентльменъ, но timeo qui nocuere deos. Если вы хотите помѣшать его мщенію, помните, что есть возможность избавиться отъ вашего свидѣтельства: посадить васъ на скамью подсудимыхъ. Тогда вы были бы въ одномъ положеніи съ родственникомъ м-ра Томсона. Вы скажете, что вы невинны, но вѣдь и

*) Г. А.—Герцогъ Арджильскій.

онъ невиновенъ. Судъ же предъ гайлэндскими присяжными, по гайлэндской распрѣ и подъ предсѣдательствомъ гайлэндскаго судьи—прямая дорога на висѣлицу.

Эти разсужденія приходили и мнѣ въ голову, и я не находилъ на нихъ возраженія. Но я все-таки спросилъ наивно:

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, мнѣ остается только быть повѣшеннымъ, не правда ли?

— Мой милый мальчикъ,—воскликнулъ онъ,—ступайте съ Богомъ и поступайте, какъ считаете честнымъ! Въ мои лѣта не слѣдовало бы совѣтовать вамъ выбирать безопасное и позорное, и я, извиняясь, беру назадъ свои слова. Ступайте и исполняйте свою обязанность, и если васъ присудятъ къ висѣлицѣ, идите на висѣлицу, какъ джентльменъ. На свѣтѣ есть вещи хуже висѣлицы.

— Такихъ немного, сэръ,—сказалъ я, улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, сэръ,—воскликнулъ онъ,—очень много! И, чтобы не итти далеко за примѣромъ, для вашего дяди было бы гораздо лучше, если бы онъ теперь болтался на висѣлицѣ.

Съ этими словами онъ вернулся въ домъ (все еще въ прекрасномъ расположеніи духа, такъ что, очевидно, остался доволенъ мной) и написалъ два письма, комментируя ихъ во время работы.

— Это письмо,—сказалъ онъ,—къ моимъ банкирамъ—британскому льнянопрядильному обществу, открывающему кредитъ на ваше имя. Посовѣтуйтесь съ м-ромъ Томсономъ, онъ, вѣроятно, знакомъ съ путями, а вы, при помощи этого кредита, доставите ему средства. Я надѣюсь, что вы сумѣете беречь деньги, но въ дѣлѣ м-ра Томсона можно быть даже расточительнымъ. Относительно его родственника лучше всего направиться къ лорду адвокату, разсказать ему все и предложить свое свидѣтельство; приметъ ли онъ его или нѣтъ или обратитъ ли его противъ Г. А.—это ужъ другое дѣло. Чтобы достать вамъ хорошую рекомендацію къ лорду адвокату, я написалъ письмо вашему однофамильцу, ученому м-ру Бальфуру Пильригскому, котораго я очень уважаю. Лучше, если васъ представитъ человѣкъ, носящій одну съ вами фамилію, а лэрдъ Пильригскій пользуется большимъ уваженіемъ властей и состоитъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ лордомъ адвокатомъ Грантомъ. На вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы обременять его подробностями и, знаете ли,

считаю, что совершенно лишнее упоминать о м-рѣ Томсонѣ. Старайтесь подражать лорду—это хорошій примѣръ. Будьте осторожны съ адвокатомъ и да поможетъ вамъ Богъ, м-ръ Давидъ!

Вслѣдъ затѣмъ онъ распрощался и вмѣстѣ съ Торрэнсомъ отправился въ Куинсферри, тогда какъ Аланъ и я пошли по направленію къ Эдинбургу. Проходя по тропинкѣ мимо столбовъ у воротъ и неоконченнаго домика привратника, мы продолжали оглядываться на домъ моихъ предковъ. Громадный, обнаженный, безъ единой струйки дыма, онъ казался необитаемымъ, только въ одномъ изъ верхнихъ оконъ виднѣлась верхушка ночного колпака, раскачивавшагося вверхъ и внизъ, впередъ и назадъ, точно голова кролика въ норѣ. Я не слышалъ привѣтствія, когда явился, и не видѣлъ ласки во время пребыванія; но зато за мной наблюдали при уходѣ.

Мы шли медленно и неохотно, не чувствуя ни малѣйшаго желанія разговаривать. Оба мы думали о близкой разлукѣ и съ грустью вспоминали минувшіе дни. Впрочемъ, мы говорили о дѣлахъ: было рѣшено, что Аланъ останется по близости, скрываясь то здѣсь, то тамъ, но будетъ разъ въ день приходить на опредѣленное мѣсто, гдѣ я могъ бы сообщаться съ нимъ лично или чрезъ посланнаго. Въ то же время я долженъ былъ отыскать адвоката изъ Аппинскихъ Стюартовъ, которому, слѣдовательно, можно было бы довѣриться; его дѣломъ было найти судно и обезпечить Алану безопасный проѣздъ. Покончивъ съ дѣломъ, мы снова замолкли. Я пробовалъ было шутить съ Аланомъ, называя его мистеромъ Томсономъ, а онъ дразнить меня новымъ платьемъ и помѣстьемъ, но было ясно, что намъ хочется скорѣе плакать, чѣмъ смѣяться.

По тропинкѣ, пересѣкавшей холмъ Корсторфайнъ, мы дошли до мѣста, называемаго «Отдыхъ». Взглянувъ на Корсторфайнское болото и дальше на городъ и на замокъ на горѣ, мы оба остановились, такъ какъ поняли безъ словъ, что здѣсь наши пути расходятся. Аланъ повторилъ мнѣ еще разъ адресъ адвоката, часъ, когда я могъ найти его, и сигналы, съ помощью которыхъ можно было отыскать его. Затѣмъ я отдалъ ему все, что имѣлъ (гинею или двѣ, взятыя у Ранкэйлора), чтобы пока онъ не голодалъ. Мы постояли, молча глядя на Эдинбургъ.

— Что же, прощайте,—сказалъ Аланъ, протягивая руку.

— Прощайте,—сказалъ я, быстро пожимая ее, и сталъ спускаться съ холма.

Мы ни разу не взглянули другъ другу въ лицо. Пока Аланъ былъ еще въ виду, я даже не оглядывался на него, но зато дальше, по дорогѣ въ городъ, почувствовалъ себя такимъ потерянным и одинокимъ, что готовъ былъ сѣсть у дороги и заплакать, какъ ребенокъ.

Былъ почти полдень, когда я, миновавъ Весткирку и Грассмаркетъ, вошелъ въ городъ. Невѣроятная высота домовъ, достигавшихъ десяти и пятнадцати этажей, узкіе сводчатые входы, непрерывно извергавшіе толпы народа, выставленные въ окнахъ товары, постоянный шумъ и суета, дурной воздухъ, нарядныя одежды и сотни другихъ мелочей совершенно ошеломили меня, и я машинально отдался толпѣ, которая носила меня изъ стороны въ сторону. Но я все думалъ объ Аланѣ и «Отдыхѣ» и все время—хотя читатель, навѣрное, подумаетъ, что я не могъ не восхищаться этимъ новымъ красивымъ зрѣлищемъ—у меня болѣло сердце, и я чувствовалъ, точно совѣсть упрекаетъ меня въ чемъ-то дурномъ.

Наконецъ, сама судьба привела меня къ дверямъ банка британскаго льнянопрядильнаго общества.

Теперь, когда Давидъ достигъ положенія, издатель намѣренъ съ нимъ на время распроститься. Со временемъ, можетъ быть, онъ разскажетъ о бѣгствѣ Алана, о томъ, что было предпринято по дѣлу объ убійствѣ, и о многихъ другихъ интересныхъ обстоятельствахъ. Это во всякомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ желанія публики. Издатель питаетъ большую склонность какъ къ Алану, такъ и къ Давиду и охотно провелъ бы въ ихъ обществѣ еще нѣкоторое время, но другіе могутъ не раздѣлять его желанія. Опасаясь этого, а также обвиненія въ недостаткѣ вниманія, онъ торопится заявить, что у нихъ все шло хорошо, въ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова. Что бы ни случалось съ ними, они всегда поступали честно, но и о себѣ не забывали.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ. Одиннадцатый г. изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Журналу присуждены слѣдующ. награды: Grand Prix (Парижъ 1913 г.), 3 бол. зол. мед., 1 средняя зол. мед. и 2 больш. серебр. мед.
Изд. П. П. СОЙКИНЪ. Ред. П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА,

съ многочисленными иллюстраціями. Въ теченіе года помѣщается около **1,500** практическихъ статей и обстоятельныхъ отвѣтовъ практиковъ и специалистовъ на вопросы по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описаніе **новинокъ** по садоводству. Въ составѣ сотрудниковъ—**лучшія силы русскаго садоводства и огородничества.**

12 книгъ САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА съ рисунками и чертежами.

Каждый выпускъ «Библіотеки» представляетъ собою вполнѣ законченное иллюстрир. руководство.

1) **Какъ выращивать сильный, здоровый посадочный матеріалъ.** Инструкт. по садов. *Я. М. Пенгерота.*
2) **Исправленіе старыхъ плодов. садовъ, съ цѣлью поднятія** урожаевъ плод. деревьевъ. *М. С. Балабанова.*
3) **Культура душистыхъ фіалокъ** въ саду, въ теплицѣ и въ комнатахъ. Руководство для любителей и промышленниковъ *І. Барфусса.*
4) **Какъ вырастить въ комнатахъ лимоны, апельсины и** померанцы. Съ ориг. рисунк. *Н. Н. Шаврова.*
5) **Какъ увеличить урожаи плодоваго сада безъ поливки.** *М. С. Балабанова.*
6) **Размноженіе лучшихъ кустарниковъ черенками.** Составилъ *Г. В. Черабаевъ.*
7) **Культура персиковъ и винограда въ суровыхъ по** климату мѣстностяхъ. *Н. Н. Шаврова.*
8) **Доходная культура орѣховъ.** *Т. Кварацхеліи.*
9) **Устройство недорогого ковроваго цвѣтника.** *П. Н. Штейнберга.*
10) **Устройство комнатныхъ парничковъ и тепличекъ.** Практич. руководство *А. А. Смирновскаго.*
11) **Культура лучшихъ цвѣтущихъ кустарниковъ въ грунту.** *А. Н. Макарова.*
12) **Культура рѣдкихъ (новыхъ) многолѣтниковъ въ грунту.** *С. А. Соколова.*

6 книгъ ДОМЪ и САДЪ

предназначаются въ помощь хозяйкѣ по украш. дома, сада и по загот. самыхъ разнообразн. консервовъ.

Главные отдѣлы этого приложенія: 1) Украшеніе растеніями комнатъ, балконовъ и верандъ. 2) Устройство эффектнаго фигурнаго цвѣтника. 3) Комнатная культура лучшихъ лѣтниковъ. 4) Здоровый (вегетаріанскій) столъ. 5) Приготовленіе домашнихъ конфектъ изъ плодовъ и ягодъ. 6) Домашніе консервы изъ плодовъ, ягодъ и овощей. 7) Искусство дѣлать букеты.

6 книгъ ОГОРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА съ многочисл. иллюстрац.

Составлена подъ редакціей П. Н. Штейнберга.

Культура капусты кочанной, цвѣтной, брюссельской и др. 2) Какъ выращивается салатъ кочанный, рѣзной, роменъ, эндивій, крессъ и др. 3) Доходная культура томатовъ и баклажановъ. 4) Культура лука рѣпчатаго, поррея, чеснока и другихъ видовъ лука. 5) Какъ получаются лучшіе корнеплоды (морковь, рѣпа, свекла и др.). 6) Культура гороха, фасоли и бобовъ.

4 полныхъ иллюстрированныхъ руководства:

1) **Огородное сѣменоводство.** Выращиваніе лучшихъ сѣмянъ огородныхъ растеній въ своемъ хозяйствѣ. Состав. *М. В. Рытовъ.*
2) **Ранняя выгонка** плодовъ, овощей и цвѣтущихъ растеній въ теплицахъ. Для любителей садоводства и промышленниковъ. Составилъ *А. И. Мятликъ.*
3) **Роза.** Культура ея въ грунту и ранняя выгонка подъ стекломъ. Новѣйшее богато-иллюстрированное руководство, составленное *Г.* и *В. Десятовыми.*
4) **Раціональное плодоводство.** Полное руков. къ насажденію и уходу за плодов. садомъ. Съ многоч. рисунками съ натуры. Сост. *Н. И. Кичуновъ.*

КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1914 годъ

СЪ ОСОБЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НОВАЯ ОБИХОДНАЯ РЕЦЕПТУРА САДОВОДА

Необходимые практическіе совѣты и рецепты по всѣмъ отраслямъ садоводства, плодоводства и огородничества. **Настольная книга каждаго садовода.** Сост. подъ редакц. *П. Н. Штейнберга.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **4 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 мая остальные 2 руб.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул. № 12, собств. домъ.